

Георгий ДЗЮБА

**ВО ВСЁМ
ВИНОВАТ
ГОГОЛЬ**

Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84-4
Д 438

ДЗЮБА Георгий Евгеньевич

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ: – М.:, 2013. –
336 с.

© **ДЗЮБА Г.Е.**, 2013

ISBN 978-5-942-38-025-0

О БЫТОПИСЦЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА NN И ЕГО РОМАНЕ С ГОСПОДИНОМ ЧИЧИКОВЫМ

Давно хотел прочесть такую книгу, чтобы языком Гоголя да о наших днях. И вот у меня оказалась её рукопись. Трудно поверить, но с автором романа «Во всём виноват Гоголь» я, по сути, не знаком до сегодняшнего дня. С ним мы ни разу не встречались – ни в библиотеке, ни в издательстве, ни за баклажкой московского хлебного кваса с ватрушками, ни за жбанчиком липецкой липовой медовухи с чем-то посущественнее. Знаю его лишь по электронной переписке и фотографиям.

Так уж вышло-получилось, что наше заочное общение с Георгием Дзюбой состоялось в 2008 году «с помощью» Николая Васильевича Гоголя через публикации по гоголевской теме в газете «Литературная Россия», через полемику на её страницах, через параллельные поиски того Гоголя, которого каждый из нас представлял себе по-своему. И тогда мне эта история показалась не более чем эпизодом. Я продолжал и дальше заниматься этой темой, но и Дзюба, как теперь оказалось, не спешил выходить из-под тени великого писателя и своего земляка. И вот привезла-таки Птица-тройка его вместе с господином Чичиковым в наши

дни, но уже не в бричке со сказочными конями, а в «мерседесе» или, скажем, в «Ладе Приоре».

К читателям они, конечно же, добирались каждый своей дорогой.

На страницах романа «Во всём виноват Гоголь» открывается некогда воспетый писателем губернский, а ныне уездный город NN. Или, как поэтично выразился сам автор, «безумный районный город NN», город со своими традициями, сложившимися манерами поведения его жителей и устоявшимися предпочтениями в житие его непревзойдённой элиты. Город, где независимо ни от каких усилий чиновников «...никогда и ничего существенно не менялось».

Наследник чичиковского лакея Петрушки – по-прежнему фанатичный любитель чтения. Он директор крупнейшего книжного магазина. Другой персонаж романа – потомок кучера Селифана. Он по обыкновению за рулём, состоит в бригадах таксистов и так же бережно хранит и холит давнишние фамильные (или родовые) традиции и привычки по отношению к зелёному змию. Естественно, что на страницах книги присутствует и Чичиков: импозантный, деятельный, целеустремлённый, словом, достойный продолжатель неувядаемого дела своего прародителя Павла Ивановича Чичикова – «первопроходца»... «Он, – как замечает автор, – прагматичный реалист и социальный философ высокого летания...» или «...законопослушный законник, хотя и способен на всё что угодно».

Афанасий Петрович Бронькин – ещё один герой. Он человек маленький и чем-то напоминает Поприщина из известных «Записок сумасшедшего»: по-своему одарённый

неудачник с завышенной самооценкой, но не без интеллекта, к которому присовокупляется ещё и завидный организаторский талант. Для него книги Гоголя – не более чем пособия по организации похода за славой, а «методика» работы Ивана Александровича Хлестакова и Павла Ивановича Чичикова – настольная инструкция по её завоеванию. Тем он был и приметен, что таил «...в себе такие оглушительные проекты, о которых люди пока ещё и не мечтали даже в самых крупных и закрытых акционерных обществах и в хитроумных банках». Эти господа-товарищи и есть главные действующие лица и исполнители.

В своё время М.Булгаков в «Похождениях Чичикова» описал, как смена названий (вместо вывески «гостиница» возник плакат «общезитие») произвела метаморфозы воровского НЭПа, когда «двинулась вся ватага на советскую русь и произошли в ней тогда изумительные происшествия».

В книге Георгия Дзюбы, которую я с интересом прочёл, персонажи Гоголя подобным образом возрождаются и благоденствуют сегодня. И заботы у них появляются такие же злободневные, вполне реальные, можно сказать меркантильные. Впрочем, в «высоких», в их понимании, смыслах они так же, как и у Гоголя, иной раз не прочь пофилософствовать затейливо. Да и как без этого? Ведь судя по их мотивам и поступкам, в масштабах города NN и района воздвигнут свойский корпоративный мир, процветает кумовство и, как замечает автор: «Радуга общества гражданско-го поражает воображение!»

Во всём ли «виноват» Гоголь? Чего хотят люди, обрядившиеся в маски героев повестей, рассказов и пьес Нико-

лая Васильевича Гоголя, ради чего кипят их страсти, куда они устремлены?

Вглядимся.

Реанимированные Г.Дзюбой персонажи Гоголя активно участвуют в сегодняшних делах и преображают современную жизнь в соответствии со своими понятиями (чуть не написал «понятиями о чести и долге»). Но их цели стары как мир: власть и деньги под самыми невероятными предлогами, что возникают в их головах на каждом шагу и, кстати, ничуть не снижают доверия к абсурду происходящего. И всё потому, что к читателям все эти «чудеса расчудесные» приходят из глубин хорошо задуманного и современно одушевленного текстом сюжета.

Вот, например, глава «Сухари», что на первый взгляд производит странное, даже сверх-«гоголевское» впечатление. Удивительная «безветренная» лирика в начале главы, поэзия тихого вечера, переходящая в философское осмысление сущности провинциальной чиновной жизни. За ней следуют не политика, не интриги, а нечто высшее, некий служебный экзистенциализм, своеобразная подмена душевного настроения человека в обыденной жизни ритуальностью служения начальству. Складывается впечатление, что жизнь остановилась на бездушном чёрно-белом фото-снимке. Поначалу меня даже удивляла избыточная детализация обрисовки того, как Афанасий Бронькин зарился на никчемные залежалые сухари из приёмной своего генерального директора. Позднее проявляется новая картина, когда первый план заполняется существом человечиски, готовым защищать свою мелочность и сквалыжность

любой ценой. Вскоре его суть проявляется на страницах ещё глубже, когда сухари и другие мельчайшие детали «события» перевоплощаются в своеобразные ЧП вселенского масштаба, куда нанизывается целая гирлянда образчиков межличностных связей, что на первый взгляд даже умом непостижимо, но в этом городе вполне реально. В книге таких примеров множество. Пустячные мелочи постоянно вырастают в неправдоподобные химеры, а химеры затмевают собой саму жизнь. И тогда из «мух» произрастают «слоны», что ещё больше обостряет и повышает всеобщий абсурд никчемности существования и температуру корыстолюбивого кипения элиты.

Несомненно, читателю будет занимательно наблюдать, как провинциальные мазурики проворачивают свои очередные аферы. Несомненно, вы заметите и аллегории, протянувшиеся к нам из тех дней, когда сам Гоголь выступал гениальным экскурсоводом восхитительных залов виртуального Музея истории отечественной коррупции. И тогда приходит устойчивое убеждение, что мы и сегодня ни на секунду не забываем Н.В.Гоголя и изо всех сил стараемся подражать вышедшим из его «Шинели» литературным героям, устремившимся за своими кусками добычи.

Автор поступает смело и логично, используя гоголевские интонации как инструмент описания стяжательства, обмана и цинизма, изображённых в его романе с юмором и иронией, в духе традиций, заложенных Н.В. Гоголем ещё во времена создания им «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Может быть, поэтому в книге Георгия Дзюбы немало мистики, навеянной Гоголем, однако называемой им в

послесловии «фантастикой». Возможно, это действительно как раз и есть фантастический реализм. Здесь абсурд городской жизни нагнетается постепенно. Он, как и водится, с чертями, табакерками, тенями и призраками, что сопровождают цепную реакцию в среде реальных, но уже «мёртвых» для общества душ. Здесь и дела, и люди неизменно балансируют на грани вымысла и реальности. Хотя у меня как читателя происходящее вызывает совершенное доверие. Абсурд денежно-чиновных отношений за окном вполне сопрягается с помыслами и делами персонажей книги, которые с каждой новой страницей становятся ещё более алчными и бесовскими, как те вурдалаки и виивы, которых нам когда-то открыл Николай Васильевич Гоголь.

А вслед за такими картинками, как гром среди ясного неба, раздаётся здоровый авторский смех и возникает неотвратимое желание наконец-то встретить нормального человека, однако остающегося пока ещё где-то за городской чертой NN, а следовательно, и за рамками повествования. Типичная гоголевская ситуация!

Почему же в этом городе жизнь до сих пор никак не налаживается, отчего в ней столько несурaziц, небылиц и прочих передряг? Автор пытается ответить и на этот вопрос, а многочисленные цитаты из произведений Н.В. Гоголя органично подкрепляют его строки о современности и побуждают к дальнейшим размышлениям о настоящем. Читатель убедится, что здесь совсем не азбучное возвращение к теме «Мертвых душ» или, скажем, «Петербургских повестей», а самостоятельное произведение, содержащее полезную пищу для ума.

Автор с Гоголем явно «на дружеской ноге», и его роман, на мой взгляд, в потоке современной прозы будет принят читателем, отмечен неординарностью замысла и оригинальным стилем (хотел было сказать «гоголевским» стилем, но это, разумеется, стиль Георгия Евгеньевича Дзюбы, к тому же вполне современный). «Красота классики – страшная сила!» – утверждает автор. В этом с ним можно согласиться. Он взялся за сложный материал и справился с ним, в чём я и приглашаю вас убедиться.

Александр ТИТОВ,
писатель,
с. Красное, Липецкая область

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ТОТОЛЪ

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала
довольно красивая рессорная небольшая бричка...»
Н.В. Гоголь, «Мёртвые души»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I НА БИСЕКТРИСЕ КРАСНОГО УГЛА

Почему эту светлицу называли красным уголком не знали даже навязанные учреждению начальником собеса ветераны труда. В дни городских празднеств их заводили в этот уголок, а потом и выводили из него с гвоздиками и именными открытками на долгую и вечную память от лица разнообразного руководства. Ветераны всегда в курсе всего: куда дрожжи завезли, где макароны дешевле, но сведений о происхождении красного слова и цвета там, где на самом деле никакого цвета не наблюдалось, не имели. Для персональных выговоров, «...переборок, распеканья, взбутетениванья и других должностных похлёбок...»¹ генеральный директор этого замечательного учреждения лишь иногда употреблял свой рабочий каби-

¹ Рассказчик сильно совестится тем, что в повествовании о столь мелких событиях здесь и далее по тексту произвольно использованы словосочетания и фразы гениального Николая Васильевича Гоголя, которые, правда, в каждом случае честно обрамлены кавычками и выделены курсивом. Жалкое оправдание автора состоит лишь в том, что предлагаемые вам страницы мотивированы впечатлениями от прочтения литературных произведений великого Н.В. Гоголя

нет. Его предбанник, или приёмная, с неотразимой и мстительной секретаршей использовался только по чистым четвергам, когда здесь солировал обладатель прекрасного баса, он же начальник транспортного цеха учреждения, заслуженный соискатель мэрской поэтической премии «Сладоуст эпохи» Лучезарий Шляппа. Он зачитывал поступившие в адрес генерального директора озаряемого нами учреждения торжественные приветствия, горячие клятвы и безбрежные благодарности.

В красном же уголке, как правило, определялись и оглашались результаты измерения глубин дисциплинарных патологий и промахов действующего персонала, вручались именными обходными листы конченым неудачникам, а силами самодеятельного хора трудящихся под фонограмму-минусовку для несчастливцев исполнялось «Прощание славянки». По обыкновению на совещаниях, созываемых по какому-либо поводу или совершенно безо всякой на то причины, но обязательно в обеденный перерыв, здесь же проходили внезапные и циничные административно-методические тренинги, что устраивались исключительно по личному распоряжению совсем уже озверевшего от безнаказанности генерального директора этого многогранного учреждения Петра Октябриновича Мудрецова и с его непрременным личным участием. В такие часы в уголке силь-

нее всего ценилась густая гласность, жгучее неодобрение коллективом погрешностей теперь уже бывших коллег; а также поголовное восхищение персонала умственными вывертами и придумками их странноватого вождя.

В этом чудном учреждении того самого невероятного районного центра, что однажды ещё в ранге губернского и по причине отсутствия иных писательских сюжетов умело очернял сам великий Гоголь, а именно в дивном городке NN, так было с давнишних времён. Не мы устанавливали эти порядки, и понятно, что не нам их и отменять. Такого же мнения придерживались простые горожане, интеллигенция, чиновники, и в этом все они не сильно ошибались, потому что, что бы они ни делали, здесь никогда и ничего существенно не менялось: ни в городе, ни в его учреждениях.

Трудно поверить, но придётся: даже при столь богатых традициях и крепких порядках в собственно красном уголке никто и никогда не краснел. Бледнели здесь тоже совершенно непримечательно и абсолютно невыразительно по причине отсутствия в красном уголке натурального дневного света. Рельефно-выразительные углы, вентили и задвижки под потолком, а также феерические тени от них, а ещё от коробов, труб и других неизбежных подвальных ценностей, позволяли администрации учреждения добиваться в красном уголке

ке высокой корпоративной сплочённости и аккуратности даже в сложнейших передвижениях отлично вымуштрованного персонала. Генеральный директор считал это превеликим достижением в своей повседневной деятельности, хотя своей личной дезинтегрирующей роли в этом неоднозначном деле от своих закадычных друзей-подружек не скрывал и даже бахвалился этим, а по отношению к персоналу с каждым днём подличал всё больше и больше, особенно насчёт штрафов и премий. Впрочем, если сказать о помещении красного уголка ещё, то такими же тенями, трубами, паутиной и приличными коробами могли бы прихвастнуть покои и этажи минусовых уровней и в других недурных офисах пристойных городских округов этого региона, к чему заострять дальнейшее внимание наших немногочисленных читателей мы намерений не имеем.

Находясь в теперь уже известном вам красном уголке и не отрывая внимательных глаз от страниц книги, Афанасий Петрович в очередной раз потянулся за сдобным подрумяненным сухариком, но его пальцы сухаря не застали. Они продолжили намеченный ими маршрут и поначалу нашли лишь никчемный и бесполезно шуршащий кулёк от сдобных сухариков, затем им повстречался аляповатый китайский термос, а потом... А вот после аляповатого китайского термоса лучше бы они потом ниче-

го и не находили. Сейчас Афанасий Петрович коротким взглядом убедился, что пальцами действительно обнаружилась гадкая и враждебная ему и его натруженным перстам пепельница в виде отчасти обгоревшей жестяной кофейной банки. И он невнятно чертыхнулся точно в сторону табуна табуреток, лавок и давно уже вышедшего по состоянию здоровья на заслуженную пенсию крепко засиженного директорского кресла, на которых в другую минуту могли бы сидеть влюблённые во все табачки Улупаевска, Ростова и Краснодара его коллеги. Чертыхнулся он некрепко лишь по той причине, что над красным уголком учреждения, как и над всем городом, в эту минуту висел глухой осенний вечер, что удваивал впечатление о себе серым, как солдатское одеяло, потолком. Сейчас даже самые внятные его черты-ханья могли быть по достоинству оценёнными лишь бездомными собаками прославленного города NN. Перед ними, как и пред остальным народонаселением города, Бронькин никогда не заигрывал. Он никогда не опускался до уровня пустой болтовни даже в самые неудачные вечера и ночи с четверга по воскресенье за весь период своей трудовой гражданской биографии. В другие дни и ночи недели у него имелись другие и тоже нешуточные дела.

Лично Афанасий Петрович ни разу не курил, а незначительные свои вредные при-

вычки без крайней на то необходимости никогда не выпячивал. В его душе, постоянно ищущей в булке жизни изюм или курагу, глубоко скрывались только мелкие и слегка вредные наклонности и влечения, а также давным-давно укоренившееся предрасположение и даже какая-то страсть к их материальному олицетворению. Впрочем, о таких мелях и глубинах в его душе не знали даже те сотрудники, что консолидированно ему презирали табачный дым или, по крайней мере, признавали лишь новомодные кальяны. Афанасий Петрович строго содержал свои недочёты и вредности в секрете даже от самого себя. Арабески своих тайных влечений, пристрастий и предрасположенностей он терпеливо и бережно укрывал в глубине своей бранной души и беспрестанно мудрствовал о путях их преобразования в громогласную славу с приятной рыночной ценой. Словом, путей и троп, усыпанных рублями и долларами, в теории он нащупал уже немало, но удобных случаев для запуска этих проектов на недостижимые высоты под руку что-то не попадалось.

– Итак, сухари кончились, – глубоко задумался Афанасий Петрович, не отрывая спины от батареи отопления. – Но гоголевский Иван Фёдорович Шпонька и без них когда-то отменно управлял взводом и был образцовым подпоручиком, так как сам *«...ротный командир все-*

гда ставил его в пример». За пятнадцать лет службы в полку Шпонька выработал привычку позволять себе рюмку водки перед обедом и ужином. А в то время, когда его сослуживцы колесили *«...по мелким помещикам, он, сидя на своей квартире, упражнялся в занятиях, сродных одной кроткой и доброй душе: то чистил пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели»*.

– Любопытно, – и даже несколько громче, чем чертыхнулся до того, произнёс себе Афанасий Петрович слово «любопытно» ещё раз и сам себе крякнул. – Шпонькин полк, хоть и дислоцировался по деревням, но ни в чём *«...не уступал иным и кавалерийским»* полкам?.. Здесь, – с удовлетворением обнаружил он, – офицеры хоть и выпивали крепко, зато хорошо умели танцевать мазурку и *«...маскать жидов за пейсики не хуже гусаров»*. *«Чтобы ещё более показать читателям образованность П*** пехотного полка...»*, Гоголь сообщал читателям даже о двух весьма авторитетных офицерах, которые могли совершенно свободно проиграть в карты *«...мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье, что не везде и между кавалеристами можно сыскать»*.

– Эх, жила ж тогда окопов да траншей элита! – почти стихами продекламировал здравницу

пехоте движимый чувством белоснежной зависти Афанасий Петрович. Затем он потянулся, встряхнул ранней сединою, не глядя вскочил в любимые туфли и тщательно промерил ступнёй к ступне красный уголок точно по биссектрисе наискосок, а потом даже показал стенам и потолку необычайные аллюры и углы руками, примерно напоминающие корпоративную производственную гимнастику.

Со стен красного уголка за его действиями внимательно наблюдали портреты выдающихся местных начальников, отдельных настоящих, будущих и бывших руководителей государства и даже кой-каких глав соседних держав и перспективных кандидатов в губернаторы краёв и областей из ранее мудро расширенного, а теперь уже умело укороченного кремлёвского резерва. Внимательному созерцателю в эту минуту могло бы даже показаться, что прыть Афанасия Петровича особенно сильно восхитила того главу, чья душа уже давным-давно унеслась, а судя по его конечной должности, и перенеслась в мир райских блаженств или прелестей оффшорного рая. Однако созерцателей, как сторонних, так и местных, в эту минуту здесь не наблюдалось по причине надвигающейся ночи, а лично Афанасию Петровичу на этот счёт не показалось ничего. А потому, покончив с физкультурой, он принялся зорче изучать портрет усопшего.

– А ведь могли бы его снять, – пораскинул умом Афанасий Петрович, – да перевелись все наши буйные и отчаянные в другие учреждения города... Он долго стоял, смотрел и размышлял, пока его не осенило, что надутый господин в багете – земляк бывшего тестя нынешнего градоначальника. – Тем более – тесть бывший, а земляк хоть и крупный, но помер, можно было всё равно его снять с гвоздя. В торжественной обстановке, например, на совещании и хотя бы посмертно, – повторно пораскинул умом вокруг портрета Афанасий Петрович и окончательно потерял интерес ко всем настенным доказательствам вялотекущей по городским улицам эпохи.

Афанасий Петрович вновь придвинулся к батарее центрального отопления так тесно, словно и не отвлекался от неё, снова скинул обожаемые им туфли, а уже в дополнение к этому достал из потёртой командирской сумки истрёпанную тетрадь, ворох листов в клеточку и разложил всё это перед собой. В который уже раз скользнул взглядом по мониторам камер видеонаблюдения. В который уже раз убедился: те, по которым он скользнул, мыслят правильно, и теперь уже поскользился по страницам...

– Ну что ж, манеры кавалерийского полка, прибывшего на постой в городок Б., повесть «Коляска», Гоголь, – с удовольствием углубился он в рукопись. Бригадный генерал и его сорат-

ники: полковник с султаном в шляпе, толстый майор, тоненькие подпоручики и сидящий у них на руках прапорщик на Афанасия Петровича выгодного впечатления не произвели. Далее он отыскал свою выписку даже из первой редакции повести, где говорится, что с той поры «...как стал в уездном городке кавалерийский полк, всё переменилось: застрелили улицы, оживились; одним словом, всё приняло другой вид. Через улицу брёл уже не петух, но офицер в треугольной шляпе с перьями шёл на квартиру к другому поговорить о производстве, об отличнейшем табаке». Уравнение петуха с офицером и близость к ним глагола «брести», в отличие от мировой лингвистической мысли, сохранило Афанасия Петровича в полном равнодушии. Рассказ о специалистах этого подразделения по игре в вист, разыгрывающих полковые дрожки в качестве главного приза, – тоже. А вот Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, что когда-то состоял одним из самых «...значительных и видных офицеров...», а ныне считался одним из «...главных аристократов Б... уезда...» и первым кандидатом на избрание предводителем дворянства, вызвал у Афанасия Петровича сердечное волнение. Чертокуцкому, правда, пристало оставить службу: «...то ли дал кому-то оплётуху, или ему дали её». Но былые офицерские успехи Чертокуцкого надёжно хранились не только на страницах

повести, но и в памяти «...девич Тамбовской и Симбирской губернии», что свидетельствовало о его полных способностях.

Ко всему этому, само человечье и дворянское изящество Пифагора Пифагоровича сильно впечатляло. Его речь и блеск, а также приличие, ловкость и поэтичность по неясной для Афанасия Петровича причине что-то слегка царапнуло в самих дебрях его души, хотя могло бы его душу в этом месте как раз и умаслить или размягчить хотя бы...

– Надо же, – принялся копать уже в царапнутой душе Афанасий Петрович, – отслужил, так ведь ещё и в исполком двинет!? Такой простой?.. вразумительный!.. и показательный уже после отставки номер! – призадумался он и принялся искать другие виды и рода войск, чтобы ещё сильнее вооружиться поучительными жизненными фактами.

Воспользовавшись философскими раздумьями Афанасия Петровича над будущностями отставных офицеров и выисками давнишних столбовых дорог их дальнейшей статской карьеры, для справки известим наиболее любопытных читателей о том, что в освещаемом человеческими судьбами и полковыми нравами красном уголке персонал учреждения в дневное время обыкновенно поедал домашние обеды. По такой причине все воспоминания и размышления персонала уч-

реждения в этом уголке традиционно, неизменно и, как правило, сводились к прикладной арифметике. По таблицам калорийности продуктов некогда моднейшей столичной диеты, что наконец-то докатилась и до уездного города NN, сотрудники беспрерывно считали всё и вся, а копейку каждую, как и калорию, остроглазо держали на грифельях разноцветных карандашей. Считали хлеб и самсу, пряники и пахлаву, колбасу ливерную и кильки, как в томатном соусе, так и совсем без соуса, а только в соку. Учитывали даже икру кабачковую, молоко кислое и даже такое что-то, что приносили в пол-литровых банках с собой из дому, бог знает с какими энергетическими возможностями, и что разглядеть даже чрезвычайно проницательной директорской доносице Феньке Ляминич не существовало решительно никакой возможности. Фенька, или, как она сама себя почитала, Фелиция, всё это могла лишь старательно понюхать. Могла она ещё сделать из вынюханного продукта больше ни на чём не основанные выводы и представить своё субъективное заключение из ощущений генеральному директору. Думается, что после такого сообщения нашим читателям предельно прояснилось, что в красном уголке гастрономические ароматы присутствовали всегда, включая и неторопливо описываемые нами часы с ясными перспективами только в

том, что трудовая смена у Афанасия Петровича завершится лишь утром.

Можете себе представить, что даже в этом замечательном многополярном букете вкусовых чуткий нос Афанасия Петровича точно пристрелялся и изворотливо изобличил из числа прочих запахов волнующие флюиды сдобных сухариков. То есть одноимённых сдобных флюидов в диапазоне его обоняния по красному уголку порхало множество, а собственно сухарей ни на зуб, ни на ощупь не ощущалось. И казалось, что это очень сильно удручало не только Афанасия Петровича, но даже и висящих на стене выдающихся местных начальников, отдельных бывших, настоящих и будущих руководителей нашего государства, кой-каких глав смежных держав и людей из скукожившегося кадрового резерва...

ГЛАВА II

НИЧЕГО ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО ВОКРУГ

Вечер катился в ночь. На огромной резной дубовой кровати размашисто и обессиленно валялся «...немного суровый на взгляд с очень крупными губами и носом» джентльмен в тёплых голубых кальсонах с начёсом и в просторном подержанном халате. В халате, далеко не из последней коллекции чрезвычайно популярной в городе NN сети магазинов секонд-хенда, однако всем видом своим указывающем на то, что достался он этому джентльмену, несомненно, по чрезвычайно крепкой дружбе с начальствующими особами одного из центральных прилавков. Сегодня джентльмен вполне удачно довершил неофициальные переговоры с невероятно влиятельным экономистом из администрации края господином Иваном Ивановичем Хитрогрызовым и прискакавшими из центров продажными таможенниками. После чего джентльмен с откровенным удовольствием чего-то крепкого крепко выпил с ними, затем они вместе крепко выпили ещё чего-то, но уже другого, а потом, конечно, выпили они и водки. И всё у джентльмена склады-

валось в этот день будто бы так, чтобы радоваться красоте жизни. Но красота и радость в его жизнь не приходили. Не появились они у него и в спальне, когда к выпитой с Иваном Ивановичем и успешно перекупленными у конкурентов таможенниками крепкой казённой водке дома он добавил ещё дважды по столько виски, но уже собственной закваски, и хорошенько закусил всё это привычной для себя едой. А именно: салом и чесноком, солёными огурчиками, замаринованным лучком, квашеной капустой, а в конце ещё и мочёными яблоками. Потом джентльмен о чём-то крепко задумался и один раз даже сыграл сам с собою в шахматы, назначив в свою армию канане с моцареллой, томатами черри и базиликом, а команду своего врага учредил в виде рулетиков из сёмги с кетовой икрой, балыком, угрём и другой такой же никчемной дребеденью. Здесь у джентльмена получилась абсолютная ничья, поэтому мат он провозгласил лишь на словах, а затем от злобы на ускользнувшую от него викторию жестоко искусал основных начальников противостоящего войска и по всему виду совершенно расклеился. Потом он попытался приманить к себе сыром, рыбой и даже базиликом своего хитрого, но не вполне верного друга – пуделя по имени Плюшка. Но Плюшко столовался здесь уже не первый год, неплохо ориентировался в опасностях своего суще-

ствования у джентльмена, а потому на контакт не пошёл. Он затравленно забился под платяной шкаф, откуда также неодушевленно, как и сам Плюшка, немигающе торчал бок небольшого ларчика *«...красного дерева, с штучными выкладками из карельской берёзы»*.

– Все против меня, – решил джентльмен и привычно запустил в Плюшку сначала подушку, затем горсть мелких помидоров, а потом и ботинок.. После этого он ещё раз пошарил по кровати рукой, зацепил какие-то бесполезные для воспитания своего не вполне верного друга дамские кружева, а уже под ними с удовлетворением нащупал плойку для укладки волос, которую тут же ловко и без всякого замаха тоже запустил в собаку. Но на этот раз в Плюшку он сильно промазал и попал точно в великолепную девушку Айгуль, что именно в эту минуту выросла в дверном проёме вместе с жасминами, которые с её пришествием *«...по-неслись по всей комнате»*.

Айгуль не сразу прониклась драматизмом происходящих событий, ибо искренне обрадовалась тому, что её любимая плойка, пропавшая днём ранее, наконец-то нашлась...

Надо сказать, что Айгуль Ахдамова на самом деле являлась собой двадцатисемилетней красавицей из восточного города Целинограда и здесь находилась по делу, ибо состояла на службе в широкопрофильном книготорговом

заведении, принадлежащем этому рассерженному мужчине, распространяющему по спальне стабильный запах обычного чеснока, маринованного лука, сивухи и не пойми чего ещё. К необъяснимому духу, сопровождающему её хозяина по жизни везде и всюду, она уже давно принялась и привыкла, а вот чесночный запах Айгуль признавала только в плове, а потому сейчас она мелко наморщила носик, но от этого стала ещё краше. Чаще всего в столь поздние вечерние часы Айгуль бродила по лабиринтам квартиры своего шефа в откровенном дезабилье, но сегодня и она была не совсем такой, какой привык её видеть хозяин. Сегодня она сама себе постановила поиграть с шефом в ванильку, а потому нацепила на себя огромные тёмные очки, маечку «I love London» в облипку, прозрачную капроновую юбочку в ромашках и цветные балетки. Больше она сегодня на себя ничего не нацепляла, но и это казалось неприличным множеством неподдающихся исчислению нарядов.

В тонкую ванильную сигаретку, что взросленькая девочка-ванилька Айгуль картинно держала сомкнутыми пальчиками, как раз и угодила так нежданно-негаданно нашедшаяся плойка, что, впрочем, ощутимого вреда им не нанесла, а потому Айгуль в целом оставалась такой же по-ангельски милой и приветливой, какой её и привык знать Пётр Октябрьевич

Мудрецов. Хотя заметим, что для соблюдения своей служебно-протокольной недоступности всего лишь минутку спустя Айгулька кокетливо прикинулась обиженной таким отношением к её любимой плойке даже несколько более обычного, но это её сделало ещё привлекательнее и прелестнее, чем написано тремя строками ранее.

Надо сказать, что непредсказуемые повороты событий в спальне у господина П.О. Мудрецова и до сего дня случались не раз, к чему Айгуль уже успела в целом порядочно приспособиться. Вместе с тем сейчас глаза Петра Октябриновича Айгульке всё же показались необыкновенно бессмысленными. Привиделось, что сейчас её шеф лежал в полном безразличии ко всему, утратив интерес ко всякой, возможно даже и к интимной жизни, что её тотчас немало озадачило. Более того, сейчас Мудрецов глянул на неё так зло и неприветливо, как смотрит самый отъявленный двоечник на самую нелюбимую учительницу самого туманного и малопонятного ему школьного предмета. Словом, полный неадекват в его взгляде Айгуль тонко подцепила своим прекрасным взором и с тревогой принялась оглядываться вокруг, но ничего подозрительного вокруг своего хозяина она не нашла. А тот продолжал ещё более отчётливо грустнеть и неприлично высказываться матерными фор-

мулировками по широкому кругу вопросов. Плюшка сначала внимательно слушал хозяина и кивал головой, а затем высунул морду из-под шкафа и принялся скулить, как бы всецело соглашаясь с точкой зрения шефа на сложившуюся в спальне ситуации.

– И хорошо ещё, что я сегодня не надела школьный передник, пионерский галстук и не нацепила газовые бантики, – подумала Ахдамова и теперь уже без кокетства опасно прошептала: – Что случилось, Петушок? Где был, милый?

– Где-где, – раздражённо повторил Мудрецов, добавив сюда точно в рифму нецензурный адрес своего пребывания, и замолчал. И надо сказать, что если бы Мудрецов не замолчал, то нашёл бы для этого эпизода слова и похлеще, зато посыпались бы они из него, как из рога изобилия. Так уж он был устроен, этот господин Мудрецов. По прямому долгу службы ему приходилось выпивать нередко, однако в трезвом и в полутрезвом состоянии, как сейчас, господин Мудрецов всегда был больше молчаливым товарищем, чем разговорчивым, почему в городе NN и заслуженно считался умным человеком. Он всегда слыл здесь также и непрымством человеком, поскольку имел *«благородное побуждение к просвещению, то есть к чтению книг, со-держанием которых не затруднялся»*. Петру

Октябриновичу и правда было совершенно безразлично, изюминки ли это моднейшего нового реализма, научно-популярная фантастика в виде министерской программы развития Дальнего или Ближнего Востока в двух томах или учебник начертательной геометрии. Большущей душевной отрадой для господина Мудрецова в такие часы знакомства с очередным источником знаний было расслабленно валяться на кровати и чтобы книжонку ему читала шустрая девчонка с умопомрачительной фигуркой, смазливый, пусть даже и без признаков печати интеллекта, личиком и задатками театральной актриски. И надо сказать, что всем этим сведённым воедино редкостным особенностям девичьего таланта в полной мере соответствовала Айгуль Ахдамова. За фигуру, дикцию и душевную драматургию Мудрецов Айгульку практически боготворил. Обычно её художественное чтение, сопровождаемое всякими танцевальными штучками, кошачьими выкрутасами с зонтиками, пломбиром, вареньем и морковками, пантомимической демонстрацией косинусов и весёлых мышек-норушек или Василисы Прекрасной на уроке физкультуры порой так улыбало и заводило Мудрецова, что он требовал от неё перечитывать полюбившийся, хоть уже и прочтённый абзац снова и снова.

Нередко, но по большей части в конце прочтённого параграфа или главы, Айгуль реши-

тельно и беспощадно сдёргивала с себя и разбрасывала по комнате всякие шляпки, ленточки, колготки или подвязки, словом, всё, что в те минуты на ней висело, и устраивала для него ещё и прочий концерт. При удачно подвернувшимся ей тексте, то есть время от времени, хотя и ежедневно, она яростно отбивалась от мнимого нападения на неё какого-нибудь монстра или маньяка. Либо наоборот, она совсем не отбивалась от монстра или маньяка, а понарошку обречённо и обессиленно рюмсала, подвывала и драматически царапала подушку, будто бы сдаваясь на милость этому неукротимому насильнику и грубому правонарушителю, одержавшему над ней победу.

И тогда Мудрецов участливо и огорчённо хватался обеими руками за свою голову или успокоительно поглаживал ими свою хитрющую, как Плюшка, актриску или вообще не за себя или Айгуль хватался-гладился он, чтобы утешить или выручить девушку, а хватался он за фотоаппарат. И надо сказать, что снимки у Петра Октябриновича Мудрецова всегда получались весьма приличными. И будь он хоть бы чуть более предприимчив и расчетлив – все клюквенные журналы краевого центра стояли бы давно у его персонального подъезда в бесконечной очереди за чрезвычайно смотрительным и качественным материалом, а сам Мудрецов точно получил бы уже какую-то

большую гламурную премию от культуры и широкое общественное признание. Да и Айгуль давно бы уже и точно взошла бы из его спальни комнаты на региональный небосклон в образе звезды главной величины прилегающей местности, официального лица или тела какой-нибудь заметной городской партии, а то и универмага первой шеренги.

Но сегодня что-то было не так...

ГЛАВА III

В ИСКРАХ ТРУДОВОГО ПОРЫВА

– Читай мне всё это сейчас же и немедленно, – наконец очнулся Мудрецов и бросил Ахдамовой несколько словно изжёванных коровой машинописных листков, а вдогонку как-то уж совсем скорбно склонил голову и застыл перед ней, словно перед самой ближней родней ещё не остывшего покойника.

– Читать с выраженьицем, Пётр Октябрьнович, читать как всегда?

– Читай! Как попало читай, – почти взревел Мудрецов, на что Айгуль, внешне послушно и кротко, захлопала ресницами, но её глаза предательски засияли привычными для них в такие минуты искрами трудового порыва.

– Павел Иванович Чичиков – самый яркий человек и герой поэмы Н.Гоголя «Мёртвые души», о котором в сознании нашего любимого города NN безнаказанно и нагло насаждается вредоносное представление, – принялась девушка за вязь незнакомых ей фактов. – Сочиняя скверное мнение о П.И. Чичикове и его боевых друзьях, а также извращённо дискредитируя подлинных благодетелей нашего

города с употреблением их имён в нарицательном состоянии, безответственные должностные и другие понаехавшие сюда лица липко клеят маякам классики и городского бизнеса форменную чернуху. К выборам они вспомнили о том, что из-под палки слышали в школе, и иносказательно принялись нести такую хрень, что просто закачаешься, – глубоко вздохнула Айгуль. – Вы, наверное, думаете, что я защищаю калифорнийских серых китов нашего райбизнеса Евстрата Акакиевича Мстюкина и Деню Гробороя? Нет, нет и ещё раз нет! Да, я ограждаю, но не потому, что их семьи живут за пределами выжившей из ума Европы. Я отвергаю претензии всех дрессированных политиков и районных PR-технологов также и от флагманов среднего предпринимательства в лице С.К. Хвата-Залепухина и А.С. Центнера, а также от капитанов мелкой розницы вроде Навроди Вилена Кузьмича, Аглавяна Сержика (Боулинга), Эдика Хайгуллина-мл. и других тт., и не потому, что они безгрешны. Грешны, так как в наш бюджет они дают не сто, как хотелось бы нам – избирателям, а лишь пятьдесят девять и восемьдесят шесть сотых процента средств от общих поступлений в казну. Коню понятно, что эти люди – классики своего дела, но зачем же их втыкать в параллели героям литературной классики?..

– Смотри какая зараза! Нет, ну ты посмотри какая инфекция? Десять процентов в районном общаке – мои кровные! А он даже фамилии моей не употребил, – театрально заколотил ногами по матрацу Мудрецов, изображая бессильную злобу. – Читай дальше! Читай!

– Читатель и сам разберётся, – с опаской продолжила декламировать Айгуль, – чем дышит, к примеру, Михаил Семёнович Собакевич, и знает его простым, молчаливым и кушающим осётра мужем. М.С. Собакевич никогда и никого не выдаёт, не продаёт и своих не сдаёт. С кем бы он ни имел дело – лишнего никогда не скажет. Разве плох такой специалист для райспецслужб и полиции? Помещик Манилов тоже мужик нормальный: обходителен и нежен в общении и в делах. Он даже выглядит симпатично так, что не хуже артиста Моисеева из «голубых огоньков» и таких же концертов. О таких манерах руководителя давно плачет наш районный ДК, который нынче на родной речи не умеет даже прилично выматериться и беспрестанно чешет только на языках Памира, Тянь-Шаня и Копетдага. Да и начальник культуры нашего города недавно по телевизору, как вы помните, залепил по прямой линии из лектория выходного дня в детской комнате полиции о том, что по вечерам ВИА «Эйнштейн» слушает да теорию относительности товарища Раммштайна изучает. Ха-ха-ха...

Помещик Пётр Петрович Петух? Патриот и фанат отечественной кухни! Наш общепит с ним никогда и рядом не валялся. Его тёзка, а в другой редакции поэмы уже не тёзка, а Семён Семёнович, только Хлобуев, постоянно кается за свои промашка, а в сохранившейся части тома № 2 «Мёртвых душ» напоследок готов послужить даже обществу. Помещик Ноздрёв всегда находчив и зверски общителен, а в натиске просто незаменим для любого отдела не только пропаганды, но и агитации. У самого Плюшкина Н.В. Гоголь заметил что-то такое доброе (когда Степан тепло родную школу и своих одноклассников-ру вспомнил вдруг), а это уже на грани человека не только материально ответственного, но и человеческого! Такие люди нам всегда тоже нужны позарез. Так что думайте, господа хорошие, с кем сравниваете наших акул бизнеса! На себя лучше полюбуйтесь! У героев Н.В. Гоголя из поэмы «мёртвых», а вспомнил я здесь лишь отдельных и только для усиления аргументации их плюсов, таких качеств завалились. Своими неумелыми сравнениями наших людей с героями классики вы ещё больше укрепляете авторитет классиков нашего бизнеса!

– Вот гад, о моём авторитете даже не гавкнул. *«Лысый бес начхай тебе в кашу!»* – зло прошипел Мудрецов. – *«Всё пошло к чёрту!»* (Здесь Плюшка с нескрываемой тоской в гла-

зах снова задрал голову вверх, но на этот раз промолчал, так как шипеть ещё не научился).

Айгуль всегда казалось, что Мудрецова вывести из равновесия умела только она. *«Казалось, и с виду он принадлежал к числу тех людей, которые не ломали никогда головы над пустяками и которых вся жизнь катилась по маслу»*. Сейчас всё куда-то катилось без всякой смазки: – Да кто же этот писец хренов, Пётр Октябрьнович, кто? – беспокойно прошептала девушка и с силой запустила одну из балеток во внешне равнодушного к хозяйским тревогам Плюшку.

– Кто-кто, конь Бронькин из моего книжного гастронома в пальто! Читай!..

– А я тебе, Петрушенька, давно говорила, что Бронькина надо сокращать. У него взгляд садиста-маньяка, сексуального извращенца и клеptomана конченного.

– Чи-тай сказал! Потом мне про эти слова всё расскажешь...

– Чита-а-ю...

– Администрация заявляет людям, что в городе «много чичиковых развелось»? Вы только послушайте! У Павла Ивановича товарища Чичикова мозгов во сто крат больше, чем у всей этой администрации! – продолжила чтение девушка. – П.И. Чичиков отнюдь не глупый, если не заявить умный! Он наш! Сегодня он мог бы вознестись в ранг топ-менеджера либо удачливого брокера, чтобы блестяще распоряжаться

ценными бумагами трудящихся и их доверием. Из него получился бы превосходного уровня маркетолог. Он прагматичный реалист и социальный философ высокого летания. На таможене тов. Чичиков П.И. проявил способности удивительные, определяя по фактуре, *«...сколько в какой штучке аришин сукна или иной материи»*, а, взяв в руку свёрток, способен был установить, сколько там фунтов. Его бы в аудит или на рубежи наши районные, сами подумайте кем? Хоть сейчас туда его, хоть сегодня! – Айгуль оглянулась по сторонам, будто бы выискивая, кого бы ещё отпустить на таможенно или в аудит, но, похоже, так никого в спальню и не нашла и продолжила: – Павел Иванович мог бы стать даже начальником военного гарнизона. Он всегда лихо взбегал на крыльцо, вскакивал со стула или садился в коляску *«...с быстротой и ловкостью почти военного человека»*, где и располагался *«...точь-в-точь как отставной гусарский полковник»*. Он прекрасно знал пороки и достижения военной организации государства и потому справедливо указывал т. Ноздрёву, например, что оскорбляющими благопристойность речами можно щеголять лишь в казармах. А в экстремальной ситуации мысленно и от души он умело ругал того же Ноздрёва не хуже опытного капитана или генерала. Чичиков терпеливо разъяснял помещику Андрею Ивановичу Тентетникову про-

фессиональные привычки генералов обращаться на «ты». А с каким уважением он относился к генералам! *«Счёл долгом представиться вашему превосходительству»*, – так начал он свою речь к генералу Александру Дмитриевичу Бетрищеву. – *«Питая уважение к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счёл долгом представиться лично вашему превосходительству»*. Согласитесь, приятная оценка для любого нашего генерала даже сегодня.

Уместно вспоминаю повесть писателя Гоголя «Портрет», где у художника Чарткова *«...гвардейский поручик требовал непременно, чтобы в глазах был Марс»*. Чем хуже гвардейца этого П.И. Чичиков? Вспомним барышень, которые обоснованно замечали в Чичикове *«...величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам»*. Павел Иванович адресовал им такие слова, какие отпускают лишь *«...всякие ловкие военные люди»*, а на вечеринках ощущал себя *«...совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром»*.

Сейчас Айгуль снова подумала о своей работе, о начальнике и о том, что нужно бы ей как-то изловчиться и дать ему *«...как будто нехотя поцеловать себя»*. Авось повеселеет? И тут она принялась точно в такт чтению, будто бы произвольно, покачивать бёдрами и тихо зади-

рать ближе к шее британскую майку, чтобы вроде как невзначай почесаться...

– Я же сказал тебе без выражения и как попало читать, – заметив такие хитрости, ещё грубее рявкнул на неё Пётр Октябрьнович Мудрецов, и девушка скоропостижно застопорила бёдра...

– Заметим, что в ряду подобного рода достоинств у т. Чичикова П.И. имелся и другой метод обаяния женщин, а именно «...с мягким выраженьем в улыбке деликатного итатского человека», – недовольно продолжила чтение Ахдамова, принявшись назло своему шефу размашисто шевелить бюстом в такт вылетающим из неё словам, как это делают опытные баскетбольные фанатки. – Следует признать, что российские бабы, не в упрек будет сказано нашим читательницам, ранее всегда отличались традиционным равнодушием к офицерам. И они отлично понимали, что «...похищение губернаторской дочки более дело гусарское, нежели гражданское». Что 126 статьи Уголовного кодекса РФ по существу похищения человека со стороны Чичикова тогда быть не могло, и пишу я вам так потому, что эту статейку неплохо осмыслил. И потому что Чичиков – законопослушный законник, хотя и способен он на всё что угодно. И кто знает, что бы он там ещё полезное для истории отмолил во втором томе «Мёртвых душ»?

Ведь даже при обсуждении его визита к Настасье Петровне Коробочке воображение дам находило в Павле Ивановиче образ смелого, мужественного и очень решительного богатыря вроде Ринальда Ринальдина, который «...скандальозу наделал ужасного», и это при всей его ангельской воспитанности и чертовском терпении.

Тем не менее, рискну сделать замечание даже Павлу Ивановичу. Возможно, П.И. Чичикову следовало было бы плотнее заниматься женским полом в период командировок в зону российского Нечерноземья и смелее комбинировать в практике общения с ним. Ведь не случайно, что во время ДТП с участием экипажей Чичикова и губернаторской семьи в его действиях выявилась нерешительность по отношению к номенклатурной девушке комсомольского возраста. И ясно, что на этом поприще Павел Иванович был не близок к уровню знакомых нам по первому тому поэмы штабс-капитана Шамшарёва и лучшего друга господина Ноздрёва поручика Кувшинникова. Не сказать этого было бы лицемерием с моей стороны. Добавим П.И. Чичикову и снова в плюс, что если в первом томе «Мёртвых душ» он опасался играть с т. Ноздрёвым даже в шашки, то в испелённой писателем Гоголем рукописи второго тома, по воспоминаниям его современника господина Арнольди Льва Ивановича, он пока-

зал себя гроссмейстером даже в шахматах. Вот так-то, господа-товарищи!

Вы окрысились на наших бизнесменов продажной журналистикой и глупо пишете Чичикова с маленькой буквы и во множественном числе, – здесь Айгуль натолкнулась совсем уж на ледовитые удары пера «маньяка и клептомана». – Так получите взамен классику жизни! Уже через месяц после выхода поэмы «Мёртвые души» «С.-Петербургские Ведомости» сообщали, что П.И. Чичиков – «...человек с сильною натурою, сжатою в одно чувство, порождённое в нём общественными нуждами, взлелеянное по недостатку высшей образованности; чувство почти животное, но которому он подчинил всё прочее человеческое: и дружбу, и любовь, и благодарность, но в угодность которому, как средство для достижения цели, сохранил приличие, лицемерное благонравие, все добродетели Тартюфа...» Что ему «...до такой степени знакомы все правила приличия и он так хорошо их выполняет, что каждый хозяин дома с радостью пригласит его к себе на обед или преферанс; мать семейства охотно отдаст ему руку дочери». Что у него «...сильный характер, и автор недаром назвал его героем, а похождение его поэмою». Критики и писатели метко обнаружили в П.И. Чичикове даже идеальное равновесие достоинств и недостатков и возвели его в ранг «рыцаря» и «символа».

Заметим только для наших читателей, что здесь, очевидно, в целях достижения краткости, автор оды о Чичикове после упоминания Тартюфа упустил концовку предложения, где говорится об удали плутовства. Кое-где из текста, видимо, от чрезмерной поспешности, словосочетания «рыцарь наживы» или «символ мануфактурного канальства» получились укороченными. Конечно, о таких небрежностях в цитатах Ахдамова и Мудрецов и слыхом не слыхивали.

Тем не менее, по щекам Айгуль безудержно потекла косметика, ибо некий Д.С. Мережковский сыпал совсем уж незнакомыми ей словами, утверждая, что Чичиков позитивист и чуть ли даже не социалист. Далее сообщалось, что Павел Чичиков рассудителен и умен, обладает вкрадчивыми манерами и любезнейшим обращением. Подчёркивалось, что Чичиков детально и настойчиво оттачивал перед зеркалом свою мимику. Что он «...привык ни в чём не отступать от гражданских законов...» и, по словам некоего С.И. Машинского, в фактических сделках был всегда на высоте. Что даже Н.В. Гоголь считал, что у него никогда «...не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не владели скряжничество и скупость», а в его мечтательной и тонкой душе виднелась лишь «...жизнь во всех удовольствиях». А господин С.П. Шевырёв из «Москвитянина» за 1842

год дошёл до того, что обнаружил в П.И. Чичикове и гениальную бойкость, и удаль, и фантазию, и иронию, и даже то, что Павел Иванович «...поэт своего дела...» и «...настоящий герой нашего времени...» «Самопожертвование мошенничества, – читала дальше Айгуль, напряжённо думая о том, что её Мудрецов совсем уж свихнулся, – доведено в нём до крайней степени: он закалён в него, как Ахилл в своё бессмертие, и потому, как он, бесстрашен и удал».

– Конечно, как и все наши современные олигархи, П.И. Чичиков не без греха, – прочтя это, девушка внимательно осмотрела Петрушку, видимо, согласившись с этим тезисом, и продолжила: – Когда помещик Ноздрёв с вишнёвым чубуком наперевес подобно «...подступившего под крепость отчаянного, потерявшегося поручика» бросился на Павла Ивановича, крепость «...чувствовала такой страх, что душа её спряталась в самые пятки». Ну и что это за грех, если Ноздрёв тогда уже не контролировал себя и находился в состоянии патологического аффекта?

Только полные глупцы упрекают нашего героя задокументированной Гоголем ухмылкой. Да, она состоялась. Заметив, что у Плюшкина умерших крестьян обнаружилось «...сто двадцать с лишком. Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности» и якобы обрадовался, что «...люди мрут как мухи». Сообщаем

сентиментальным тюфякам, деградировавшим от мыльных опер и сериалов: эта ехидная усмешка через века адресована никчемному здравоохранению города NN. Под никчемным руководством нашего никчемного градоначальника оно заканчивает свой срок коньячно-конфетных терапевтов, долларовых уколов, осетровых больничных и бесстыжих аптечных махинаций. Скоро оно будет мотать другой срок, но уже и в другом месте. И не спасут его ни предвыборный трёп об успехах администрации, ни бесконечные новости из телевизора, где ваш толстый мэр изо дня в день квасит в серебряной кастрюле капусту и делит со своей очередной женой для ужина последний чебурек и плавленый сырок «Дружба»!

Мы знаем, почему продажные журналисты бросают вызов нашему бизнесу. Они боятся потерять корыто и остаться без жирных костей со стола градоначальника, превратившего в руины наш город и район. Мэра, которого вскоре на выборах обязательно пронесут мимо урны!

Кустари, вы делаете всё на фуфу! Старая администрация на краю пропасти, и вам осталось только одно: сделать решительный шаг вперёд! Уберите свои конечности от золотых погон генералитета нашей экономики, командиров малого и среднего бизнеса! Убирайтесь по-хорошему!

Тоголь поможет не вам, а нам! После солнечного воскресного голосования для вас наступит хмурый понедельник. А жизнерадостные гастарбайтеры из нашего подлого ЖКХ снимут ваши флаги и над просветлевшими от радости фронтонами свежеумытого города взметнутся новые имена и знамёна. Ура!

Афон Броненосцев,
стропальщик з-да малолитражных
молоковозов

– Ух, ничего себе, кончила! – наконец-то с облегчением вздохнула Айгуль, смело задрала майку до шеи и вытерла ею лоб.

– Ну ты хоть чего-то поняла? – практически трезво спросил Мудрецов.

– Ни фига не поняла, Петенька! Шамшарёв-Шевырёв и чертовщина какая-то. Все слова вокруг баб я поняла. Про Чичикова что-то ещё в школе было, но не такое. Деню Гробороя знаю, конечно. Абрам Семёныч Центнер на прошлой неделе в магазин приходил к нам, а ко мне с неприличными предложениями...

– Ну а ты! Так ты ему то? Или не чё?!

– Нет! – неожиданно согласилась Айгуль. – Энциклопедию про новые приёмы и хитрости в нашей сауне и в турецкой парилке с наценкой впарила. Ему чё? Он же сухой как вобла, хоть и Центнер. А Броненосцев у нас в городе ни одного нет. Это знаю...

– Ничего ты, дура, не поняла...

Айгуль обиженно надула губки, и в её прекрасных глазах заблестели слёзы, потому как раньше Мудрецов мог позволить себе назвать её «моя маленькая дурочка», но чтобы так грубо – высказался впервые...

– Чичиков – это враг! Враг и чёрт, и дети его, и внуки, и правнуки навсегда враги мои. Главный из его рода такой чёрт, что даже сам когда-то признавался, как его *«искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!»* Прародитель мой на службе у этого зверюги даже *«...два раза сторчаком слетел с коляски...»* и чуть было не получил несовместимые с жизнью увечья. Случалось, что его даже привязывали верёвкой к козлам. Что он претерпел! А в ответ за беспримерную службу только и слышал: *«Петрушка бревно; Петрушка глуп»*, *«дурак»* и другие оскорбления. Лет двести уже прошло, но простить ему этого не могу!

Тебе одной откроюсь. Я наследник династии Петрушки Варфоломеевича Потняцова, что имел несчастье служить когда-то первым заместителем Чичикова по материально-техническому снабжению. Мой прародитель в основном достойно служил ему, но именно Чичиковым он и был оптимизирован через нещадное сокращение штатов и выброшен в кювет истории.

Теперь гляди, кто хвалит его? Мой Бронькин! Схватил себе кликуху, вроде как он от того завода, что я по бюджету возводил. Теперь там, конечно, ни бюджета, ни завода. Но я ж из той истории и сам еле вылез через ликвидацию и подачу заведомо неточных сведений кому надо... А он всё это знает! Всё!

– Так я ж тебе говорила, Петруша, что Бронькина Афанасия гнать надо в три шеи или засадить куда-нибудь...

– Думал уже и об этом, думал... – Мудрецов замолчал и углубился в себя. То ли по глупости, то ли по пьянке, то ли по сумме этих врождённых и приобретённых качеств он уже умудрился приблизить Бронькина к себе ближе некуда. Поручил ему не иначе, как всё же по глупости суровый учёт, наклейку этикеток и предпродажную подготовку ликероводочной продукции, что лилась в гараже его книготорга из бензовозов и молоковозов с мутными кавказскими номерами в фирменные бутылки. Но сейчас он заявил нечто неожиданное.

– Мыслю, что какой-нибудь Чичиков уже объявился в городе или завтра этот Бронькин регистрируется кандидатом в мэры, что паршиво тоже! Мне кое-что уже шептал про Бронькина один полезный дружок. Его имя поперёк интересов следствия могу озвучить кому хочешь. Тебе это ни к чему. Бронькину я, конечно, сделаю предупреждение случайной встре-

чей с пацанами и множественными ушибами мягких тканей лица без стойкой утраты работоспособности. Что поделывать? Нет ему пока что у меня замены на складе готовой продукции... Да и ещё одно моё дельце с главным архитектором города Мамагоновым есть. Его надо кончить, потом уже и Бронькина кончать можно. Да, дела-дела... – зачесал он затылок.

– Как думаешь, Айгулька, – впервые обратился он к девушке по имени и принялся, будто впервые разглядывать, как она смело *«разметала молодые груди по кровати»*, ибо давно уже утнездилась с ним рядом. – Как думаешь, – снова повторил Мудрецов, – стоит ли мне завтра выступить по районному телевизору и на большой громкости послать нашей бизнес-элиты какой-нибудь важный политический сигнал о надвигающейся опасности?

– Ой, не надо, только не это, – нежно прильнула девушка к своему работодателю, – ты же однажды какой-то сигнал уже посылал перед Днём славянской письменности. Тогда же сам и возмутился, что половину твоей речи нагло записали телевизионщики и вся та речь покупателей нам и не добавила...

– Да, помню, но ты представь себе, что будет, если полетели эти буквы в органы печати? Если эта писанина Бронькина уже в газету попала? А если её переведут на все языки мира одновременно, что будет!? Её же в Париже смо-

жет прочитать даже наш мэр. Что он тогда обо мне подумает? Подумает ещё, что в мэры я сам сейчас порываюсь? Эти ж бумажки Бронькина почти неделю валялись в нашей бухгалтерии у Елизаветы!?! Почему она мне сразу об этом не доложила? – строго спросил он почему-то у Айгуль о бездействии бухгалтерши Елизаветы. – Никому ничего доверять нельзя, даже Фелиция промазала...

– Петушок, милый! – снова замилела к нему Айгуль особой лаской. – Я же тебе давно уже говорила, что держать главбухом свою бывшую жену на своём собственном предприятии может только самый последний... смельчак.

И Пётр Октябринович снова почувствовал себя так, как мог бы себя ощущать только самый одинокий саксаул на краю Сахары.

– Нет, – думал Мудрецов, – руководитель моего ранга не должен распускать нюни тогда, когда речь идёт об интересах нашего города, о национальной безопасности целого района Краснотупиковского края.

И он устало потянулся к бутылке... Теперь он с удручённым недоумением уставился на висящий напротив кровати фамильный герб с кавалерийской саблей. С выдираемыми из толстой книжки ветром и выюгой и улетающими вдаль листками. С трепещущей из последних сил свечой и несметным числом латинских букв в виде умнейшего изречения, содержание которого у

него уже давно совершенно вылетело из головы. Рядом, «разметавшись в обворожительной наготе...» после чрезмерно сильного умственного напряжения, размеренно сопела и о чём-то бормотала во сне студентка целиноградского ПТУ лёгкой промышленности Айгуль...

Что будет далее и будет ли что-то вообще, мы узнаем намного позднее, а в эту минуту нам известно лишь то, что «...красивая рессорная небольшая бричка...» в этот день в когда-то губернский город, а ныне в безумный районный город NN не въезжала. Неизвестно, имеет ли какое-то отношение к нашему повествованию тот факт, что официально в тот день в город въезжали самые обычные автомашины с хлебом и колбасой, мукой и цементом, неплохо сохранившейся одеждой европейских марок и лучшими китайскими товарами, недорогим маргарином и пальмовым маслом в бочках. Въехал даже один самосвал с апокалипсическими цифрами 666 в госномерном знаке, как это точно показалось дежурному полицейскому будочнику. Правда, неизвестно зачем и почему этот самосвал въехал в город, поскольку был он с совершенно пустым кузовом. А поскольку в городе NN волшебное превращение хамовитых и опасных милиционеров в приветливых и внимательных полицейских ещё не завершилось, то и в этом вопросе возникла разногласия. Дело в том, что будочник к

тому времени уже столько вытащил себе всякой всячины из проезжающего транспорта, что даже и не ведал, как унесёт её домой, чтобы не повредить упаковку. А что было ещё, правда, уже к концу своего дежурства? По случаю предстоящей переаттестации будочник в тот раз был пьян заметно сильнее обычного и вынужденно фиксировал транспорт совершенно лёжа, а его загрузку определял лишь только по изгибу его рессор.

В этой связи и образовалась главная заповедка его бдительного дежурства. Наутро слегка протрезвевший будочник-гаишник и сам был не вполне уверен, был ли это апокалипсический госномер самосвала 666 и 99 московский регион либо всё это выглядело несколько наоборот?..

Однако до того дня чрезвычайно редкая московская машина достигала районного города NN. Поэтому и сообщение о том, что Москва может быть секретно в делах этого города замешана, стало для главного полицеймейстера всё того же города NN ещё более враждебным известием, чем все шестёрки на номерах автомашин и квартир города и района вместе взятые...

ГЛАВА IV СУХАРИ

Чудна, дивна и густа ночь в Краснотупиковском крае, где аборигенные вожди номенклатуры и киты самотканого бизнеса, невзирая на циферблат и стрелки часов, упорно пропихивают в историю земли нашей своеобычную известность и славу, клокочут идеями и пеняются планами неслыханных габаритов. И так уж повелось, что идеи и планы здесь всегда басистее и наваристее самой жизни. Но и в этой фантастичной закраине вселенной безмятежному детству даже простого люда незабвенна она, ночь эта, чистыми снами и яркими зарницами воспоминаний о чарующих мгновеньях подвигов или пусть даже самых мелких побед, памятью и её движеньем по страницам дневных событий, случившимся хоть в той же дворовой песочнице, но кажущимся однако значительными и даже крупными. Отрочеству шепчет и назойливо напоминает ночь о бесстрашной личной причастности тихо посапывающего человечка к делам великостей. Таким, как к торжеству, например, и дерзости храброго полёта с кручи на санках или на фанерке, вызывающе-

го учащённое сердцебиение и ужас восторга в бездонных голубых глазах матрёшки-воображалы с рыжей чёлкой и косичками из параллельного класса и подъезда, что напротив. Юность во всепогодных снах своих здесь не пропустит и той минутки, чтобы поймать своим носом лёгкие ароматы только что нажаренных матушкой драников или народившегося в печи хрустящего кукурузного хлеба. Старости и дряхлости чаще всего тутощняя ночь, напротив, длинна, мрачна, непамятна, несъедобна, неспокойна, душна и возмутима тягучими и тревожно продолжающимися невнятиностями и неразберихой. Такими бездарностями здесь слава одна лишь только липкая, змеящаяся, шипящая, дымящаяся, грызущаяся и пинающаяся в бока очередь у Единого окна приёма вторсырья и чистой стеклотары. Окна, что прорубили в фасадной стенке города и на основании неустанной заботы о гражданах и ласки к ним кипящих умов администрации NN – районной столицы по благоразумной программе их социальной защиты от любого из видов нападения.

А что думать, когда эта ночь не во сне, а наяву неостановимо волочится из угрюмой тьмы мокрого осеннего вечера, неосвещённых и неопрятных улиц, но чрез всю унылую рабочую смену и вплоть до секунд выверенного природой-маменькой светлого старта дня новейшего? Если вместе с лошадиной усталостью

доставит она человеку труда утреннюю свежесть и небо с прояснениями, а с умытыми пейзажами и обновлёнными ощущениями принесёт ещё и получку или аванс ему, и другим-третьим гражданам? Здесь уж трижды хорошенько поразмыслишь, что брякнуть по поводу этому: улетела ночь противная? или хороша ты, ночка тёмная? И тогда ты каменеешь от столь неожиданного просветления. Как же проморгал ты на ночной вахте и на циферблате неохватного и странного для всех, кроме пятнистых бурёнок, часового пояса родной губернии и центральной площади райцентра ту отметину, когда иссиня-чёрное крыло ночи смахнуло с небосвода последние звёзды; когда первые лучи небесного сияла зажгли свои яркие блики на запылённых полях стеклопакетов окон, годами хранящих на себе заводскую плёнку и оттого рябых и пупырчатых их рамах? Кто же разметил эти искристые тропинки по сомнительной чистоте глади реки и зеркал, забытых природоохранной прокуратурой и потому заваленных всякой чепухой песчаных карьеров в результате весенних демократических субботников? Какие силы без спросу властей смогли натереть рдяным златом купола святилиц? Кто смог одеть на деревья тёмно-перламутровые, но уже слегка тронутые позолотой косынки и шарфы, нацепить их хоть и на тощие, но непролазные рёбра и хреб-

ты кустищ, обглоданных частным, но мелким рогатым скотом в центральном городском парке культуры и отдыха?

Между этим тревожным, чёрным и неуютным вечером и торжествующим пробуждением грядущего дня – тысяча полутонов и гармоний от одного края радуги до другого, хотя безразличному обывателю поначалу все они кажутся больше воронами, серыми в яблоках или без яблок, тусклыми или грязно-молочными, линялыми или дымчатыми. И не всякий дельный прохожий или даже бездельный трутень, возлежащий на потрескавшейся от дождей и морозов лавке у калитки, или даже вольно шатающийся и пока ещё не вполне знаменитый художник способен заприметить и выстроить все эти оттенки среднерусской провинции в слаженную линию отутюженного порядка. Не каждый сможет поймать тот чудный миг, который позволяет незамедлительно обнаружить и восхититься этим сказочным парадом красок в начале их логического торжества перемещения от полюса неярких тонов до пика рождения сочных, вытесняющих серость, что трусливо уступает свою власть глухому буйству ликующей провинциальной природы.

В обозреваемом нами районном городе NN больше ценятся, однако, чёрный и белый колеры. Здесь стоит только скверному и беспутному горожанину произвести нечто вроде как на

удивление твёрдого шага или хотя бы споткнуться сдуру, но в правильную сторону, или симитировать действие для условно-вероятного блага общества, как прощается всё чёрное и противное из его бытия и постыдного небокопительства. Забываются все его корыстные и мерзкие художества и чудачества, с которыми ещё вчера разбирался тот же участковый полицмейстер, о чём не только вся улица, но и город ещё позавчера гудели гулом непримиримо и неприветливо. Да и как было не устремлять на него телескопы общественной внимательности, если вдруг выгодно прогремевшее сейчас лицо дотоле богу неудобно воровало да бесчинствовало. Если оно кого-то изжёвывало сплетнями и скандалами до печёночных коликов и даже до состояния временной нетрудоспособности, а потом лицо это ещё и собственную жену, материально и чувственно опустошённую, за порог и, по слухам, будто бы ещё и спьяну, выставило однажды на улицу. Оказалось – насовсем от жены оно избавилось. И не потому что напилось оно совсем пьяным, а потому лишь, что подло оно и прело, а желторотую и смазливую сменщицу бывшей благоверной своей давно уже и снова на нетрезвую и любострастную голову среди умелых в утехах и ночных выдумках кастелянш общежития вылапало да из номеров к себе выманило.

И вдруг у того этого, с кем нам и вчера тоже не по пути было: сегодня бац! и чуть ли не подвиг совершается! И всё нажитое им из общепротивного в одночасье даже холёными депутатами районными позабывается и чёрное враз становится белым. Прямо с утра от головы района и города – почётная грамота! В исполнительной администрации: «Из-з-вольте в президиум!» К празднику – ведро мандаринов импортных, бесплатный талон на электрическую мясорубку отечественную с доставкой к подъезду и портрет в газете! А из краевого центра... О льготных и почётных почестях из Красногупиковска вам и рассказывать не хочется. Они там такие, что даже шофёрам в гараже администрации города и учителям гимназий по длиннющим, как к стоматологу, очередям и закулисным согласованиям с неведомо чьими трудовыми коллективами редко полагаются...

А порой случаются фокусы совсем других сценариев. Живёт себе человек во всю силу анкеты и по тем правилам, что из телевизора первыми каналами требуются, и трудится гражданин, как пчела на пасеке, или, как говорится, по строжайшим заветам нашего превосходного правительства. Но мужа этого скромного и некичливого, полного образца по делам правильным и не лишним городу, никто в пример не пропишет и даже к плохенькому празднику простой навагой свежемороженой хрен пора-

дует. А как споткнётся этот образцовый налогоплательщик на пути жизненном совсем чуть-чуть, оступится по первому льду, зловредными языками специально до блеска отшлифованному и подозрениями смазанному... Так и что же тут сразу получается? Погиб человек, почти насмерть погиб. Клюёт его воронье нетерпеливое наперегонки и в хвост и в гриву, шакалы за его ушами челюстями лязгают безо всякого предупреждения и уважения ко всем его заслугам, ранее неотмеченным, к доблестному поведению его и к характеристике исключительно положительного содержания и такого же свойства. И никто из обывателей даже у самого себя не поинтересуется: за стоящее ли дело человеку болезненное замечание привсенародно сделано или за чепуху дешевле какого-нибудь сухаря зачерствелого?

Потому нашему читателю и не следует думать об Афанасии Петровиче Бронькине опрометчиво плохо или неуважительно после ранее или позднее прочитанного. Не надо помышлять, будто бы Бронькин на сухие ломти батона, превращённого в сухари, всю свою жизнь нацелил, а потому сидит он на своей табуретке по-волчьи голодным постовым иль дежурным менеджером то днём, то ночью. Предрасположил Бронькина когда-то давно к дешёвым, но сдобным сухарям чрезвычайно неожиданный случай, что оказался не хуже неимо-

верного происхождения корпоративного уровня. Тогда только и лишь единожды Афанасия конкретно чёрт попутал так неумно и вероломно, что попался и вляпался Бронькин. Да и то, даже и не с первого взгляда видно, что совершенно не опытный иль не так, чтоб матёрый чёрт, а скорее мелкий чёрт толкнул его в позор той ночи, не разобравшись в сложившихся обстоятельствах...

Поливал однажды Афанасий Петрович в ночную смену в главной приёмной зале учреждения цветы. Надо отметить, что делал он это часто и по собственному сердечному призыву, ибо за цветами ухаживал безо всяких денежных доплат и моральных предпочтений со стороны руководителя учреждения. Ибо устойчиво и жгуче всегда любил Бронькин естество, включая даже кактусы африканские и бегонии обыкновенные. Да и в приёмных покоях генерального директора тогда нагло восседала одна пустая и ленивая, но мстительная растепеля. Секретарша даже не считала эти цветы живыми до тех пор, пока её саму одна из перезрелых и энергичных, наиболее способных и высоконравственных девиц-сотрудниц учреждения хорошенько не подставила и не съела за бездельное поведение, а также неопровержимые доказательства её несвоевременных домогательств Петра Октябрьновича Мудрецова в служебное время и нескромность в быту. *«Есть*

случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг твёрже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свете». Словом, именно такая женщина Елизавета, девица строгая, незамужняя и свободная, в учреждении имелась...

Так вот. Не уберёт себя должной внимательностью Афанасий Петрович в тот раз и не так чтобы стырил, но позаимствовал ночью в этой расфуфыренной ожидальне с пальмою и попугаями – злостными матерщинниками – упаковку сдобных сухариков, которые в шкафу уже давно устаревшие к употреблению и без всякого дела ненужной тьмой лежали. В этом шкафу, по правде говоря, чёрт его знает, чего только в ту ночь там не было. Не было там в ту ночь даже скрепок канцелярских, на которых у Афанасия Петровича дома обыкновенно висели шторы. Впрочем, весьма сомнительного качества скрепок не было, скрепок, постоянно разгибающихся под весом штор и гардин и уходящих от Бронькина по негодности в металлолом практически ежемесячно. Не было там даже сыктывкарской писчей бумаги, над которой Афанасий Петрович постоянно ломал себе голову и думал, чего бы такое завернуть в неё себе и как бы его так себе завернуть на обед и правильно, чтобы получилось и эстетично, то есть чтобы не выглядывало оно из бумаги да и сытно было. Но дело даже и не в этом, по-

скольку там лежали в ту ночь сухари непригодные, которые любая бы санэпидемстанция могла бы арестовать на пожизненные сроки и утилизацию.

Утром бухгалтерша Елизавета, *«...баба жёсткая в поступках, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всяких сластей, бывших у неё под замками...»* как в приёмной для гостей, так и для себя именно, сначала запустила донос *«...сквозь форму бумажного производства...»*, а затем и на словах взъерепенилась и взорвалась крепко. В учреждении мегера-бухгалтерша крик невообразимый одноmomentно затеяла и вздула вселенскую реакцию. И поскольку сухари эти ранее были метко ею сосчитаны, то и никчемное подозрение ценою в 32 рубля 64 копейки пало точно на сивую голову Афанасия Петровича. Скажем ещё, что Афанасий Петрович, несмотря на свои способности и дарования, ещё до того случая вошёл с мегерой Елизаветой в контры и крутую неприязнь на почве своей необыкновенной грамотности и начитанности и по ночам у Елизаветы вот уже неделю как не показывался. Понятно, что от этой холостой вешалки, мечтающей лишь о мужике, который зацеловал бы её в смерть, ожидать чего-то другого уже не стоило. Понятно, что в такой обстановке о компенсации образовавшегося на него нападения даже смертельными поцелуями не

могло быть и речи, а попытки его заняться этим делом накалили ситуацию до невероятия. Консервация дремучей отсталости в бухгалтерше Елизавете нежданно-негаданно закончилась и вспыхнула уже не отсталостью, а всепожирающим прогрессирующим пламенем. Вспыхнуло оно ещё и потому, что она к тому дню уже считала Бронькина врагом их потенциального семейного счастья и поставила на нём крест. Она уже радостно потирала руки, считая, что в отместку Афанасию пик низости и подлости ею покорён.

Но Бронькин и тут не стушевался, потому как всегда и не случайно славился своей авангардностью, порывистостью и увесистостью точно выверенных ударов по чужим мыслям и окружающим фактам. И он тут же соорудил свою блестящую одноходовку. Афанасий Петрович выбросил из памяти былые ахи-чмоки и удачно припомнил окружающим товарищам свои отличные характеристики с прежних мест работы, письменное поручительство знакомого батюшки и боевую биографию построчно. Потом он взялся за воротник образовавшейся проблемы обеими руками. И он так громогласно отклонил от себя бухгалтерские инсинуации, такими наукоёмкими выражениями, а также околопечатными оборотами, возбуждающими даже сантехников и каменщиков в строительной отрасли, это сделал, что даже

их не скупой на подобные выражения, но сильно начитанный генеральный директор Пётр Октябрьнович Мудрецов оказался в долгом и продолжительном замешательстве. В отместку за мелочную критику Бронькин сообщил всему коллективу вдобавок ещё и полный максимум предположительного о бухгалтерше. А в заключение даже надежду выразил публичную, чтобы сейчас же ещё что-нибудь необычное для дамской конституции у Елизаветы на её узком лбу выросло.

Генеральный директор в тот день и сам бухгалтершей был не вполне доволен. И когда гендиру всё-таки удалось выбраться из тени нетипичного для него смущения, то первым делом ему пришла в голову затея потребовать, чтобы Афанасий Петрович возглавил редколлегия межэтажной стенной газеты их учреждения с дарованным им ей именем «В лучах рентгена». Вторая его мысль тоже неплохой оказалась – учредить для Бронькина доплату к жалованию размером в 97 рублей 92 копейки в месяц на сухари.

Зато попугаи в приёмной генерального директора с того дня заглохли, словно в рот воды набрали. Потом дар речи к ним вернулся, и говорить-таки они начали, но уже без всякого ехидства, а слова из ненормативной лексики отпускали лишь слабому полу и только тогда, когда пол этот к директору шёл не в юбке, а в

штанах, как бухгалтерша. По такой причине в городе даже небольшой дебош получился, потому что обе птички много чего высказали начальницам управления образования администрации города и главной овощной межрайбазы, что к генеральному директору в штанах на приём припёрлись. Те сначала отнекивались и всё отрицали, затем объясняли своё поведение тем, что их никто замуж не берёт и что у нас, дескать, страна даже от попугаев свободная, а потом даже принялись подозревать друг дружку в разглашении совместной тайны и припадочно разревелись. Но это уже совсем далёкое отступление в сторону от получившегося с Бронькиным скандала, не имеющее отношения даже и к Елизавете.

Важно, что с тех пор у Афанасия Петровича Бронькина образовался очень сильный осадок по отношению ко всем сухарям и бухгалтерии. С того дня сухари преследовали его ежедневно, а по ночам особенно часто, если не сказать, что всегда они атаковали его неотвязчиво. Лишь встретится где-нибудь на улице бродячая собака взглядом с ним, а в глазах псины ему уже чудится: «Дай, гав-гав, сухарик, гав-гав!» Протиснется Афанасий Петрович в магазине к прилавку будто бы за зелёным горошком или консервированными баклажанами, а мигалки продавщицы, напоминающие ему формой сдобные хлебобулочные изделия,

вроде как подмигивают: «Сухари не забудь, Афоня, свежие привезли!»

Дома у Афанасия Петровича что ни ночь, то свежая выпечка. То ему портрет француза Наполеона через телеканал «Кулыгура» насчёт сухариков двумя глазами сразу моргает, то король испанский Фердинанд VIII послов с испанскими сухарями присылает и с приглашением непременно явиться к нему во дворец на чайную церемонию со своими сухарями, в чёрном смокинге с бабочкой и с бухгалтершей Елизаветой. А то проснётся Бронькин среди ночи весь в поту, с трудом оборвав сновиденье, где он лежит в шезлонге под зонтом, размалёванным сухарями, как божья коровка, совсем не одетым, но в неровном загаре. А вокруг обязательно городской пляж. На песке пружинистые бухгалтерши лежат в два ряда с тяжёлыми цепями из жёлтого металла и камнями на шеях в целях задуманного ими же в отместку всему городу ритуала коллективного уюта. И что особенно видеть ему было неспокойно и страховито, что вместо купальной одежды перси всех бухгалтерш лишь частично прикрывают местами обкусанные до пятак щербатые сухари с маком, изюмом, тмином или даже совсем безо всяких растительных добавок и вкусовых ароматизаторов, то есть обычные московские классические сухари. Ниже персей даже успокаивающих душу об-

ломков сухарей не наблюдается. Там лишь местами слегка стриженная паутина, чуть подёрнутая изморозью, и подгорелые крошки от сухарей в туманной дымке, а тишина такая, что даже подплывающий к урезу воды окунёк по движенью волн кашалотом видится.

Словом, с тревогой во всех своих членах Афанасий Петрович просыпался так почти что постоянно и больше уже не смыкал своих глаз до самого рассвета...

ГЛАВА V ПОД КРАСНОЙ ВЫПУШКОЙ МУНДИРА

Чем бы ни повеяло вам от истории с этими сухими хлебобулочными изделиями, сдвинувшим даже генерального директора учреждения Петра Октябрьновича Мудрецова на беспримерную щедрость, эквивалентную стоимости трёх пачек сухарей ежемесячно, не будем выковыивать саркастическое отношение к господину Бронькину. Какими бы изуверскими ни привиделись вам все эти наскоро сварганенные бабы придирки бухгалтерши Елизаветы, не стоит мнить об Афанасии Петровиче невыгодно. На самом деле Афанасий Петрович всегда оставался уравновешенным малым, состоял в трезвом уме, был слегка себе на уме и в то же время слыл, бесспорно, зрелым специалистом несильно оппозиционных склонностей по отношению даже к ненавистной бухгалтерии, правда, лишь в части, касающейся отпускающей ему получку кассы. Бронькин продолжал таить в себе такие оглушительные проекты, о которых люди пока ещё и не мечтали даже в

самых крупных и закрытых акционерных обществах и в хитроумных банках. Развивая уже имеющиеся в наличии неоспоримые достоинства, умело затеняя простительно-мелкие несовершенства и презирая глупое упорство со стороны местечкового корпоративного невежества, Афанасий Петрович мечтал о славе. Он утешался Гоголем, искал и находил в его строках секретные знаки и скрытые от равнодушных взоров намёки на места её обитания, а иногда от большого ума своего даже вступал в заочный спор с поэтом. Со своей славой при жизни Бронькин пока ещё не встречался.

Чик-в-чик той ночью линзы его вольнодумства с особой резвостью и в очередной раз упёрлись в жажду совершить сильный и полезный для себя подвиг, замешанный на военных сведениях и житейском опыте. Соображения Афанасия Петровича сводились к тому, что злобно-тупое охаивание армейских привычек и утверждений, что офицеры ни на что не способны, – обыкновенные фокусы местных властей для сокрытия от прогресса талантов и достоинств офицеров. Он твёрдо знал, что военные люди неизменно и непрерывно готовятся к подвигам, ибо у них обычно и на постоянной основе несметное число врагов, чьи лукавые мысли служивые люди пресекают вечно, обладая закалкой и выдержкой, с любыми другими закалками и выдержками несравнимы-

ми. О том, что этим людям то квартир не дают, то жён их да детей по принадлежности не устраивают, а те всё равно как-то вывинчиваются, ему даже и вспоминать не хотелось. Афанасий Петрович об этом тоже имел самые верные сведения, да и личные враги у него в городе никогда не переводились и неплохо здравствовали, а то, что они уже состояли в числе его врагов, пока ещё и не догадывались. Заметим попутно, что армейский или почти что уголовный опыт Афанасий Петрович уже имел предостаточный, что разворачивало его масштабные дарования до огромного диапазона, мысленно распространяющегося далеко за административные границы города.

Думается, однако, что пришла нам пора всё же отвлечься от внутреннего мира нашего героя Бронькина и без излишних затей и отступлений повести дальше хронику сей ночи в этих откровенно вялых строках аритмичного сюжета с мудрёными построениями букв и слов.

Не будем от вас скрывать, что в тот миг, когда было уже точно установлено полное отсутствие сухарей, Афанасию Петровичу из небольшой повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» попался на глаза поручик Пирогов, в образе которого он в ту минуту, правда, чего-то необычного не обнаружил. Самоуверенный и самовлюблённый, самодовольный, пошлый и

наглый получился этот Пирогов у Гоголя, хотя и не без талантов *«собственно ему принадлежавших»*: в чтении стихов из «Дмитрия Донского» и «Горя от ума», особом искусстве *«пускать из трубки дым кольцами»* и *«приятно рассказать анекдот»*. Таких людишек и сейчас хоть пруд пруди. А этого Пирогова качественно отмузузили питерские немцы-ремесленники за непристойное приставание к жене одного из них. Субтильная фрау тоже не без греха показалась, да и глуповатенькой до неприличия. Расстроился было Пирогов от того, что ему крепко по портрету досталось от рук германских гастарбайтеров. А после заглянул в кондитерскую, *«...стел два слоёных пирожка, почитал кое-что из «Северной пчелы»*, что в те годы редактировало «блистательное солнце нашей словесности», как окрестил Ф.В. Булгарина А.С. Пушкин, и вышел из точки общественного питания *«...уже не в столь гневном положении»*. Что тут скажешь? *«Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум»*...

Понятно, что если бы порка этого поручика получила всеобщую огласку, то вероятность последующей дуэли, исключения Пирогова из списков полка, а то и суицид этого вояки как вариант выхода из скверного положения, были бы по тем временам весьма очевидны, желательны и неизбежны, – задумался Афанасий Петрович. – Но здесь сведения о провале бла-

гообразия в обществе и не топтались, а потому цена чести офицера оказалась равнозначной стоимости двух слоёных пирожков. Память Афанасия Петровича чего-то вновь вернулась к Чертокуцкому из гоголевской «Коляски», который ему ещё раньше понравился, хотя тот и получил в период военной службы оплеуху за шулерство. – Вот ведь как бывает, – ещё глубже задумался Афанасий Петрович и «*омрачился жёлчным расположением взволнованного духа...*» – И Пирогов, и Чертокуцкий оба ведь потеряли и офицерскую честь, и гражданскую совесть, а в службе – первый перспективно зацепился за питерский гарнизон, небось, ещё и генералом станет! Второй – благовоспитаннейший господин, умеющий напускать в глаза пыль мешками, с цветастым достоинством произвести напорядочнейшее впечатление, а потом ещё и пролезть в движущийся резерв повышения в ранге и на гражданском поприще. Как же везёт людям!

В петербургских строках повестей Гоголя внимание Афанасия Петровича засеку царапину на мостовой от «*гремящей сабли исполненного надежд прапорщика*», «*соколиный взгляд кавалерийского офицера*» и даже подслушанную писателем беседу о превосходстве «*военной службы над статскою*». Здесь же он уточнил себе, что светлый эполет постоянно блистал «*между благонаправной блондинкой и*

чёрным фраком», а к особенностям военных, вышедших из среднего класса, прочно прилепилось умение заставлять смеяться бесцветных красавиц и не пропускать публичных лекций, так как офицеры считались «*учёными и воспитанными*», любили «*потолковать об литературе*», да и по театрам шлялись неустанно. Афанасия Петровича чуть удивило только то, что, приуговляя к печати «Невский проспект», Гоголь убрал оттуда встречу одного из героев повести с офицером в публичном доме. Вроде бы как цензура, заботясь об авторитете военных, усомнилась в типичности таких простецких фактов, считая, что офицерам российской армии в борделях интереса не имеется. А потому в повести был записан не собственно офицер и не в борделе в целом, а упоминается лишь то, что из одной из дальних комнат этого публичного дома выглядывал и «*...блестел сапог со шпорой и краснела вытушка мундира*». Вот и пойми теперь, что из-за этой цензуры получилось у писателя Гоголя не совсем точно, а что просто ужасно и невнятно!?

– Всё это издержки в подготовке цензоров и незнание ими жизни, – решил себе Бронькин, принялся шерстить взором осточертевший ему красный уголок и надолго задумался. – Ничего не меняется: вешалка с переходящими парадными доспехами дневного швейцара заведения, целлофановый пакет с вязальными

спицами и пряжей, авоська с пустой молочной бутылкой, клетчатой кепкой и книжкой какого-то Сорокина про цветное свиное сало... Ага, что-то всё ж меняется! Из прорех дамской жилетки, парящей на самодельных проволочных плечиках, с любопытным блеском в пуговках выползли рукава розоватенькой блузочки. Раньше из этих прорех свешивалось что-то близкое к чернильно-фиолетовому окрасу...

– Даже здесь существование меняется, только в работе с кадрами застой! – недовольно пробубнил Афанасий Петрович, и сети его непричёсанных мыслей перекинулись на господина «ревизора» Хлестакова, которого когда-то в Пензе за картами в четверть часа «обобрал» тот дивный пехотный капитан, что, как отмечал сам Гоголь, изумительно *«славно играет!»*. Вспомнилось ему из прочтённого, как Ивана Александровича Хлестакова поселили в пятом номере гостиницы под лестницей, где до его прибытия за картами подрались командировочные офицеры. Потом письмо известного И.А. Хлестакову поручика, кому жизнь и служба невероятно удались: всё *«в энтиряях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...»* И лишь о боевой подготовке в письме – ни слова и ни звука...

– Эх, была армия слепком общества – его барельефом и осталась. Не те, не те времена нынче, – напало на Афанасия Петровича новое

мыслетворчество. – Взять того же Платона Кузьмича Ковалёва *«кавказского коллежского асессора»*, что в повести «Нос» временно без носа остался. В тридцать пять лет лишь первый штаб-офицерский чин. И уже, будьте любезны, право на потомственное дворянство! А где карьеру сделал? В «горячих точках», где и сегодня чинами безбожно балуются. Тогда специалистам не требовалось даже университетского диплома и дополнительных экзаменов, без чего в остальной России было не пройти и не протиснуться. Потому П.К. Ковалёв и ощущал себя больше военным, нежели штатским товарищем. Потому он и никогда *«не называл себя коллежским асессором, а только «майором»*, да и в Санкт-Петербурге непрестанно *«...хлопотал об вице-губернаторском месте, а в случае неудачи об экзекуторском»*.

– Нет! Льготы в выращивании крепких чинов не подмога! Семья и школа, вот база жизни! – Перед глазами Афанасия Петровича будто бы неведомая сила распахнула второй том «Мёртвых душ», где сынок Петра Петровича Петуха – Николаша – восторгался Ингерманландским гусарским полком, лошадьми ротмистра Ветвицкого и кавалерийской подготовкой поручика Взъёмцева. Будто молнией вспыхнула у него перед глазами светлая будущность армии Российской империи. А потом она и погасла, потому что дальше Николаша с

братцем Алексашей за столом *«хлопали рюмку за рюмкой»* и трубку, оказалось, уже курить давно научились, и о Петербурге напропалую мечтали. – Да, Чичиков глыба, гений! В чём тут возразишь Павлу Ивановичу? Закончится всё это для молодых Петухов *«кондитерскими да бульварами»*. Не пойдут в армию пацаны! Верно Чичиков их орбиту тогда начертил! Как в воду глядел и точно выразился тогда о призывном контингенте и олигарх Костанжогло Константин Фёдорович: *«Уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив»*. Вслед за призывниками перед очами Бронькина явилась страница с описанием улицы губернской столицы, где за дамой *«недурной наружности»* следовал мальчик *«в военной ливрее»*. Даму по остроте зрения заприметил опять-таки Чичиков, мальчика – Гоголь Николай. Ну что ж? У каждого свои диоптры...

Афанасий Петрович давно уже себе уяснил, что в творениях его кумира Гоголя Николая из числа военных больше всего армейской молодёжи. Понятно, что в России постов для крупных чинов коты наплакали, да и цензоры к описаниям генералитета пощады не знали. Так у Гоголя и получилось, что в компании *«Мёртвых душ»* обошлось без действующих армейских генералов. Генерал Бетрищев – отставник, да чиновные особы: генерал-аншеф, обладающий

взглядом *«огнестрельного оружия»* и чуть ли не царь по положению, и губернатор, *«...человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовётся неправдой»*. Все они люди справедливые и, как это всегда водится, безгранично, вплоть до попустительства, доверчивые.

Настоящий полковник в *«Мёртвых душах»* обнаружился один. Он в неформальной обстановке поднёс и сунул дамочке в руки *«...тарелку с соусом на конце обнажённой шпаги»*. Майор тоже один. О нём известно лишь то, что тот мастерски обыграл помещика Ноздрёва в карты. Капитанов несколько. В годы работы П.И. Чичикова в таможенных органах в результате его конфликта с приятелем из-за вертявой юбки оба потом оказались в дураках, а *«...бабёнкой воспользовался какой-то штабс-капитан Шамшарёв»*. Воспользоваться – «оставить за собою» или «употребить в свою выгоду», как пишет В.Даль. А «пользоваться» по другим источникам – это уже «осуществлять желаемое». Такое вот широкое отношение к «бабёнке», в смысле тождественности, когда-то выписал себе в тетрадку Афанасий Петрович, что сейчас и вычитал из неё. На балу у губернатора выявился и другой армейский штабс-капитан. Запомнился он тем, что *«...работал и душою и телом, и руками и ногами, отвёртывая такие па, какие и во сне никому не случалось отвёртывать»*.

Штабс-ротмистр удачно олицетворил в поэме весь драгунский полк. С этим полком выяснилось, что по оценочному суждению исторической на страницах поэмы личности помещика т. Ноздрёва примерно сорок офицеров в ущерб боевой готовности указанного воинства, причём одновременно, пьянствовали или, как современно подумалось Бронькину сейчас, отжигали по полной программе и ураганили. Заводилой этих хмельных карнавалов у драгун, по словам помещика, как раз и выступал штабс-ротмистр Поцелуев *«...такой славный! усы, братец, такие! бордо называет просто бурдашкой. Принеси-ка, брат, говорит, бурдашки!»* Для Поцелуева и трактирный половой оказался как брат, и элитный напиток, вроде кваса или минералки, что Бронькину тоже понравилось. Драгуны, показалось ему, так дерзко служили, что когда одному местному князю потребовалось отхлебнуть шампанского (у Афанасия Петровича даже дух перехватило) – не нашлось *«...ни одной бутылки во всём городе, всё офицеры вытили»*. В то же время отсутствие в красном уголке обычных сухарей и море разлитое французских вин у драгун Афанасию Петровичу показалось издевательством невыносимым. Это ему очень сильно не понравилось, однако отогнать из подвального помещения огорчающего его мысли оказалось тоже не по силам. И здесь

Бронькина снова одело волной воспоминаний о потерянной военной карьере, текущей работе и утраченной выгоде благополучия иждивением третьих лиц. Вполголоса он даже вынужденно отправил несколько оскорбительных слов в адрес известных ему персон, включая своего бывшего комдива, Мудрецова и Елизавету. Для себя, конечно, тоже оставил слов немало, однако тёплых и, как обычно, выразительно душевных.

Другой штабс-ротмистр из числа героев поэмы «Мёртвые души» служил где-то в захолустном гарнизоне. Это муж Александры Степановны (в девичестве Плюшкиной), чья *«...походная жизнь с штабс-ротмистром не была так привлекательна, какою казалась до свадьбы»*. Деловые качества зятя Плюшкина Бронькин знал лишь по ужатым и сильно скучным оценкам его тестя. Здесь, естественно, только весьма условно можно было допустить, что зять Плюшкина был не очень умный, хотя, в конечном счете, всё-таки сердечный человек. Мужик понимающий, что у обладающего столь мудрой скупостью тестя что-либо выпрашивать – бесполезно.

Казалось, что Гоголь был добр ко всем военным всегда, и даже в описаниях дичайшей глухомани он искренне жалел безвестного пехотного офицера, *«...занесённого, бог знает, из какой губернии, на уездную скаку»*.

Поручиков или прапорщиков на страницах поэмы Афанасий Петрович нашёл двоих, причём более ответственно относился к службе тот, что приехал из Рязани и поселился в шестнадцатом номере той же гостиницы, где и проживал Павел Иванович Чичиков. Он зарекомендовал себя большим охотником до сапог, *«...потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую»*. Другой поручик – Кувшинников, по соображению помещика Ноздрёва *«премилый человек»* и *«по всей форме кутила»*. В слово «кутила» т. Ноздрёв закладывал необыкновенно аристократическое и романтическое содержание. Это подтверждалось его восторженным рассказом о реакции поручика на барышню, разодетую в *«рюши»* и *«трюши»*, отпускаемыми ей комплиментами на французском языке, а также тем, что Кувшинников не пропускал даже *«простых баб»*. После групповой вылазки в театр Ноздрёв восторгался Кувшинниковым ещё больше, цитируя его взгляды уже и на актрису: *«Вот, говорит, брат, попользоваться бы насчёт клубнички!»* – и даже пытался убедить П.И. Чичикова, что ему точно понравился бы этот общительный военнослужащий. А может, и актриска?..

– Ну ни хрена путного офицерам в голову и сейчас не добавили, – громко заявил себе Афанасий Петрович и чуть отодвинул в сторону отчасти пожелтевшие заметки. – Как славилась

они во все времена понятными слабостями к выпивке и женскому полу, такими и по сей день остались. Даже толерантность к дамочкам невысокого социального класса сохранилась на прежнем уровне. Лишь той радости и добавилось, что в попойках и посиделках вместо французских бутылок отечественный производитель нашёл своё место! Но манеры, пожалуй, потускнели и с языком французским у офицеров сегодня не столь бегло... – чуть задумался здесь Бронькин. – Видно, наши мистификаторы из газет со своими заметками об армии сегодня точно не ближе к её жизни, чем наш народ к балету и андеграунду разному.

В общем, застой...

Бронькин несколько раз озарил себя зевками во весь рот и направил поток своего сознания в одиноко стоящее в углу и зачуханное директором, а потом и персоналом кресло. Слепая ночь обнимала Афанасия Петровича всё сильнее и начала уже даже ему что-то шептать, похихикивая и на что-то намекая, хотя он и был не из тех людей, которые легко сдаются... Бронькин захлопнул тетрадь. *«Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их кто-нибудь вымазал медом»*.

ГЛАВА VI ПРАКТИЧЕСКИ ЖИВОЙ

«О, если бы я был живописцем!» – вдохновенно писал Николай Васильевич Гоголь. О, если б автор сего жалкого и унылого опуса состоялся бы на худой конец, хотя бы толковым маляром, наловчившимся подбирать колера! Вот тогда бы и удалось ему удивить вас, как ровно и гладко выкрашены потолок иль стены! Закалённый в диспутах с сантехниками и каменщиками о культуре производства, толковый маляр смог бы профессионально поделиться с вами дикой красотой намётанного им слога. Смог бы точно донести до ушей ваших в натуральных выражениях и тонах, как изобретательно и сочно сквернохульничал Афанасий Петрович в тревожном сне, какие страшные обеты и угрозы произносил он после местоимения «ты» и фамилии своего работодателя! И выговаривал эти дрянные и опасные даже для себя самого слова мелкий, как и его зарплата, менеджеришка условно духоподъёмного учреждения Бронькин – по жизни человек смиренный и покорный, которого даже муха могла бы влёгкую оскорбить, отгеснив нагло от банки с засахарив-

шимся вареньем. А вот без такого знатока красок бытия, маляра там, какого-то или, допустим, сельского оформителя из колхозного клуба читателя вряд ли заинтересуют пресные каракули и просторечия о том, что Афанасий Петрович местами ещё и кротко и тихо сопел мелким сапом. Дважды он кому-то чрезвычайно требовательно звонил и угрожал, хватая вместо телефона частично обгоревшую жестяную банку из-под растворимого кофе. Потом что-то бормотал об ответственности и призывал этого кого-то к порядку. Изредка Бронькин подымал голову и приказывал всем встать и немедленно разойтись. Затем – сойтись. А дальше забывался крепким сном ещё глубже, чтобы сызнова испускать звуки храпа, которые теперь уже звучали длиннее и убедительнее прежних переливов, никому не прекослова. Порой казалось, что Бронькин даже норовил отжать дожину скупых, как и сам, и горьких как полынь слёз то ли от себя, то ли от своих собеседников, взывая их к поискам потерянной в окопах и блиндажах совести. Тогда он дробно повторял вслух редкостные прилагательные в мн. ч. и употреблял пронзительные и теперь уже печатные площадные существительные. Да так артистически это у него получалось, что в продолжение прорывающегося сквозь частокол бурчания слово-сочетания «конституция города» отдельные портреты на стенах красного уголка принялись

мироточить. А из-под портрета бывшего тестя градоначальника, вослед за перистой тучей пара, ускоряющейся струей хлынула горячая вода, и в округе сильно потянуло хлором. Словом, вытанцовывалось так, что Афанасий Петрович Бронькин в эти минуты представлял лицом крайне актуальным, необходимым и категоричным.

А люди в красный уголок продолжали прибывать и слетаться сюда, будто осы на дыню. Здесь они принимались хаотично перемещаться и неостановимо шнырять. И притче других шнырял, перемещался и надрывался голосом рыжий, в ком Афанасий Петрович легко узнал одного ушедшего питерского отставника, известного ему по повести Н.Гоголя «Портрет». Это «...был капитан, и крикун...» и «...мастер был хорошио высечь, был и расторопен и щеголь, и глуп», однако недурно существовавший в Северной столице по статье сдачи жилья в наём и умелых нырков среди алчных служителей жилищного фонда Петербурга.

– Прошу срочно всех записываться! Очередь веду я, все на запись! – непрерывным криком кричал капитан, без конца повторяясь и добавляя отрывистые и нечленораздельные вопли, казалось, уже адресованные только себе самому. Он бегал по красному уголку бегом и производил впечатление человека, когда-то учившегося в самой плохой школе, служившего

в самой плохой роте и жившего в самой плохой стране, причём самого дальнего зарубежья. И казалось, что этого капитана можно было сильно ненавидеть из-за одной только беготни, но у учредителя списка, паники и суматохи был ещё и голос. И какой голос! Такой противный голос вы вряд ли когда-либо встречали у себя по месту жительства или прописки. Разве что по месту службы слыхивали, да и то от какого-нибудь слишком неумного прапорщика, но не на складе, конечно, где затаилась прапорщицкая интеллигенция, а только среди специалистов каптёрок и солдатских казарм.

Менее шныряющие личности кучковались и тихо о чём-то толковали, но контактировать с капитаном не стремились. «В одном углу штаб-ротмистр, подложивши себе под бок подушку, с трубкою в зубах рассказывал довольно свободно и плавно любовные свои приключения и овладел совершенно вниманием собравшегося около него кружка». – Уж где он добыл эту подушку? – сам себе удивлялся Афанасий Петрович, сроду не встречавший её в красном уголке, и удивлялся до тех пор, пока один из слушателей не отделился от кружка штаб-ротмистра и не приблизился с опасливым стеснением в глазах и в шагах к визгливому и рыжему крикуну.

– Позвольте понять, кем вы здесь приходиться, – наконец-то вежливо и опасливо поинтересовался человек, судя по мануфактуре

мундира, младший офицер в отставке с исполнительным и безынициативным лицом командира взвода периферийного гарнизона. Далее он пластично и ещё более учтиво отрекомендовался отставным поручиком Иваном Фёдоровичем Шпонькой и подал капитану устное заявление на примыкание к списку под вторым порядковым номером.

– Вам какое дело до того «кем»? – вместо безмерной радости неуравновешенно взбесился в ответ рыжий. – Я капитан в отставке и проездом здесь из самого Питера, – помпезно заявил он. – Я первым лично зарегистрировался у себя в списках на приём в партию и в своих подлинных бумажках состою на высшей ступе пьедестала со вчерашнего вечера!

– Эй, давайте-ка для начала с вами поймём... Вы в своём уме или в чужом-с? – вклинился в дебаты вальяжный толстячок из угла, сверкнув лысиной, напоминающей медную группу полкового оркестра, а по общему виду человек *«...наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всём»*, не исключая даже участия в диспутах о существовании *«...политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состоянья финансов в Англии»*. – Очнитесь, капитан! Притушите фитиль, сбавьте ход! Здесь вам не там-с! И уясните себе насовсем, – собственноручно заявляет вам эти слова брандер-полковник Варвар Николаич Вишнепокромов!

– Живых брандеров в природе не существует! Понаехали тут, – парировал рыжий. – Брандеры с керосином при царе Горохе жили, чтоб турецкие парусники жечь. Мы в веках мирного атома, электронных коллайдеров и «мерседесов», а у олигархов и бандитов для чужих парусов тротил и китайские хлопушки есть. Брандеры кончились как класс! А у меня в Питере *«...семь лет уж живёт...»*, семь лет жильё снимает подполковник Потогонкин, которому военное ведомство от дембеля и до сих пор квартиру не дало. Сейчас он даже мне не платит за крышу и комфорт. В это должна вмешаться партия, и я действую в интересах должника в мою пользу! Хватит давить авторитетом погон! Пишитесь третьим, брандер, а то хуже будет!

– А вы, капитан, зарываетесь навсегда, – угрожающе прорычал Варвар Николаич и злобно сверкнул медным черепом. – Питерский, значит? Как выйдем из сей норы, я ваш корявый портрет-с керосином точно отполирую невзирая на свою невероятную занятость. Это уже решено. Поймёте, что *«...у нас в губернии, слава богу, народ живет не глупый: мода нам не указ, а Петербург — не церковь»*. Дурачьте в своей голодной Коломне за колонной своих субчиков, куда не долез даже архитектор ваш Трезини Доменико. За верстовым столбом-с, где стадами такие же, как и вы, интендантские крысы из отставных питомцев Марса пасутся. Тут вам не

там, снова говорю! Я ближний сосед Андрея Ивановича Тентетникова! Обо мне во втором томе недопаленных «Мёртвых душ» самим Гоголем слова писаны и, кстати, в отличие от некоторых, я бескорыстно помогаю советами одному скромнейшему капитану, что после выхода в отставку тоже сидит на бобах. Уволен он по дискредитирующей статье и на почве пьянства, разумеется. Им даже Стёпа Плюшкин из первого микрорайона взволнован, к которому капитан в родню набивается. А вы Потогонкин, Потогонкин! Тьфу, на вашего Потогонкина! Приклейте свои амбиции ко лбу!

– Господа, господа-товарищи! И вы господин брандер-полковник, – ворвался в полемику голос из дремучей тьмы красного уголка. – Что нам антимонию разводить с этим пустомелей? Сушите сухари, рыжий! Спор этот «*...ерунда полная, посмотрим, что скажут в журналах*». И хотя имя моё вам точно ничего даже и в газетах не скажет, – продолжила речь дремучая глубина и тем упредила интерес к себе, – я именно тот поручик, которого господин помещик Манилов, кстати, здесь сидящий, ещё в первом томе «Мёртвых душ» называл «*прекраснейшим*» человеком. Заметьте, благодаря мне именно и под моим неусыпным наставленьем в период службы в вооружённых силах страны товарищ Манилов навечно научился умело курить табак. Вместе с вашим соседом, господин

брандер-полковник, с отставным гусаром-поручиком и «*...прокуреным насквозь трубочным курякой...*» мы предлагаем сейчас заняться делом!

– Очень, очень свежо и деликатно сказано, – отозвался на эти слова господин «*Манилов, ещё вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар*». Впрочем, произнёс он это как бы самому себе, то есть ни к кому не обращаясь, а потому просто произнёс и расплылся в щедрой улыбке.

– Ваш Манилов, писал наш петербуржец Ленин из Казани, либерал, народник и меньшевик! Вот он кто! А вы лезете в членскую запись на очередь в Огорчённую партию города! Это вам не филантропическое общество каких-то огорчённых людей, – не сдавался крикун, но инструктор по табаку уже переступил грань добра и зла и был неудержим.

– Эй, Шпонька! Иван, поди-ка сюда! Залёт, будто восемнадцать душ своих крепостных на плацу равняешь! Здесь тебе не Могилёвский гарнизон и не хутор Вытребеньки, чтобы глядеть, как денщик тебе карпетки латает! Готовь секундантов и некролог по протоколу полировки портрета этого субарендатора из Северной Пальмиры господином Варвар Николаичем! А мы перед этой занимательной баталией хорошенько перекурим и поболтаем на партийные темы. Предлагаю фантастического

вкуса «Оптиму» от «Филипп Моррис Кубани». Радостно угощаю всех вас, господа офицеры...

– Позвольте веское слово, друзья! Прежде перекура я всё-таки прошу вас вернуться к устройству очередности по приёму заявлений в партию. – Из давно отжившего свой век кресла генерального директора поднялся вооружённый протезами, нехилым хронометром и четырьмя золотыми перстнями на подлинной руке инвалид в модном велюровом спортивном костюме с надписью о принадлежности его владельца к сборной команде Рязанской губернии по кёрлингу, с лампасами и в капюшоне в нахлобучку. – Подполковник Потогонкин точно натурального пороха не нюхал, чтоб его жалеть. Я боевой офицер, инвалид и капитан Копейкин и посему имею вид зарегистрироваться в Огорчённой партии города – первым! После получения несопоставимых с дальнейшей службой увечий и по пути к правде я и так намаялся в очередях Росвоенкомата за пенсионным довольствием больше всех ваших живых и мёртвых душ, вместе взятых.

Скажите! Как моё положение вяжется с требованиями царя-батюшки свет Александра I от 1803 года по пенсионному обеспечению военнослужащих? с ответственностью чиновников за результаты работы учрежденного 18 августа 1814 года Особого комитета по проблемам инвалидов и отставных военнослужащих? Нако-

нец, с реализацией Указа господина Николая I от 6 декабря 1827 года об «Уставе о пенсиях»? Мне по закону и по инвалидности причитается пенсия в размере половинного оклада от высланных 650–1100 целковых в год. Где она сейчас, эта пенсия, с честной индексацией и как соотносятся эти гроши с нынешней пятихаткой за бутылку приличной водки с огурцом, бутербродом и приличным пивом? Себя спросите: кто толкнул Копейкина в объятья криминала?.. Молчите? Так я скажу! Только чёрствость и бездушность питерских начальников привела к тому, что мне, ветерану и инвалиду войны, пришлось вливаться в среду организованной преступности Рязанщины ещё на конце первого тома незабвенных «Мёртвых душ»! Потому я и вынужден был профессионально взяться за глубоко продуманные налёты и ограбления на федеральных и муниципальных трассах отечественного бездорожья! В партийных списках Огорчённой партии города всех огорчённых людей Краснотупиковского Нечерноземья я вижу себя первым, как и в списках по выдвижению в руководящие органы нашего райкома ОПГ! Ясно как пень, – подвёл черту своей речи Копейкин, – без меня и моих неустрашимых бандитов в партии *«...способно всё задремать и дружины управления заржавеют и ослабеют»*.

– Что вы, капитан, здесь всё нюняете и нюняете, – *«...воскител благородным негодовань-*

ем» с виду процветающий господин «с пером в зубах», в ком Бронькин сходу распознал полковника в отставке Кошкарёва. А вот ещё секундой ранее, когда господин «с пером в зубах» что-то вдалбливал в голову широко улыбающемуся помещику Манилову, полковника Кошкарёва распознать было невозможно ни за что, потому как был он тогда непривычно безветрен и вял. Теперь Кошкарёв уже искрился привычно, взвинченно и буйно. И понятно, что в сердца офицеров запаса тут же вползло тревожное и небезосновательное беспокойство. В красном уголке наступило такое затишье, что слышны были даже удары комаров о стенку в тех самых местах, где могли бы красоваться окна. То есть красоваться при иной адресной этажности этого помещения, а именно если бы красный уголок находился не на минус первом этаже, а хотя бы этажом выше.

Офицеры хорошо знали, что полковник неизменно блистал новизной, но в чём она равняется сейчас – совершенно не знали. А мы лишь отметим, что весьма выгодное мнение о библиотеке полковника Кошкарёва, где бизнесмен П.И. Чичиков когда-то созерцал книги «по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства» и листал тома с «нескромными мифологическими картинками», что «...чравятся холостякам средних лет, а иногда и тем старикашкам, которые подзадори-

вают себя балетами и прочими пряностями...», в городском обществе NN ещё сохранялось. Эта библиотека, по мнению большинства красных тупиковцев и гостей этой прекрасной земли, сильно укрепляла доверие к её владельцу и делам по внедрению в жизнь современных аграрных технологий. Правда, технологии внедряться не всегда хотели, но это уже детали. Тут Афанасий Петрович Бронькин и сам не поленился и приподнял свою сивую голову, чтобы отогнать от себя обман приблизительного зрения и разглядеть того мужа, что когда-то изумлял самого Павла Ивановича Чичикова и «...так, как ещё никогда ему не случалось изумляться».

– Одеть всех мужиков России в немецкие штаны! С канцлершей ихней я лично договарюсь! Мой план даже сам Чичиков слышал. Против – ни слова не имел, – для начала ничего нового не заявил Кошкарёв. – «Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что всё пойдёт как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России». Всем бабам партактива надеть корсеты, и в Огорчённой партии города будет железный порядок! – двинул дальше Кошкарёв уже практически по целине. – Вы думаете, почему я должен состоять в очереди за партбилетом первым? – как бы вовлекая в диспут, результат которого ему уже известен, и после театральной

паузы продолжил полковник: – На мне висят души, люди, поля и фермы! Жизнь меня убедила: даже чрезвычайно высокая профессиональная военная подготовка, как у меня, например, не позволяет отставникам безмятежно сидеть на командных высотах в народном хозяйстве, потому как переподготовка военнослужащих в стране должным образом не организована. Обладая сотнями крепостных крестьян, лучшие офицеры запаса, не имеющие городских квартир и гражданских специальностей, по вине районной и, не побоюсь этих слов, краевой системы профтехобразования, прозябают в своих поместьях за бортом созидательного труда и не могут достойно стратифицироваться в общество и адаптироваться в новых реалиях. – В этом месте все лучшие офицеры коротко переглянулись, не самые лучшие, учитывая бешеную популярность и необузданную энергию полковника, не только не переглядывались, но даже и не повели ушами, а оратор, воспользовавшись их опасливой реакцией, пошёл в разнос: – Отдельные людишки ничтожного масштаба, что мне доподлинно известно, за глаза пытались жалко критиковать меня за создание *«Главной счётной экспедиции»*, *«Депю земледельческих орудий»*, *«Комитета сельских дел»* и *«Школы нормального просвещения поселян»*. Кто не понял сегодня, что это Счётная палата, Райсельхозтехника и про-

фильные комитеты Думы? И мы добьёмся, чтобы в нашем партийном аппарате ОПГ, а этим я буду руководить лично, каждый писарь, управитель и бухгалтер имели университетское образование. Чтобы все партийцы глубоко понимали, *«...какая бы выгода была их имениям, если бы каждый крестьянин был бы воспитан так, чтобы, идя за плугом, мог читать в то же время книгу о громовых отводах»* или инструкцию по разведению выхухолей в промышленных масштабах!

– Вы *«дурак и помешан»*, Кошкарёв! – бросил из-за плеча толстого и лысого брандер-полковника рыжий капитан-крикун, представитель спального района города на Неве и отчаянный защитник списочной очередности.

– Какая скотина хрюкнула!!! – ни секунды не задумываясь над тем, что слово «скотина» может показаться питерскому офицеру несколько обидным, кинул холопским прозвищем в него обратно разъярённый Кошкарёв, а в конце ещё добавил и другие сравнения, характеризующие качество колхозного свиноголовья. Этому уже никто не удивился. Все знали, что у человека с такими, как у Кошкарёва, *«...замашками и привычками навсегда...»*, даже в отставке *«...после всей забубенной жизни и тряски на перекладных, остаются одни пошлые привычки»*.

– Это не я свинья! Что вы *«дурак и помешан»*, олигарх Костанжогло во втором томе

бессмертной поэмы в вашу честь так сказали! – трусливо прошипел капитан из-за спины брандера-полковника, которого ещё минутой ранее в виде объективно существующей материи отрицал.

– Слушайте, вы! *«Я это припомню вам»*. Если я сейчас поручу заняться этим своему *«...особенному человеку, который только что окончил университетский курс»*, если я сейчас сгребу, – совсем уж кинулся в горячку полковник Кошкарёв, но было заметно, что свара с питерскими риелторами и состоящим в списке Форбса олигархом Костанжогло в его планы не входила...

Нам так и не посчастливится узнать, что сгребёт полковник и какие последствия здесь ожидают его оппонента, ибо в дверь просунулось украшенное лишь одной бакенбардой лицо помещика Ноздрёва, *«...верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю»* со слов самого Гоголя. *«Ноздрёв, как известно, был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории»*. А его чуткий нос всегда чуял местоположение и время проведения ярмарок, съездов, выставок и балов. Вот и сейчас он появился здесь совершенно предсказуемо, хотя и внезапно, поскольку в армии не служил и в офицерском собрании не состоял.

– А ну-ка посторонитесь куда-нибудь вбок от офицерского собрания, мой ситцевый

приятель! Салага вы пока ещё и даже меньше чем салага, – внезапно отбаритонил Ноздрёва кто-то из коридора неслабым рыком. Ноздрёв непроизвольно схватился за бок, где последнее время таскал при себе импортный клинок с гравировкой от известного производителя турецких кинжалов мастера Савелия Сибирякова. Теперь же там вместо кинжала у него болтался полупустой *«...кисет, вышитый какой-то графиней, где-то на почтовой станции, влюбившиеся в него по уши...»* Ноздрёв непривычно для себя смутился, а затем и смекнул прям-таки сходу, что намерен выменять у крепостного человека из свиты господина Чичикова за тот кинжал толстый справочник по занимательной ботанике и звездистую мотоциклетную каску. Но уже в следующую секунду он сделал вид, будто бы и вообще не собирался касаться своего бока или кисета, а потому проворно растаял за дверным косяком помещения, поспешно запихивая за пазуху две колоды искусно краплёных карт и вишнёвый чубук.

В дверном проёме тотчас обнаружился черновик незавершённого и сильно закоптелого второго тома «Мёртвых душ», на обложке которого сначала проявились общие контуры весьма значительного мужа, а затем и пышные усы генерала Александра Дмитриевича Бетрищева, что после выхода в отставку жил заботами заслуженного пенсионера страны. За усами по-

казался и сам Бетрищев. Исчезновение одинокой бакенбарды Ноздрёва и появление вместо неё пышных усов и полного комплекта бакенбард произвело на офицерское собрание сильное впечатление, а весь генерал в сборе своей «величественной наружностью» оставшихся ратников предсказуемо ошеломил. Он был прекрасен. *«Он был в атласном стёганом халате великолепного пурпура. Открытый взгляд, лицо мужественное, усы и большие бакенбарды с проседью, стрижка на затылке низкая, под гребенку; шея сзади толстая, называемая в три этажа, или в три складки, с трещиной поперёк...»*

Офицеры дружно вскочили с лавок и табуреток и принялись слабонервно приводить в порядок мундиры. Афанасий Петрович съёжился и даже непроизвольно протянул руку к тревожной кнопке, но затем опустил её и взял-таки себя в обе руки. Ни для кого не было секрета в том, что генерал А.Д. Бетрищев в целом был крепко социально защищён и по обыкновению в сельской тиши занимался только тем, что *«...хлебосальствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъяснять ему почтение; сам, разумеется, визитов не платил»*. В то же время Александр Дмитриевич сильно не любил тех, что *«...ушли вперёд его по службе...»*, обычно *«...выражался о них едко, в сардонических, колких эпиграммах...»*, *«...любил знать то, чего дру-*

гие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает». Понятное дело, что с *«...такой неровностью в характере, с такими крупными, яркими противоположностями, он должен был неминуемо встретить по службе кучу неприятностей, вследствие которых и вышел в отставку»*. Как говорится, погон и мундир и устав и гранит точат. Но, к всеобщему счастью, среди присутствующих в красном уголке сотоварищей не было таких, кому бы удалось опередить Александра Дмитриевича на военном поприще. Кроме того, в эти же дни по району носился устойчивый слух, что в имении генерала в очередной раз объявились обладающие значительными связями в Петербурге гости, перед которыми тот иногда даже чуток *«подличал»*. Зато другим своим гостям генерал А.Д. Бетрищев теперь как бы невзначай и всё чаще ронял, что у него *«...не без связей и в Петербурге, и даже при...»* Примечательно, что эти слова генерал никогда не позволял себе доводить до точки. Он неизменно останавливался на трютопии, что во избежание неприятностей заставляло присутствующих опасаться его ещё больше и любить ещё сильнее. Именно эта совокупность витающей в обществе информации позволяла местным аналитикам предположить о намерениях Александра Дмитриевича Бетрищева восстановиться на военной

службе либо вытребовать себе на прокорм хоть какую-то захудалую дотационную губернию.

Появление Бетрищева напряжило собравшихся офицеров и по другой абсолютно житейской причине. В опубликованных только что исследованиях некоего Леваңдовского «Исторический опыт создания вертикали власти: генерал-губернаторства в России» многие из присутствующих офицеров обнаружили, что отставные генералы оказались самой рискованной и неподдающейся коррекции группой российских граждан. Что по утверждению этого автора отставных генералов боялись даже генерал-губернаторы, поскольку те «...то капитана-исправника в погребе запрут, то уездного казначея выпорют. А генерал-аншеф Девиер, например, просто расстрелял из двух пушек земский суд, прибывший к нему для ведения уголовного дела». После такого сообщения автора этого опуса здесь уже никто не смел рисковать, и в красном уголке потянуло застывающим бетоном. Синхронно этому показалось, что ресурс наглости рыжего капитана испаряется уже не только в президиуме очереди, но и во всех его измятых волнительными руками списках.

Генерал огляделся, строго шевельнул усами и тут же уяснил глубину происходящих здесь дискуссий вплоть до противоречий, за-

родившихся в механизме полемики и способов безошибочного их разрешения. Он дал стороной великану-камердинеру тоже «...в густых усах и бакенбардах» помыкающий знак, и тот грубо пролаял, что короткая как выстрел партийная власть нужна его сиятельному кормильцу лишь для партийной рекомендации и смазки осей экипажа на марше и по большаку к открывающейся вакансии губернатора Краснотупиковского края. Затем для непонятливых несколько слов генерал Бетрищев решил произнести лично.

– Я принял решение возглавить очередь на приём в ОПГ, как и всё ваше районное политбюро, хотя, по правде говоря, работать уже отвык, – торжественно, но скупко объявил Александр Дмитриевич и вопросительно замер в ожидании восторженной реакции офицеров. Их реакция оказалась благосклонно-сдержанной и в целом позитивной, а в частных тонкостях и со стороны некоторых слегка удивительно-неосмотрительной...

– И снова здравствуйте! *«Всё, что есть лучшего на свете, всё достается или камер-юнкерам, или генералам».* *«Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?»* – неожиданно высунулся из страниц «Записок сумасшедшего» Аксентий Иванович Поприщин. Его сильно поддержал уже очухавшийся капитан-крикун и

земляк: – Вы подавляете демократию! Вам должно быть стыдно, что даже государственная «...цензура утрашилась генералитета...», о чём писал великий Гоголь к А.В. Никитенко ещё в 1842 году! Правильно великий Гоголь, причём смело и даже письменно, сообщал Плетнёву о том, что из своей поэмы «...выбросил весь генералитет...» на хрен! Вы под себя грести умеете! У вас нет ничего чистого и честного для облика партийца!

Бетрищев заново отправил короткий знак камердинеру. Тот переправил сигнал гусару-поручику, а сам под продолжающиеся вопли крикуна ткнул пальцем в свой телефон. Из него вырвалась громкая мелодия одиночных выстрелов вперемежку с нотами, извещающими о падении отстрелянных гильз. От музыки съёжились физиогномии отдельных политиков и губернаторов на стене красного уголка. А генерал, совершенно не прислушиваясь к звукам привычной для него пальбы, решил вдруг полно выслушать по теме весь народ и строго приказал отставному гусару-поручику доложить мысли. Гусар-поручик немедля и со ссылкой на некоего Владимира Владимировича смело обозвал цензурный комитет «...сборищем трусливых олухов или чванливых ослов...». Потом предложил, большой шутник, однако, концевым участникам спора больше не пиариться, а плюнуть на свою дурную славу и за-

стрелиться иль в омуте безумья навсегда утопить свои игры разума как неподобающие присутствию и замешанные на подрыве единоначалия. Конечно, гусар сорвал-таки порцию горячих аплодисментов у генерала и довольно засопел, мысленно перебирая наиболее хлебные вакансии в Совете безопасности при губернаторе родного края. В ту же секунду из его кармана не к месту вырвалась музыка про Штирлица и его высокие секунды, и гусар виновато застеснялся, а затем выхватил из кармана смартфон и лихорадочно забарабанил по его кнопкам в поисках режима «совещание» или «без звука». Поприщин утёрся и сник...

– Ну что ж, господа офицеры! Я услышал от вас немало толковых идей, озвученных устами этого перспективного юноши, и рад, что плюрализм проник даже в эти ряды, – подытожил генерал. – Кто из офицеров ещё не знает, что Владимир Владимирович – наш гениальный гений и наиболее авторитетный авторитет? Что лучше Владимира Владимировича Набокова о цензорах в России ещё никто и ничего путного из запомнившегося мне не сообщил? Профаны здесь есть?.. Нет. Тогда вернёмся к нашим господам баранам. Вослед за мною в партию консолидированно вольются господа полковники Кошкарёв и Вишнепокромов Варвар. Очерёдность меж ними демократично не устанавливаю, поскольку первый господин полков-

ник мой не ближний, но родственник, а второй тем более даже ближний, но сосед моего зятя Андрюхи Тентетникова. Отдаю этот вопрос на вашу жизненную мудрость, господа полковники. Остальным офицерам позволяю рубить очередь сообразно убитию воинских званий вплоть до прибывшего к нам и не нюхавшего дыма побед статского испанца Поприщина в порядке исключения. Пусть себе и он у нас будет для разбавления гражданского общества. Испанца потом поставим в нашем райкоме Коминтерном или международными сношениями командовать, – завершил генерал, а получив какой-то знак подручного в усах и бакенбардах, ещё и добавил: «Хвалю!» Видно, похвала досталась лишь камердинеру, ибо тот вытянулся, отрывисто моргнув глазом и опустил усы.

Бывший почтмейстер славного города NN Шпрехен зи дейч Иван Андрейч и поджавший губы губернатор, тоже бывший, высунулись из своих багетных рам и встретились недобрыми взглядами, а покойный прокурор из своего багета не высовывался, однако озабоченно почесал затылок и бездушно моргнув одним глазом. Но сильнее этого Бронькина здесь изумил тот факт, что известный ветеран кавалерийской службы и некогда «...*один из числа значительных и видных офицеров...*» полка Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, обычно и непримиримо «...*более всех шумевший на выборах...*», в

этот раз вообще не засветился и длинно промолчал.

Когда очередь принялась наполняться свежим ветром зигзагов и перемен сообразно вновь открывшимся обстоятельствам, а полковники уже кулуарно потянули короткую спичку удачи, о себе снова деликатно напомнил помещик Манилов. Этот страшно обходительный и с виду ужасно культурный белокурый мужчина «*в зелёном шалоновом сюртуке*», с розовыми губками, погасшей трубкой в одной руке и раскрытой на четырнадцатой странице книжкой – в другой, по приятности Афанасию Петровичу всегда был мил и симпатичен до уважения. Неизвестно, в каком воинском звании ушёл в отставку этот красавчик, обоснованно считавшийся во время службы «*скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером*» своего полка. Неизвестно, что искал в Огорчённой партии города Манилов, а скорее он там ничего и не искал, так как в гражданской жизни давно уже обрёл устроенный быт, специально обученную жену и перспективных Фемистоклюса и Алкида – сыновей. Скорее он прибыл сюда за компанию: потусоваться, расслабиться и оттянуться среди боевых друзей.

– Позвольте доложить, господин генерал, – негромко произнёс помещик Манилов и густо застеснялся...

– Жалуйтесь, – отрывисто выстрелил в него Бетрищев и с недоумением запустил вторую пулю взора в камердинера, а тот, не снижая темпа, метнул свои вопрошающие стрелы уже в ошарашенного вниманием Манилова.

– Достопочтенный Александр Дмитриевич! Простите меня за ничуть не инновационный подход, но я бы с вашего позволения не побоюсь и набрался бы смелости просить вас, чтобы нацелить ваше высокое внимание на факт! – высказался Манилов и замолчал. Затем помещик картинно и ещё более театрально закатил глаза в потолок, *«...показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела»*.

Бетрищев солидарно ему тоже закатил глаза в потолок, но увидел там лишь короба, трубы и подтёк на стенке у одного из портретов, а потому перенацелил внимание и сфокусировал его на помещике, жёстко вцепившись взглядом в его розовые губки. В этот момент к ранее сказанному *«...присовокутил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем...»*, и оставшиеся у него в запасе слова. Слова о том, что господину генералу, можно было бы соизволить, чтоб изыскать

решение и *«...наблости деликатес в своих поступках...»* мудрых, ибо в непосредственной близости от вешалки в этом же офисе учреждения наличествует дама. И что его сообщение касается лишь только прелести партийной очерёдности, единоначалия не подрывает, а укрепляет его, но уже с дамской, так сказать, кружевной стороны избирательного процесса. Камердинер оглянулся и показал генералу обеими глазами в ту сторону, куда можно было бы оглянуться и генералу. Бетрищев принял решение согласиться с его взглядом и оглянулся. И точно, под вешалкой с обворожительной приятностью в глазах несмело сидела дама, и как она потом ни упиралась после столь меткого внимания генерала, её всё-таки выгнали из-под вешалки и всунули куда надо в очередь, под самым чемпионским номером первым прямо перед столом Бронькина.

...

– Ваше ФИО, сударыня! Говорите, – жёстко затребовал от неё точные сведения Афанасий Петрович, понимая, что миндаль и ваниль в его деле может нарушить дисциплину строя и перелицевать очередь из неподвижности в прежний хаос.

– НПК, отец мой!

– Кажется, баба на редкость крепколая, – про себя подумал Бронькин. – По метрике скажите, а не по месту работы.

– Настасья Петровна Коробочка, коллежская секретарша, отец мой. Хочу вступить в ряды Объединённой партии города, чтобы в передовых её рядах...

– Зачем, слону понятно. Программу ОПГ знаете? И короче изъяснитесь, – чуток потеплела и уже с напускной строгостью прервала её принимающая сторона рабочего аппарата партии.

– Объявление и все шаги её к счастью все-районному и куда надо дальше на двери в бумаге видела. Прочла и окрылилась так, что «...у меня всю ночь горела свеча перед образом». Так и лелею теперь вид на то, что ОПГ навсегда покончит с беспределом нашей нынешней власти в городе и районе.

– Почему Огорчённая партия города, а не Партия огорчённых людей, как у Гоголя Николая в «Мёртвых душах»?

– Так великий же Ленин, отец мой, лично сам завещал, что всю партию одолеть непобедимо, а партийцев любых наших по одному перекупить или там куды на Колыму да в Норильск на заработки отправить всегда можно.

Теперь уже слышалось не только жужжание мух и писк комаров, но и безуспешная мольба питерского риелтора, пытающегося выменять у господина Манилова тринадцать нетленных страниц Устава ОПГ о трёх главах, которые тот уже неоднократно проштудировал и усвоил

вполне твёрдо. Капитан клянчил тоном отчаянного неудачника и фаталиста, предлагая взамен льготный тур в Коломну с проживанием у него в формате «всё включено» и девицами нестрогих правил для всепогодного протокольного эскорта. Манилов, будучи образцовым семьянином, тонко над ним издевался. Он сардонически шутил и требовал себе всяких знаний о пикантных способностях девиц, их тактико-технических данных, служебных характеристиках, а также билеты на футбол. И чтобы футбольный «Зенит» играл обязательно на своём самом дорогом в мире стадионе с бразильцами, а, в крайнем случае, с заводом малолитражных молоковозов города NN, но в хоккей. Манилов щедро присыпал воображаемую сделку пеплом из курительной трубки и сахарной пудрой. На них цыкнули. Они приумолкли.

– Чем партии будете служить? – накинулся на Настасью Петровну Бронькин с новыми вопросами, сообразив, что офицеры чутко ловят каждое его слово.

– Могу служить поставками продуктов по партийным подрядам, – бойко защебетала Коробочка, – если случится «...муки братъ ржаной, или гречневой, или круп, или скотины битой...» Поставлять к столу «...грибки, тирожки, скородумки, шаншишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, при-

пёкой со снаточками...» Упоить нужные вам, отец родной, корпоративы в турецких и финских саунах могу, задать корм начальству на партийных гулянках хоть в драмтеатре, хоть на дачах у партийных вождей. Умею хоть даже на ВДНХ в Москве сделать всё как надо, если на Масленицу, например, или в день ангела кого из партполитбюро нашего. Организую любые товары и услуги. Вот аренды только чуть поболее мне и по льготным ставкам...

– Рекомендация для вступления в члены в наличии?

– Есть! Как без неё, батюшка мой, с собой ношу, всем даю. От *«...протопопа, отца Кирилла, сын служит в палате...»* От соседей своих: помещиков Боброва, Свинына, Канапатьева, Харпакина, Трепакина, Плешакова. От Чичикова Павла Ивановича, от...

– С него надо было начать, – выхватил Бронькин из её рук лист гербовой бумаги и вонзил туда глаза: *«У вас, матушка, блинцы очень вкусны»*. Прилагаемая справка сообщала, что П.И. Чичиковым откушано 9 (девять) блинов с маслом. А также *«...с небольшим половиною пресного пирога с яйцом...»* им тоже откушано и выпита 1 (одна) чашка чая. Затем размашистый крючок и фамилия подписанта меж скоб. Ниже «ВЕРНО», где все буквы большие, потом «ИП Аксентий Поприщин» в синюшном окружении печати, ещё крючок и, как полага-

ется, дата: *«Мартобря 86 числа Между днём и ночью»*. Бронькин вздохнул и протянул Настасье Петровне документ:

– Молодец, Настюха! Пиши анкету. На первом этаже оплати мой труд и бланк. Да в службе безопасности сфотографируйся! Да оплати! Там скажут, что ещё и кому внести нужно... Членский билет и аренду получите там же и по льготной ставке, – закончил он уже строгостями, а Коробочка воссияла прям-таки так, что даже вся *«краска стыдливо вспыхнула на её щеках»*.

– Прошу строго по очереди следующего гражданина!.. – вскочил Афанасий Петрович, дабы скорее и правильно оформить в партийные ряды генерала Александра Дмитриевича Бетрищева, и чуть было уже даже не брякнул: *«Ваше высокобродие, извольте присесть!»* Однако вместо будущего губернатора, большой души человека и генерала, у стола вырос ростом в батон из заМКАДовского «Ашана» поджаристый сухарь, и Бронькин обомлел. *«Перед ним торчало страшилище с усамы, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромнейший палаши привешен к боку. Ему показалось, что при другом боку висело и ружьё, и чёрт знает что. Целое войско в одном только»*.

Здесь Бронькин мог бы и оставаться собой, ибо по части волокиты и тягомотины в работе

с посетителями и клиентами найти Афанасию Петровичу достойного конкурента даже в таком нереально продвинутом городе как NN было невозможно. Но сухарь напирал.

– Здравствуйте, Ковалёв, доложите, почему на вас нет лица!? – свирепо гаркнул он.

– Я не Ковалёв, я Бронькин Афанасий Петрович, капитан...

– Нет, вы не Бронькин, вы Ковалёв, и точка! Вы Ковалёв Платон Кузьмич, *«кавказский колледжский ассессор»*, и на вас нет лица!

– Ковалёв обитает в повести Николая Васильевича Гоголя «Нос», где именно этот одноимённый орган у Платона Кузьмича временно отсутствовал, а не всё лицо его, – прошептал Бронькин.

– У вас ни лица, ни носа, посмотрите в мою оловянную пуговицу на мундире, там видно всё без искажений! – пришёл ему на помощь Сухарь.

Афанасий Петрович с опаской склонился вперёд и принялся всматриваться в пуговицу Сухаря. И действительно, там точно отражался человек, но не совсем Бронькин А.П. При этом лица, а вместе с ним и носа этого человека в пуговице не воспроизводилось?.. Рядом с отражением человека на троне с вензелями императора Наполеона Бонапарта непрочно сидело, пересчитывало мёртвые души и, довольное ухмыляясь, кидало их в шкапулку явственное отра-

жение Чичикова Павла Ивановича с рогами. Похоже, его отражение решило перейти и уже перешло на тёмную сторону.

– Душа номер тринадцать, – *«...сказал Чичиков с плутоватой улыбкой...»* и тут же с удивительной практичностью развеял все утверждения Сухаря о том, что Афанасий Афанасием не является. – Бронькин Афанасий, – продолжал улыбаться Чичиков. – Бывший танкист. Эх, Афанасий, и угораздило же тебя свою коррупцию изобретать да выдумывать! У нас и без тебя об этом тьма диссертаций липовых. Чего ж тебя, горемыка, из армии понесло так, что даже майорскую звезду к погонам не пришил... Но ты не бойся, Афоня. *«Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе...»*, да и ты пока ещё, к сожалению, вроде как практически живой... Подожду. А вот когда квартиру в райцентре получишь – мне её тотчас и отпишешь... Ну а вы, друг мой, – обернулся Чичиков к Акакию Акакиевичу Башмачкину, что из повести «Шинель» вдруг высунулся, – вы тем часом *«...времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый для него будет дорог»*.

– *«Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки?»* – снова высунулась из-под вешалки Коробочка. – *«Покройник мой без этого никак не засыпал»*.

– Не пиши Бронькина в реестрик, пока живой! – прошамкал Степан Плюшкин, обращаясь к Чичикову. – И замочи Сухаря, упокой его душу, а то скажу, и мой зять этим займётся. Этот «...сухарь-то сверху, чай поиспортился, так пусть соскоблит его ножом да крох не бросает, а снесёт в курятник». Да своему человеку тоже распорядись об этом, а то мои вон уже все совсем померли...

Красный уголок наполнился «странным шипением». Бронькину показалось, что «...шум очень походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и наконец, понатужась всеми силами, они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку, после чего маятник пошёл опять покойно щёлкать направо и налево».

Протяжный звонок, возвещающий о поваливших в учреждение клиентах, удачно вырвал Афанасия Петровича из страшного сна и общества кандидатов в члены ОПГ. Он вскочил в туфли и бросился к зеркалу...

ГЛАВА VII УСКОРЕНИЕ В БЕЗДНУ ТОРГОВОГО ЗАЛА

Большая стрелка циферблата на привычной для неё быстроте выползла на третий круг. На улицах муниципальной столицы, как и в переулках города NN, по обыкновению промозгло и небезопасно. Там тоже уже завязался третий час ночи. Добросовестные и прочие налогоплательщики спят беспробудным сном. Отдельные граждане бодрствуют. По-английски обложившись бутылками и грелками и закутавшись в одеяла, они читают и думают. Здесь обожают книжные строки и умные мысли. О власти здесь тоже думают, но обожают её прохладно.

В круглосуточном оптово-розничном книготорговом учреждении «Мудрецов», в стенах которого нам уже удалось познакомиться с мыслителем Афанасием Петровичем Бронькиным, возлюбить, невзлюбить или даже пожалеть этого мужа – тишь и гладь. Кто помнит, делись мы с ним на минус первом этаже этого кульгового вместилища знаний и современных систем управления персоналом. В допол-

нение сообщим вам, что и на первом главном этаже этого гиганта оптово-розничной торговли книжностями сейчас, как и в красном уголке – на минус первом – всё складывалось по-семейному спокойно и безветренно. Запанный таджикский юноша-охранник Эшонкул сидел мирно. По-жокейски оседлав табуретку, он что-то бормотал своим усам, изредка облизывая губы изумрудно-зелёным языком. По всему видно, что Эшонкул был всем доволен и блажен. Родной брат его папы, дядюшка Ибрагим-бек – глава всей стражи усердно хранимого им комплекса и руководитель здешней диаспоры их аула, бдительно, но не часто всхрапывал, свернувшись калачом под пальмой на диване. Его кареглазая и ресницыстая племянница и сестрица Эшонкула Зульфия сквозь амбразуру кассы нацелила зеницы в мигающий за окном рекламный щит, заменяющий все покойные от старости фонари площади им. Октября (в народе – Октябриновича), и остановила их на экране: воцердуМ, воцердуМ – жёлтым, красным, жёлтым, зелёным... ..воцердуМ... Невозможно сомневаться, что малышка Зуля уже успела многократно удовольствоваться неторопливо откушанным настоящим чаем с сахаром и что ей сегодня хорошо, тепло, сухо и комфортно.

Но вот створки входных дверей учреждения дерзко разлетаются по сторонам, и толстая

чёрная кошка, дотоле дремавшая на тощей полке «Литературы для детей и юношества», валится доской ниже. Вслед за ней на пол падают сумасшедшие апельсины и саньки бицепсы, мультяшные красотки, жёлтый Пикачу с уродливым хвостом, Космобой, Шрек и прочие другие гоблины. От их грохота и вида бэтманов кошка пронзительно визжит, таранит броню ведра, опрокидывает швабру и ловко ныряет под длиннющие стеллажи с увесистыми товарами, как в суперобложках, так и без них, скованных одним ценником – 999 копеек за кг веса. Дядя Ибрагим-бек прерывает храп, но сладко и продолжительно чмокает губами, Эшонкул что-то поспешно глотает и срывается с насиженного места, Зульфия щупает правой коленкой тревожную кнопку, ведро цепенеет и скрывается в пене. Пена шипит.

Необыкновенно грациозная модераторша подвижной офисной мебели зала с высшим образованием и неоднозначным опытом работы в экстремальной бухгалтерии, коротающая здесь ночь от аутсорсинговой компании «Отрадное», а по совместительству восхитительная и деликатная звеньевая уборщиц клининговой компании «Мыло» Гулянда – каменеет. Затем она приходит в себя и во избежание производственных неприятностей для любой из представляемых ею фирм и до выяснения не на шутку встревоживших её обстоятельств

мышкой ныряет за ширму в закуток со швабрами. Перед закутком привычно многолюдно. Здесь два красавца в небрежно наброшенных на плечи старомодных милицейских пиджаках шумно режутся шахматными фигурами то в Чапаева, то в поддавки, но уже в шашечной расстановке, и продолжают затянувшийся спор о преимуществах картёжной дамы над шашечной дамкой или наоборот. Они зорко берегут от банд местных вандалов стальной банкомат, постоянно рискуют своей жизнью, а потому уже немало выпивши и в развитие любых других происшествий, порой здесь случающихся, сейчас, как и обычно, не вмешиваются. Проблемы учреждения здесь всегда и так решаются сами по себе, а вопросы от перепуганной кошки ими не принимаются. Они не влияют на покой и зарплату, а потому сегодня у этих красавцев на смене всё путём, по-домашнему уютно и спокойно.

Совершенно внезапно, непонятно зачем и надолго ли, но с лёгкостью почти что военного человека в зал стремительно врывается господин – *«...не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж, и не так, чтобы слишком молод»*. Пожалуй, всё-таки слегка полноват, хотя вполне стройный господин, и Koffer у него под мышкой пухлый, симпатичный, заслуживающий вполне по-

хвального и даже отдельного обсуждения. Он в длинном кашемировом пальто цвета увядающей кремовой астильбы – нараспашку. В уютном костюме брусничного цвета с искоркой и модном галстуке наваринского пламени с дымкой. В столь глубокий час уже гладко выбрит и свеж. Глаза учтивые, внимательные, в приёмах и движениях что-то солидное. Заполняет объём утонченным ароматом Bleu de Chanel. Выполняет несколько категорических шагов вперёд и понимающе огибает расплескавшуюся вокруг ведра пену. Эфирно изысканным поклоном головы одаряет кассиршу Зульфью, болигарду кивает слегка протокольно, *«...сохраняя почтительное положение головы несколько набок...»*, цепляет отбившуюся от подружек и потому с виду сиротливую тележку для покупок и сообщает ей надлежащее ускорение в бездну торгового зала. Грезившая этим мгновением телега нетерпеливо срывается с рабочего места, по-девичьи восторженно визжит и отбывает с глаз долой, ликующе поскрипывая правым задним колесом и оставляя за собой мокрый извилистый след на отшлифованных бахилами посетителей ламинате.

– Доедет ли она до Курган-Тюбе? – размышляет себе Эшонкул, меланхолично барабаня пальцами по кобуре, где у него покоятся опечаленный сургучом и выданный гендиром казённый перцовый баллончик и личные фисташки.

– А куда ж она денется? – реактивно реагирует на его сомнения сестрёнка, щупая левой коленкой тревожную кнопку, и пунцовеет от утончённо-приятного импульса незнакомца. – А вот до Турсунзаде с такой прытью она точно не доедет. Зря она рванула так со старта, – раздумывает Зульфия дальше и вдругорядь нацеливается в рекламу, проворно погружаясь мыслями в вечные темы о маме, маминой шурпе и дивных московских духах, что презентовал ей в начале этой смены Гаврюшка Селифанофф. Теперь она вдругорядь разомлела и одновременно подумала о том, что сегодня как никогда и счастлива, и сыта, и душиста.

Лишь тем читателям, кто не знаком с внешне грубым, безжалостным и жадным бригадиром таксомоторных бомбил города NN господином Селифаноффым, кратчайше скажем о нём, хотя и не факт, что вздумается вам вдруг рискнуть и двинуть по городу именно с Лифанычем. К тому же заметим, что из города NN дорог уже дальше никуда и нет, разве что в крайцентр, но это уже ближе, а не дальше. А в городе вместо дорог есть только исторически сложившиеся традиционные направления для перемещения ТС и пешеходов по непрямым улицам и сбегаящим к реке Нюхе кривым старинным переулкам. И всё же сообщим, что Гаврила Лифанович Селифанофф потомственный таксист. Обычно за рулём он сидит в хму-

ром и молчаливом состоянии. Это совсем не типично для остальных жизнерадостных бомбил его бригады, часто рыдающих от смеха при встречах с одуроченными агрессивной рекламой местных красот туристами, гостями города и наивными гражданами, что пытаются прокатиться задёшево.

В общем, представить Селифаноффа с дивными московскими духами в руках возле Зульфии несбыточно даже празднующимся местным аборигенам. Гаврила обычно настолько несловоохотлив и пасмурен, что даже опытейшим гаишникам при участии точнейших измерительных приборов в большинстве случаев не удавалось даже остановить его, не говоря уж о том, чтоб определить степень его реального опьянения на фронтальных и рокадных маршрутах девственного бездорожья. А потому в извечных внутрикорпоративных дискуссиях на эту тему многие из гаишников терпели в спорах друг перед другом существенные материальные издержки, а то и прямые финансовые потери. Один лишь Гаврюша и знал свою меру, да и хранил этот секрет не хуже Мальчиша-Кибальчиша. Есть у Селифаноффа при себе и *«...доброе чутьё вместо глаз...»*, а потому он *«...зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да проезжает»*. Добавим и ещё для спокойствия вашего, что в городе NN Гаврила всегда легко от-

крывает любую дверь ногой, включая даже ту, что следовало бы открывать в его сторону.

Впрочем, для вас не лишним знать будет ещё, что добросердечная и аккуратная племянница дяди Ибрагим-бека кассирша Зульфия в магазине и даже во всём городе справедливо считается девушкой очень строгих правил, наивной, доверчивой, честной и ни разу не незамужней. Последнее сообщается вам лишь для того, чтобы думали вы о ней только достоверно и правильно.

Тем часом интеллигентный господин элегантно укрощает свой неугасающий сотовый телефон и принуждённо стопорит ход. Его снисходительно-сосредоточенный лик озирает близость усмешки, ибо перед ним внезапно распахивается белозубое сияние красоты, что стократно возрастает выходом на передний план неправдоподобно высокой груди с бейджиком «Продавец-консультант Зухра, отдел мировой экономики и финансов». За этим благолепием вопрошающе замирает милая и приятная во всех отношениях дамочка.

– Здравствуйте, я вся к вашим услугам...

– Спасибо, надеюсь, – любезно растянул мужчина усмешку чуть шире с таким же точно, как и к очаровательной кассирше ранее, поклоном. – Мне нужны книги по неузвизимому бизнесу.

– Ой, правда? Даже не верится!.. – Зухра сказочно захлопала ресницами над колышущимся бейджиком, «...жеманно застёгивая свою будто бы ненарочно расстегнувшуюся...» блузку, что вошло ей в привычку после... Впрочем, для читателей совершенно неважно знать, после какого по счёту замужества у неё появилась эта манера, в чём ничего предосудительного автор не находит, ибо мужья для того и приобретаются, чтобы в случае их непрофессионализма быть изгнанными с глаз долой, из сердца вон.

– Вы так похожи на прекрасного артиста Калягина в молодости, – с неукротимой лестью выдохнула девушка. – Я от него без ума. И я... я подумала, что вы... артист... и... – она сильно покраснела, стыдливо потупив глаза к низу, и отрывисто замолчала.

– Такое мнение мне уже сообщали. Утомительно часто сообщали, спасибо.

– Простите мою девичью сентиментальность и непорочную честность на словах... Я готова с вами пойти налево прямо сейчас. Прошу вас, вот сюда налево, – снова вострепнулась Зухра и горизонтально провела бейджиком, изображая глубоким дыханием и самим бейджиком нескрываемое удовольствие от удачно завязавшегося знакомства. В двух шагах слева, и правда, взгромоздился не знавший частых встреч с весьма известной в городе и рай-

оне клининговой кампанией стеллаж с гипсовым изваянием умной на вид пары сверху. В изваянии человек, похожий на Адама Смита, обнимался как бы при горячей и долгожданной встрече с другим мужчиной, ещё более смахивающим, но уже на отечественного Чубайса.

– Здесь, – и девушка игриво поманила взгляд незнакомца ухоженными ноготками, – последние поступления из крайкниготорга по неуязвимому бизнесу и все лидеры наших продаж: «Деньги пахнут смекалкой», «Твой первый миллион», «Заветы малому и среднему бизнесу» и, наконец, просто «Заветы». В этом толстом «Капитале» Камаркса, по некоторым данным, – о товарах и деньгах написано всё. Это мемуары независимого финансового аналитика Александра, или по паспорту – Шуры Балаганова, – «Правда о синице в руках и Остапе. Воспоминания». Вот занимательная книжонка в твёрдом переплёте и с картинками тоже: «Поболтаем с инвестором. Искусство метаязыка – слово и дело». В ассортименте актуальной библиотечки начинающего олигарха «Ваши налоги – наши проблемы», а здесь «СИЗО и КПЗ: время, события и нужные люди». А это, – защебетала дамочка дальше уже заученными назубок фразами, и её реснички томно опустились, затем томно распахнулись, и Зухра возбудилась бесповоротно, – хит продаж осенней коллекции!

Этот фолиант может быть исполнен даже в виде манускрипта. В любом случае – он в телячьей коже с крокодиловой шнуровкой, а также с прилагаемой к нему импортной немецкой лупой и перчатками невиданной белизны. Сваровски тоже здесь, разумеется. На обложке, как вы сами видите, теснение золотой пылью: «Авторитеты нашего района». При заказе вы получаете невидальщину, куда будет вделана ваша персональная глава с цветными фотокарточками, яркой и достойной губернаторского кресла биографией, сделанными лучшими акробатами пера и объектива районной многотиражки, что откроет вам новые горизонты в получении потрясающего финансового результата. Цена 999 долларов по курсу, установленному на последней торговой сессии Московской межбанковской валютной биржи, то есть ММВБ.

Специальное предложение только в этом месяце! Буквально за горсть юаней или иен в сравнении с ценой фолианта всеобщего массива мы устраиваем фотосессию и зашиваем в этот милый бизнесу том самолучшие фотки вашей э-э... наиболее талантливой помощницы... Есть бельё мировых лидеров: Barbara, Соеті и других... Забавные вещицы для ночных съёмок парного и группового увлекательного досуга от длинных атласных перчаток с гипюровыми бантами до кэтсьюити в китайскую

кружевную сетку из серии «легко порвать», как в прокате, так и в подарок. Само собой, разумеется, что вкладыш в зависимости от глубины и размаха ваших чувств, отношений и наклонностей может быть жёстко запечатан в прозрачную упаковку. Любой каприз за ваши деньги... Святость закона у нас не обсуждается, а деликатно и гибко обслуживается мягко и всесторонне...

Она бы и ещё декламировала, но её прохладно остановили.

– Я воспользуюсь вашими услугами и чемпионским пакетом учреждения, – пристально измерил с ног до головы дамочку посетитель так, будто бы её покрывала одна лишь китайская сетка. – Потом воспользуюсь, а сейчас меня интересуют только «Приключения бизнесмена Чичикова». У вас, я вижу, этого не существует?.. – Сказал и не громко, но и не тихо, а так твёрдо, что бейджик на девичьей груди ещё чаще и выше ринулся в чувственно-манящую пляску. А он ловко встряхнул белоснежным батистовым платком, и по залу поплыли пьянящие волны дорогих французских одеколонов. *«Тут он произвёл небольшое молчание...»*, на которое Зухра ответила кратким замыканием...

– Ой! Ну да никак такого быть не может, чтобы мы для вас ничего не придумали и не нашли! Удовлетворить каждого клиента по высшему разряду – наш долг перед генераль-

ным директором, – ещё ниже зарумянилась прекрасная девушка под наливающимся подозрениями взглядом господина. – Я просто горю желанием вас удовлетворить, хотя и консультирую всего лишь один отдел мировой экономики и финансов, а приключенческая литература и триллеры у нас лежат там – в отделе «Детективы и приключения».

И сегодня вам сказочно повезло, ибо самый тонкий специалист по части истории приключений сейчас где-то лежит именно в нашей смене. И я не медля ни секунды времени, если вы позволите мне чуток оторваться от вас, хотя мне и не хочется никак от вас отрываться, приведу его к вам для дальнейшего обслуживания...

– Оторвитесь, приведите, представьте, пожалуйста!..

– Ну просто малина в сметане, *«...можно сказать чудо-каленкор!»* – подумал посетитель, бросив в сторону удаляющейся Зухры чуть неприличный и в меру легкомысленный взгляд, и приготовил себя к ожидательству...

ГЛАВА VIII

БИЗНЕС ПОД ПОЛОЙ ШИНЕЛИ

После посулов великолепной Зухры приковать к делу тонкого знатока глубоких книжных знаний пролетело ничтожно мало времени. В брызгах этих мгновений автор, строго говоря, не успел даже взвесить, что могло бы побудить гостя посреди ночи искать Чичикова в этом оптово-розничном учреждении. Вспомнил лишь он, что в городе NN повелась мода читать и мыслить без оглядки на циферблат. О деталях автору не удалось даже вспомнить, так как перед интеллигентным посетителем и ещё более восхитительной от своей профессиональной беспомощности в части, касающейся приключенческой литературы, обаятельной дамочкой с девичьими манерами – Зухрой, предстал он: истерзанный знаниями, сивый и статный муж в очках со стальной оправой. Он явился так органично, словно бы существовал здесь вечно. Его глубоко-пессимистическое равнодушие и нечеловеческая усталость на угрюмом лице выгодно оттеняли архаичный костюм из коллекции фабрики «Заря перестройки» в тонах пьяной вишни. Он как нельзя лучше

гармонировал с почти новыми офицерскими форменными туфлями, сверкающими глянец перезревших каштанов. Аккомпанирующая его наружному безразличию внутренняя энергетика специалиста не сулила никаких надежд на то, что нужная клиенту книга тотчас жадно припадёт к его требовательным рукам. Образовавшееся посреди пустынного зала трио казалось порядочной толпой потерявшихся в дороге за знаниями инопланетян, наконец-то нашедших друг друга и оторопевших от этого.

– Категорически приветствую вас и твёрдо заявляю, что ведущий специалист смены по работе с особо значительными клиентами гвардии капитан запаса Бронькин Афанасий Петрович к вашим услугам, – коротко отрекомендовался с виду безразличный ко всему человек. – Простите нашу привычно-неимоверную сердечность, но гвардии капитан, а в его лице весь наш личный состав беспредельно рад встрече с первым покупателем отдела детективной литературы, – продолжил он излагать придуманный пресс-службой учреждения текст. – Спешу ошеломить, что сегодня вместе со словами жгучей признательности за визит в сокровищницу нашего монстра знаний вас ожидает ошарашивающий завистников подарок от заведения или моднейший квазироман-фикция господина Слушкова «Около руля» о хорошо организованной коррупции и затей-

ливых формах нарушений авторских и смежных прав. Это вас зажжёт и... – хотел было оратор раздвинуть размеры доклада в карьер и без передыха ещё шире и продолжал бубнить вперёд без каких-либо знаков препинания, абзацев, интонации и оптимизма, как вдруг налетел на нечто марсовское в устремлённом на него в упор тяжёлом взгляде...

– Не путайте берега, капитан. Меня интересуют только приключения бизнесмена господина Чичикова, – не по-детски насупился посетитель.

– Начало из-за этой раздолбайки неважное, – хмуро констатировал себе Бронькин. Тяга клиента к Чичикову Афанасия Петровича врасплох не застала, хотя поначалу в душе он и шарахнулся от этой тяги, как от опасной инфекции. Из головы никак не выходила картина, как однажды, кажется, как раз этой ночью, знакомые и соратники Чичикова донимали его своими склоками. В какую-то минуту Бронькин ощутил себя даже ясновидящим. Потом ему пришло в голову, что инфекция кошмарного сна бродит вокруг него и словно Вий пытается через взгляд поймать его душу. И как он ни старался сейчас взять себя крепче в руки, глаза его предательски округлялись, выкатывались за границу стальной оправы, а зеницы клеились к пламени с дымкой на галстук посетителя. Но даже сейчас его мститель-

ность желала лишь Зухру: – Вот деревенщина... Детективщик, ах какой детективщик привалил, раскудахталась... Нет, чтоб доложить: Чичиков нужен! Курице что Чичиков, что Марк Аврелий на батуте. Всё фиолетово, – чертыхнулся в душе Бронькин. – Недаром фиолетовую раскраску таскает...

В общем, осадок в душе Афанасия Петровича забродил, хотя и знал он твёрдо, что, несмотря на видимые безобразия вроде расплескавшейся вокруг ведра пены и стремления свалить любые проблемы с больной головы на здоровую, их персонал чаще всего нажимал на корыстные маневры. Но сейчас и даже наперекор его смятению армейская закалка и профессиональный долг перед гендиром все же выпихнули из него полагающуюся в таких случаях формальную вежливость.

– Ах, боже мой, боже мой! Какая радость видеть натурального ценителя поэзии прославленного в мире отечества! – схватил-таки себя в руки Афанасий Петрович. – Глядя на творящуюся вокруг жизнь, в это невозможно поверить! Я влёт открыл в вашем взгляде огромный потенциал мыслей, но в изнеможении от опоясывающей нас серости не поспел окунуться в гигантские глубины вашей недремлющей даже теперь души. Вообразите себе, что эти замечательные «Похождения Чичикова» расположены не в детективах, а в недрах отдела классики.

Готов перед вами поклясться на действующей конституции города со всеми томами её изменений и дополнений, что, следуя немного левее от этого ужасного наследия незавершившейся влажной уборки, мы погрузимся в прекрасные сумерки середины XIX века и окажемся в компании с товарищем Гоголем Николаем Васильевичем.

Кстати сказать, отделом русской классики, куда мы с вами сейчас так замечательно стремимся, у нас руководит новейшая роза Востока, – попутно продолжая повествование и для Зухры с использованием излюбленного у менеджмента приёма по перемещению издержек и гадостей с одной головы на другую, сообщил Бронькин. Дескать, теперь ты уже старейшая фаворитка или увядшая роза генерального директора. – Отделом русской классики у нас рулит прелестная Айгуль, а она у нас краля ещё та. И... видите ли, в ночную смену и по совместительству она приятно помогает в домашнем хозяйстве нашему ненасытному шефу, имеющему большие побуждения ко всему прекрасному, включая запойное чтение книг. По причине сомнительных дарований в области книжных знаний и бесспорных преимуществ перед некоторыми в других отраслях деятельности, – он с мстительным удовольствием взглянул на Зухру, – Айгуль является сюда лишь для получения авансов грядущих смен и до-

плат по фактам выполненных генеральному директору работ. Понятно, что чужим мужчинам она в основном недоступна, а те к устаревшим писателям из русской классики не любопытны. Честно доложу вам как человеку, по всему видно, благоприличия изумительного, в нашем отделе классики от уныния и скуки мрут на лету даже самые назойливые мухи, так что в этом уютном уголке мы и припаркуемся...

Отсюда неплохо наблюдалось, как охранник с помощью линейки и ножниц умело дробил пресную лепёшку, а под столом над чем-то сосредоточенно колдовала Зульфия, не отрывая левого локотка от кнопки тревожной сигнализации. На пикантность её геометрического положения и гардероба Афанасий Петрович не моргнул даже глазом и точно с таким же безразличием смахнул с полки книгу среднего размера и толщины.

– Представляю на ваше рассмотрение, уважаемый... э-э-э...

А вот посетителю такая конфигурация Зульфии показалась довольно редкой. На это, видимо, незаурядное, по его соображению, зрелище он откликнулся внимательно. То есть переключился на разговор с Бронькиным не сразу, а слегка замешкавшись, да и продолжил его той известной вам нейотированной и протяжной буквой э-э-э..., а уже после паузы нехотя изрек, что является Павлом Ивановичем.

– Глубокоуважаемый Павел Иванович, прошу вас: Н.В. Гоголь. Избранные произведения в двух томах. В томе два поэма «Мёртвые души» или то, чем вы мыслите воспламениться. Позвольте одновременно засечь, любезный наш Павел Иванович, – осмелев до невероятия и ухмыльнувшись по поводу излюбленных проделок Зульфийи, продолжил ведущий специалист по работе с особо значительными клиентами, – что в отделе классики сегодня вы центровой покупатель и под номером один останетесь аж до нуля часов будущих суток. И поздравления наши в отношении современного и чудовищно популярного даже в Москве квазиромана, обладателем которого вы с удовольствием...

– Не чешите там, где не чешется, – с недружелюбным сожалением окончательно отвёл свой взгляд от кассы клиент и с обнажённым недоверием принял не то чтобы толстую, но и не тонкую книгу из рук Бронькина...

– И что же я здесь вижу, Пётр э-э-э... Афанасьевич? Том практически даже не первый, где лишь про души необъёмные по числу листов сведения значатся!? Я ведь просил «Приключения Чичикова»?.. У вас что? принято отклонять волю клиента? – после продолжительной паузы язвительно отозвался посетитель вслед за тем, как часы гадко зашипели и трюбили трижды. – Развейте темноту, чьи души, их

фамилии и зачем они?! Я ведь у вас потребовал другое?

– Что вы, что вы, Павел Иванович! – будто чего-то даже напугавшись, картинно занастырничал капитан. – Сколько я себя помню, такого ещё не помню, чтобы я чего-то забыл. Именно «приключения» я вам и докладываю. Дело в том, что первоначально я Петрович Афанасий, но если вам угодно... Если угодно вам не перевозанно, а образно, то, как угодно, но по достоверно подтверждённым слухам ранее произведение числилось как «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Гоголь же хотел обойтись без Чичикова, чтобы только души были в названии, причём мёртвые и без фамилий. Потом завязалась атака. Цензура, видите ли... управляемая, рогатки всяческие и не обошлось без потерь... Декабристы в памяти прочно сидели... А Россия, как известно, страна контрастов и парадоксов, и такой уж у неё особый путь динамического развития всегда происходит...

– Как!? Неужто там и декабристы наши замешаны? а как же Гоголь совсем без Чичикова книгу произвести собирался?..

– Так точно! Декабристы-с, они-с... Но без Чичикова он хотел произвести в названии, но не в содержании. У нас без Чичикова ничего сделать невозможно. А тогда ещё и МВД, полиция да репрессии примешались, да и свобод у

нас во всём всегда единый уровень наличествует, что по ватерпасу где-то около ноля будет.

– Да, неловкости и несуразности у нас порой случаются... – поначалу смягчился, но в лучах очередной вспышки уличной рекламы недоверчиво позеленел и тяжело задумался клиент... – Неуж-то ядрёная Россия после декабрьских думских хороводов, выборов и непоняток заново цензурой так строго озаботилась?!

– Нет, нет, нет, что вы! Боже упаси! Едр.., ядр.. – поспешно сглотнул Бронькин. – Единая мать наша здесь совершенно ни к чему. Ваша искромётная шутка бросает избыточные и невыгодные мысли даже на объединённую и единую, так сказать, простите за выражение, власть нашего города и района, – покраснел Бронькин под очередной порцией отблеска рекламы. – Некоторые районы нашего в некотором роде знаменитого края и даже соседи из Улупаевской области от нас и так без ума. Остальные нас всерьёз люто ненавидят и пылко боятся. Признаться честно, сейчас и у нас в городе не всё стройно. Но вам поклянусь на Боевом уставе бронетанковых войск: декабристы 1825-го виноваты! Поверьте, точно знаю, опутанные пауками истории траки судеб отечества и государства, *«...которому нет равных в мире»*. Поэма «Мёртвые души» и есть похождения господина полковника в переводе со статского та-

беля о рангах на военный табель Чичикова Павла Ивановича. Конспирация, знаете ли, всегда присутствовала. Время тёмное, нехорошее время тогда было... Двухтомник избранных произведений господина Гоголя с душами во втором тянет на 222 рубля 22 копейки. Вы возьмёте оба тома. И это прекрасно! Вы покупаете книг больше, чем одну, и получаете совершенно такую же, как и у меня, биметаллическую дисконтную накопительную карточку, изготовленную безвременно ушедшими на покой акционерами и поделниками нашего шефа из города солнца и свежемороженой горбуши – Магадана!

Бронькин артистично извлек из кармана несколько цветастых картонок, с изяществом циркового фокусника перетасовал их и развернул веером точно перед гладко выбритым лицом клиента, что его, впрочем, ничуть не ошеломило. Наоборот, в этот миг оторопел сам Афанасий Петрович, ибо сейчас гость задумчиво, если не сказать, что даже несколько отрешённо, открыл неведомо откуда выросшую у него в руке серебряную табакерку с финифтью и двумя фиалками на донце, очевидно, положенными *«...туда для запаха»*.

В голове капитана вихрем пронёсся табун невероятных догадок: – Старший сын лейтенанта Шмидта? Но такой пойдёт к Мудрецову... Специалист досрочной силовой инкассации?

Так почему без коллег?.. Внезапная проверка занесённым генеральным директором казачком? Мудрецов в сравнении с ним и сам не Тарас Бульба... Этот ему будет не по карману... А если... Если гены династии?! – Бронькина бросило в жар. – Тогда почему он о своей родословной ни черта не знает? Ну, нет, так конь не ходит! – Афанасий Петрович понял, что тяга клиента к «похождениям» к чему-то да и ведёт, а вот к чему она приведёт его, никак не понял, но уши наострил. – Скорее этот тип не без конвертируемых планов...

– Гм, вижу, вы человек... комбинированный, ...конвертируемый человек и на переправе бродом не полезете... – будто услышав его мысли, наконец-то оторвал свой нос от табакерки Павел Иванович и уставился на пёстрый веер из алюминиевых, медных, никелевых и других картонок, откуда выглядывали и прочие оттенки чёрной и цветной металлургии страны.

– Человек я – Петрович, Петрович я, Афанасий! – ещё больше напрягся Бронькин и резко замолчал. Он уже не первый год в нужных случаях умело прикидывался недотёпой и неудачником, хотя в местных баталиях давно прослыл хитроумным и изворотливым пиарщиком и стратегом. Так он действовал и сейчас. – Авось этот балаган в какую-то привлекательную сторону да и проберётся...

– Именно Афанасий вы, и не более того. И человек вы, вижу это и даже замечаю, весьма начитанный. А меня пружинит бизнес господина Чичикова, – снова нахмурился клиент. – Как говорится, метода его многотрудного дела, состав совета директоров, штаты и риски, чистота переговоров, модель достижений и погрешностей, если случались. Нужны его экономика и финансовый результат. Из ваших же слов происходит, что теперь мне и души эти неживые тоже требуются?.. То есть душ похождение? Если дадите гарантии мне твёрдые, что во второй книжке, что в томе не первом сочинений ваших всё про Чичикова правильно изложено, то я беру именно этот том № 2 и можете упаковать его вместе с душами.

– Ну что вы, Павел Иванович! Я это утверждаю и опять-таки клянусь. Души никогда бесполезными не бывают, – притворно засуетился Бронькин. – Синхронно прошу вас – возьмите всё! Оба тома! Я ж не могу крошить комплектность Гоголя. Мы ж полугосударственное учреждение типа закрытого типа. То есть мы чуть ли не бюджетники! У нас здесь трудовые книжки обслуживаются родной дочери от первого брака первого заместителя мэра города Аделаиды Софроновны «...с тремя золовками, Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной»; свояченицы прокурора Тутрикова Динара Франковича – Кате-

рины Михайловны и её внучатых сестёр Розы Фёдоровны и Эмили Фёдоровны, родной невестки главного судьи с племянницей, сводной сестры (хотя болтают, что жены бывшей) начальника всей полиции, и сынок их тоже к службе безопасности нашей приписан... Да всех и не упомнишь, хотя они у меня и переписаны, что понятное дело. У нас же всякая копейка к жалованью пристроена! Кому ж мы всунем первый том без вашего второго? Меня ж ужесточат критикой и заплюют неверием и непрофессионализмом! Без нашего вождя господина Мудрецова такая продажа несбыточна. Пряная наша Айгуль целиноградская – да! она может и это решить. У неё о-ч-ч-ень значительное влияние на Петра Октябриновича, или Петрушку, как мы его за глаза называем. А меня такими замечательными аргументами, как у Айгуль, в силу того, что я не баба, природа не наделила.

Тут он хотел было напустить ещё больше мглы, чтоб как-то прибрать инициативу к рукам, однако внезапно замолчал и вдруг неожиданно придумал: – Кстати сказать, Павел Иванович! Да, кстати доложить вам... Спешите осознать! Докладываю голосом! Одно время я глубоко изучал биографию и жизненный путь незабвенного господина Чичикова Павла Ивановича, созданного товарищем Гоголем Николаем, и знаю, что в предлагаемом нами заодно томе №1 тоже ведь отражается поголовный

бизнес. Бизнес господина-товарища полковника Чичикова, как мне обоснованно кажется, вылез практически из-под шинели первого тома Гоголя, – теперь уже огненно-жёлтым цветом рекламы одухотворённо просиял Бронькин и хитро замолчал. А в лице посетителя тут же показалось ему «*какое-то напряжённое выражение, от которого он даже покраснел*». «*От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет*», впрочем, ужасно неестественный.

– Гм, вы заявляете, что бизнес вылез из-под шинели первой книжки? Красиво придумано, – протянул Павел Иванович и снова открыл серебряную табакерку с фиалками для приведения нервов к порядку. Посетитель снова над чем-то глубоко задумался и, не прерывая своих глубоких мыслей, приказал подать себе чаю...

Афанасий Петрович трусцой метнулся куда-то в сторону, но вскоре воротился и уже прогулочным шагом с потёртой командирской сумкой через плечо. Клиент в непрочной задумчивости «*сидел в жёстких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей*». Сидел, поместившись в них как бы ненадолго, хотя минуты текли неспешно. Тут как тут в фиолетовой блузке с рюшами и пайетками, с подносом и с вызывающе-легкомысленным макияжем на лице подлетела Зухра. Забрэнчала между ними посудой, жеманно, вроде как ненароком, ткну-

ла в плечо клиента левой грудью и что-то ему сбивчиво прошептала. Впрочем, до ушей Бронькина всё же донёлся номер её домашнего телефона, известный и без того любому порядочному и небедному посетителю книжного отдела экономики и финансов их учреждения. Павел Иванович снова поалел и что-то коротко и мягко ей буркнул, а потом ещё и демонстративно резко резанул: – С молоком!

Приятная во всех отношениях дамочка в одной чашке замешала кофе, в другой – чай. В обе плеснула молока и с кокетливой улыбкой растаяла среди книжных развалов нового реализма и эротических фантазий на магнитных носителях. Клиент захватил себе вторую чашку, а Бронькин задумался... – Судя по сервису из первой приёмной и свежим пряникам и, конечно, не без участия бухгалтерши Лизки, на него задумана уже новая подстава, и в предстоящей схватке с ними, перевести пенальти на угловой удар будет непросто. А судя по результатам прошлых историй Зухры с мужиками при деньгах... – Бронькин задумался ещё глубже, но ничего порядочного себе о том, на чью мельницу она сейчас плеснёт, так и не выдумал, а потому жёстко и непривычно цинично мысленно выругался...

– *«Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто: фу-фу»*, – клиент громозвуч-

но высморкался и с журчанием горного потока втянул в себя напиток от заведения. – Конечно, я мог бы взять и ненужный мне том. Но жизни долг священный учит, что любая копейка на конце полный рубль имеет...

Тут Бронькин уже бесповоротно удостоверился, что *«Павел Иванович как-то особенно не любил вытаскивать из рук денег...»*, а в крайнем случае, видимо, предпочитал расставаться с ними не сразу, а взвесив хорошенько и откладывая платежи как-то на потом.

– Расколоть Гоголя не могу. Это вам не коммиссионная лавка и не аукцион невиданной щедрости, – зло упёрся Бронькин, продолжая недоверчиво принохиваться к оставшейся на столике чашке. – Берите мёртвых на DVD. В роли Чичикова Калягин. Там Удовиченко, Смоктуновский и Золотухин ещё дешевле...

Некоторое время они сидели подчёркнуто молча...

– Что вы там ещё наизучали себе про шинель господина Чичикова, – наконец-таки сорвал безмолвие посетитель и сузил тему. – Что вы мне про бизнес в шинели из первой книжки пытались сообщить?.. А нуте-с, вещайте-ка дальше...

– Тысяча примеров, тысяча! – встрепенулся уже начавший было хоронить всякую надежду на состоятельность клиента и перспективу продаж Бронькин и подцепил со стола книгу. –

Не сойти мне с этого места, если это не так! Том первый и пока ещё как бы вам не нужный том открываю! Ага, оглавление... Вот те нате «Игроки» попались: крайне натуральная пьеса и поучительная инструкция.

Для более меткого прицела сообщаю – публика тут интеллигентствующая. Радуга общества гражданского поражает воображение! Полезно извещаю вас и о том, что господин Чичиков (в том же два избранных произведений) в своё время слыл отъявленным спортсменом. Со слов Арнольди известно, что в утраченном по вине Гоголя манускрипте недописанного тома всей поэмы Чичиков состоял отличным шахматистом. В шашках всегда тоже разбирался, в бильярдной игре никогда промаха не давал, с картами дружил неизменно в случаях симпатично образовавшегося сопутствующего коллектива...

А в пьесе Гоголя, что «Игроки» называется (том один), обделана такая затея. Приличный шулер в трактире засекает штатно вооружённых игральными картами лиц, анализирует ситуацию и принимает решение оставить их с носом, опираясь на свой личный талант и дар сказочно отшлифованной им краплёной колоды. Те, вообразите себе, оказываются сплочённой и нацеленной на результат бригадой картёжных гастролёров. Они ещё более профессионально тренированы к поединкам и знако-

мы даже с тайнами системы Станиславского. Гастролёры искусно разыгрывают с приличным шулером свой спектакль. А в финале возникают отменные ребята авторитетного вида: подставной помещик, его сынок, приказной чиновник, ещё кто-то, не помню... Суть в том, что совместно с этими корифеями азартных игр шулер легко выигрывает у помещичьего отпрыска двести тысяч денег, однако всё подстроено таким макаром, что в итоге он как раз и теряет восемьдесят тысяч – нажитых им ранее рискованным трудом...

Здесь не абсолютно целомудренный бизнес, – застенчиво опустил веки гвардии капитан, – но не к столу будет мной сказано, – снова поднял он веки и взглянул на жующего посетителя, – для жизненного опыта бриллиант. Так сказать, битва бизнесу в науку, а знаниям в жилу. Если такое дело замахорить и взбрёт кому-то хоть сегодня, то доходы, как видите, вырастут скорее чужих детей и внуков.

– Восемьдесят тысяч чего? – как бы очнулся гость после столь удивительного и поучительного примера.

– Целковых, почтенный Павел Иванович, ещё тех, самодержавных и дореволюционных целковых, что вполне замещались тельцом из банков...

– Да... Мудрецы равные небу на дороге не валяются... Любопытно-с...

– Так, именно так, Павел Иванович. Мудрецы, я бы заметил, превосходящие могущество земли и неба! А теперь ещё страничку перекинем наугад из ненужного вам тома, – неудержимо продолжал Бронькин. – И что мы видим? Ага, химера выдумки поэта повесть «Нос». Ну вот, пожалуйста, майор Ковалёв как раз приезжает в газетёнку дать объявлениице, что у него потерялся его личный нос. Читаю: *«По сторонам стояло множество старух, купеческих сидельцев и дворников с записками. В одной значилось, что отпущается в услужение кучер трезвого поведения; в другой – малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа; там отпущалась дворовая девка 19 лет, упражнявшаяся в прачешном деле, годная и для других работ; прочные дрожки без одной рессоры, молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду.. там же находился вызов желающих купить старые подошвы..»*

Полная скука от будто бы и не влекущих граждан перечня товаров: подошвы, люди, кареты, лошади... У нас и сегодня всё это можно легко купить, были бы только рубли. А тут хитро задумано. Поначалу, кажется, что-то и правда отдаётся в услужение, то есть напрокат или в лизинг. И кто сразу докопается и поймёт сходу, что после запрета тогдашним царём объявлений о продаже крепостных людшек в

печати придумали лукавое отпущание «в услужение»? Вот ведь как! А как вам *«...молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду»?* Здесь же полная турбулентность! У нас в газете «Тойота-Карина», 1994 г.в., уверенно ездит и на ходу»? Вчера сам видел в городской «Чистой правде». Тьфу на неё! Кому она нужна с таким примитивным представлением и мнением о её качестве? Я, правда, может быть, и купил бы, да пока что не за что, но это уже личное...

А заметьте девушку 19 лет, *«годную и для других работ»*. Напрягите кругозор, Павел Иванович, как это зачастую отражается в жизни? Не хочется даже поминать наших мулаток-шоколадок, что беспрестанно торчат в соляриях, а после них, как извещают в наших объявлениях, «не знают никаких смущений, тормозов и исключений в утехах с нежадными и даже с мало-сильными джентльменами, круглосуточно». Весь город их знает! Общежитие «Точэлектровинтажа», что на Клары Цеткин дом 9 комната 64. Увидишь их лишь однажды и до конца года зайкой останешься. Одна лишь там правда, что с ними неземное или адское наслаждение будет. Баба Яга против них бисквитно-кремовой молодухой покажется. Разве здесь есть почитение к публике и мысль об ответственности?

– Мн... да... Занимательные рассужденья... Тоже ведь ниша... Что же мешает вашим дрян-

ным танцорам из газеты правильно организовать это дело, – негромко произнёс Павел Иванович, подвигая к себе блюдо с сухарями ещё ближе...

– Видите ли, Павел Иванович, – счёл возможным осторожно заметить Бронькин после образовавшейся паузы и как бы изучая узоры на посуде. – В произведениях того тома, против которого вы уже битый час как противитесь, расположен ещё и прекрасный «Ревизор», где Хлестаков крепче Чичикова будет. Почему я говорю это? Господин Чичиков, которым вы так стремительно интересуетесь, и, правда, большой виртуоз мыслей и генератор идей. Он вершит свершенья продуманно и с завидным упорством, чем в ряде случаев удачно продвигает свои бизнес-проекты к деньгам. Господина Чичикова и его соратников, включая туда и других героев нашего времени, я даже в центральной оппозиционной газете района публично защищал и потому предмет знаю. Но если откровенно, то в дни, когда Чичикову Павлу Ивановичу случалось вступать в некоторые проекты втёмную – случались уже не его именины. Не его свадьба скакала за гармонистом по селу. А Хлестаков...

– Стоп, стоп, стоп, командир! – холодно прервал его ночной гость. – Не надо мне здесь распускать язык и пальцы! Я бы рекомендовал вам воздержаться от непропорционального

мнения в отношении господина Чичикова, – словно маникюрным перочинным ножичком щекотливо и аккуратно остановил его клиент.

– Удивительное дело, – подумал Бронькин, – о чём бы ни говорил сегодня посетитель, «...он всё умел облекать какой-то степенностью, умел хорошо держать себя». – Нет-нет, Павел Иванович! Я ничего, я совершенно пропорционально сообщаю вам, что для меня Чичиков Павел Иванович и Хлестаков, что Чук и Гек или, как говорится, мозг и сердце, а два сапога – пара. Только в «Ревизоре» у Хлестакова Ивана Гоголем подмечен определённо другой жизненный стиль. И я бы даже подчеркнул слово «стиль» или, если вам угодно, «манера». Хлестаков даже с самим Пушкиным был «на дружеской ноге», как в шутку черкнул Гоголь, а в каждой шутке есть доля сами знаете чего. Господин Хлестаков работал современно, легко и вдохновенно, много импровизировал, порой так выходил из формата, что казалось даже, что ему во вред будет. Но нет! К примеру, спустив за карточным столом денежки одному малоизвестному пехотному капитану, Иван Александрович возвращает себе капиталы за счёт мэра и чиновников города и с большим прибытком. Делает это до необычайности изящно и... – тут Афанасий Петрович несколько поперхнулся и закашлялся. – Безнаказанно делает это, что и в наше непростое время весьма

значительно... И мне всё больше и больше кажется, особенно в минуты бессонницы, что сегодня экономика и бизнес должны быть маневреннее и ближе к твёрдому берегу вызовов бытия...

– Гм... Талантливый, вероятно, юноша, этот ваш Хлестаков... Способный, видимо, малый, если даже с приходом остался... и без статьи... Здесь уж я и ему, и вам, капитан, точно похвалу выскажу. Начитались вы, вижу, как директор школы какой-то. *«Слушая вас, чувствуешь прибойток сил. Дух воздвигается».*

– Вот-вот! Но не меня, Павел Иванович, не меня слушая... Слушая Гоголя! Ведь это он для нас такие тропинки обустроил! – торжествуя вскочил на ноги Бронькин. – Используя эти обстоятельства, дорогой Павел Иванович, полагаю возможным *«...вновь обратить вас к предмету прекращённого разговора»* – принялся за своё Афанасий Петрович. – Двухтомник избранных сочинений Гоголя именно то, что вам жутко требуется, и стоит сущие пустяки... В условиях упрямства и инфантильности со стороны всеобщей необразованности и утраты ценностных ориентиров классика в бизнесе, как сообщали небезызвестные герои классики, правда, по другому поводу, – *«именины сердца»*. С вашей, как я уже заметил, дьявольской воспитанностью и благонравием знания классики прямой путь к немеркнущей славе, –

завершил Бронькин, забив по шляпку последний гвоздь своих аргументов и закрутив самую патетическую ноту на конце речи.

Клиент призадумался, и видно было, что он даже нечаянную оговорку с чёртом пропустил мимо ушей. Он зачем-то покрутил в руках чашку, словно впервые увидевши её, зачем-то заглянул в сахарницу да и замолчал зачем-то и надолго.

Уже принялись бледнеть огни рекламы за окном и смелее подкрадываться к центральной площади города NN рассвет. Всё сильнее и гуще румянились его щёки...

ГЛАВА IX

ЛЕГЕНДА О КАПИТАНЕ БРОНЬКИНЕ

Думается, читателями уже подмечено, как порядочно наскучило Афанасию Петровичу вколачивать в голову посетителя правду о цене Гоголя, да и автору повествовать об этом. Если абстрагироваться лишь от одной стороны медали, то автору от Афанасия Петровича уже надевать некуда. Никак ему не укрыться от Бронькина, особенно сейчас, когда этот безобидный и капельку недовольный своим отражением в существующей жизни капитан запаса уже почуял прибыльное для себя дело и, конечно, не в 222 рублях, а ноздри его носа уже трепетно задрожали, причём без всякой оглядки на последнюю сессию ММВБ. Даже по его взгляду, хитро направленному внутрь души своей, сейчас было ясно, что капитан уже почуял то, чего ему хотелось. А хотелось ему славы и любви приятных гражданочек и граждан, наделённых правом выбирать себе тех, кто им люб.

О, мой возлюбленный читатель!

Чувствует моё терпеливое сердце, что пора преподнести вам истинную и трогательную

сагу о ветеране Бронькине. Сагу о тех красках его доблести, что доселе неизвестны вам, славному городу NN, разветвлённой сети крайкинготорга и бронетанковым массам той страны, чьи границы даже из самой Москвы недоступны силе зрения самого дальноторкого в мире бинокля. Ну а если учесть, что именно в этот час наш капитан уже не сидит верхом на танке, а твёрдыми стопами своими вышагивает по колеблющейся платформе предвыборных забот об избрании нового хозяина города, то не видать вам здесь родной сестры его таланта по фамилии Краткость. И хотя сейчас капитану недосуг, поскольку местность уже принялась, хотя ещё и не в ближнем бою, но густо и неостановимо наполняться его обещаниями о том, какое светлое будущее её ожидает, вам всё-таки подфартило. Подвезло именно в том, что вашему скромному повествователю уже приходилось попадаться Афанасию Петровичу на крючок его размашистых воспоминаний и размышлений о смысле былого и грядущего на случайной встрече в известном каждому рублю казино «Рок» у дяди Лысого Пимена. Кстати, там же размещён и его популярный у авторитетных городских казнокрадов и транжир ресторан «Акулька». Если у вас накоплены определённые такие привычки, то лучше пробирайтесь туда. В левом крыле районного пенсионного фонда вы легко найдёте это заведение. А

если вы ещё не обзавелись у Пимена даже клубной картой, то как увидите сразу под аркой этого дворца добролюбия и почтенности правую дверь с нацарапанными часами работы «Всегда», так и звоните дважды, но коротко.

Так вот. Чтоб избавить вас от велеречивых подробностей о безмерной его доблести и не упустить важнейших вкусовостей боевого прошлого Бронькина, автор отважится на скупой пересказ слышанного от него при той встрече. То есть дерзнёт на роль беспристрастного повествователя подлинной легенды о легендарной личности, незаурядной подлости и смысле существования в их окружении остального человечества. При этом он востремитя в меру сил своих скромных и способностей ничего не намесить в невыгодном правде нашего героя ракурсе.

Итак, самые яркие страницы биографии Бронькина, по свидетельству самого капитана, были отлиты в граните и броне, а также несправедливо обделаны мазутом и копотью на краю земли, где начинаются океаны и кончается Америка. Бронькин имел случай немало лет там и зим, что в тех краях одним и тем же будет, столоваться в одарённом огромной боевой славою Н-ском танковом полку. Тамошняя полковая библиотека построена была так патриотично и непримиримо, что помещала в себе одни лишь классические творения и самые за-

пальчивые труды про звериную алчность агрессивной сущности империализма. Верите ли вы, не знаю, но ваш покорный слуга не сразу уверовал Афанасию Петровичу в том, что горючки в полку в последнее десятилетие его службы точно не наблюдалось, однако долг исполнять неизменно требовалось. Алчности тогда в полку и своей было немало, а потому все эти годы капитан брал с собою в танк только классику. Так он с нею и сдружился, а в особенности покумился он с Гоголем Николаем Васильевичем, чьи строки были написаны так, будто бы Гоголь и сам одно время исправлял должность именно в этом гвардейском танковом полку. Хотя на самом деле он там, конечно, никогда не числился, что аргументированно доказала Бронькину хранительница раритетов комнаты боевой славы полка толстая ефрейторша Клавка из отдела кадров.

Чему капитан и по сей день часто удивляется? Так тому только, как удалось ему от огорчений и переживаний за судьбы неживых душ, старосветских помещиков, философа Хомы, Катюшки Масловой с Карениной Аней или других героев от родных классиков не спиться в те времена окончательно, чего в эти годы легко добились многие приличные люди прославленного Н-ского танкового полка.

Роту свою и танк Бронькин любил во всех смыслах этого слова. Ещё больше боготворил

он свой родной второй батальон, которым повелевать и шевелить его не упрашивали, хотя этого ему всегда очень хотелось. В том-то и сидела его большая печаль и тревога. Долгими пуржливими полярными ночами Афанасий часто кричал себе мысленно: – Почему комбат Деревянкин? Почему человек с такой бронетанковой фамилией, как у меня, не комбат? – Но на мысленные вопли свои не получал Бронькин никакого ответа. Тундра про комбатов играла в молчанку. Олени, о Бронькине ни слова не мыча, выковыривали себе из-под снега ягель. Танки вели себя так, словно вместо солянки в баки воды набрали. И думали танки только о том, зачем они вообще нужны на Севере, если дорог здесь даже в оптический прицел не видится, о чём знает даже их командир батальона, да ещё и Деревянкин? Коренное население нордовых берегов океанов о батальоне ничего толком и подробно не мыслило. Но красную рыбу и моржовые клыки на спирт, сапоги и тушёнку оно разменивало только здесь. Во втором батальоне служили самые смелые и проверенные в непубличных торгах компаньоны и благодетели всех северных народов.

А потом взошла заря удачи. В силу обстоятельств Афанасий Петрович на целую неделю остался батальонным командиром. И он пошёл, поднявшись в полный рост, пошёл впе-

рёд и разошёлся на этой промёрзлой почве так, что дальше уже разойтись было некуда. Дальше там уже находились то сугробы, то болото. Бронькин всегда мечтал служить и командовать так, чтобы депрессия от вечной мерзлоты, магнитных бурь и отсутствия витаминов были всегда, но только у других комбатов полка. И он добился этого! С торжествующе-победительным отпечатком на лице в первый же день своего командирства он провозгласил всем, что второй его батальон вскоре унесётся на тройке побед и бог знает на какую высоту! О том, что цветы и краски тундры и всех удовольствий Севера будут лежать на броне его дружины. А потом и ещё больше обнародовал всякого такого, что было уже и т.д. и т.п. Поначалу среди комбатов загорелся даже спор: Бронькин снова стебается так, как всегда он это делает? То есть что-нибудь классическое и непонятное для других, слово там иль потеху какую вворачивает им как в своей роте ранее? Или повзрослому взялся за дело? Оказалось, за батальон Бронькин взялся не по-детски.

Безудержно отважная работа Афанасия по управлению батальоном с первой же минуты воистину сопровождалась легкокрылыми везениями. Земля! Ух, как под гусеницами танков его второго батальона дрожала земля! Как плавился между штабом и его квартирой и завидовал бордюрным камням асфальта! Как самозаб-

венно пьянели от идей врио комбата люди! Как дулись на него неисчислимы пентюхи и вороватые и не всегда трезвые прапорщики! Трудно осознать и понять, как жутко было улицезреть это врагам на самом что ни на есть краю земли нашей! Но нюхали ли вы северный ветер на марше? Вкушали ли вы приполярную влагу из слегка примятой гусеницами танков тундры? Носились ли вы когда-либо на броне по тем магистралям, которых не отыскать даже на самых секретных картах мира, причём даже у нашего наиболее вероятного противника?..

Нет, нет и ещё раз нет! Вам этого не постичь и не уразуметь! Вас там, скорее всего, никогда в жизни не было! А там чего только не было!..

Но удача одна не приходит. На глазах всей мировой закулисы, а также в условиях дикой политической смутности и совершенно внезапно их полку обозначили подведение итогов за какой-то туманный период. А к тому же ещё и красная рыба раньше обычного срока сдвинулась неудержимо на нерест по всем прилегающим к нему водным артериям. Комдив, отвлекшись от важных государственных и приравненных к ним иных дел, охотно согласился заняться именно теми гвардейцами, у которых со старта тронулась рыба. А к прибытию генерала Хреновухина в полк второй батальон успел подтянуться как следует. И чтобы не утонуть в болоте демократической бездарности, а

порыв энтузиазма не попал в долгие ящики полковой канцелярии, Бронькин произвёл рывок. Он понимал: для успеха нужен рывок! Встречу комдива Афанасий Петрович ознаменовал сорока артиллерийскими залпами из каждого 100-мм танкового орудия батальона в отдельности в организационно-штатной их очерёдности и в направлении того угла местности, куда ещё не ступала человеческая нога.

Командир полка, слышав такое вдруг от второго батальона своего же полка, конечно, онемел от изумления. Но Бронькин пошёл дальше, ибо к тому же разучил со своими бойцами медоточивую строевую песню удачливого каюра на оленьей упряжке в соединении с куплетами о возложении к унтам генерала Хреновухина хлеба и соли. И исполнил коллектив эту песню на приличном уровне, а именно в сопровождении полкового духового оркестра, что за ящик варёной сгущёнки инкогнито выучил все до единой ноты каюровой песни и движенья, выдуманные накануне коренными жителями Севера с бубном и вторым батальоном в тандеме. Песня, как и салют, прозвучала как следует, и можно сказать, что наряду с песцовым малахаем и такой же песцовой буркой, возложенных к подножью комдива, усладили оба генеральские уха до слёз умиления. Правда, комполка и на эту тему сильно надулся. Он потом ещё дважды весь оркестр загонял по

такой обиде в морпорт на разгрузку бурого угля и сушёной картошки, поскольку дела и с оркестром, и с песней для него оказались инкогнито. И это несмотря на то, что особенный отдел в его боевых порядках никогда не спал ни днём ни ночью, прикрывая свои доносы и особливое положение демонстративной легендой об игре в карты на щелбаны. На самом деле они играли только на водку.

Но это было потом. А пока что генералу *«...не не понравился...»* этот разумный акт батальона Бронькина в честь своего прибытия, и он во всю свою генеральскую мощь включил рупор правды о положении дел в целом мире. Потом из закровов своего норова, где у Хреновухина обычно хранились храбрость, великодушье, ум, *«...изрядная помесь себялюбья, честолюбья, самолюбья...»*, капризы и другая всячина, в этот раз он, хорошенько покопавшись, вытащил безграничную щедрость. Зная, как важна она для его бронированных витязей, генерал насупился важно, показал на Бронькина указательным пальцем да и наградил его прямо перед своим строем своими личными часами «Ракета», сняв их со своей правой руки. Да, и такое в жизни бывает. Вот вам крест! Замечу, что при рассказе об этом вашему повествователю на случайной встрече у дяди Лысого Пимена Бронькин тогда, помнится мне, в том месте даже расплылся в

преждевременно образовавшейся сладкой улыбке, что потом оказалось делом совершенно напрасным. Впрочем, а тогда генерал тут же вытащил из своего кармана и надел себе на правую руку прямо перед тем же строем свои другие личные часы, но уже не «Ракета». И полк в ту минуту чуть было не умер на плацу от страха, потому как от бархатистого приветственного рыка генерала тогда и *«...до малейшего телодвиженья, в нем всё было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость»*. Хреновухин пошёл ещё дальше и прилюдно провозгласил, что на параде по случаю его прибытия и за особую перед ним лично доблесть второй батальон пройдёт торжественным маршем по плацу первым, а уже потом поплетутся остальные батальоны полка, включая даже первый батальон.

Тут Бронькин не на шутку призадумался о своей дальнейшей карьере в недавно отремонтированном кабинете начальника штаба полка, куда позавчера только переселилась отслужившая свой срок в кабинете командира полка, но ещё вполне приличная для использования в интересах обороны страны шатурская корпусная мебель... Надо сказать, что в те годы с поставками мебели дела обстояли неважно, и не то, что сейчас, когда в таких вопросах дока даже сам министр.

Однако зависть, как вы понимаете, всегда топчется окрест фортуны. Вот и тогда земная слава Афанасия Петровича Бронькина прошла быстрее парада его батальона по гарнизонному плацу. Оказалось, что в судьбоносные минуты его салюта в том поросшем лебедой и борщевиком углу тундры, куда примерно повалились вылетевшие из стволов второго батальона снаряды, обдумывало свои планы ближайшего развития районное начальство, что ввиду буднего дня мозговало над ними там вместе со всеми своими неутомимыми секретаршами. Начальство, правда, в тот раз не пострадало, потому, как снаряды рвались с перелётом, да никто в него-то, в начальство, по сути, и не прицеливался, а к тому же ещё и схоронилось оно там со своим индивидуалками в тёплых палатках и за мобильными коваными мангалами.

Но и здесь не всё получилось ладно. Выяснилось, что из сорокового танка снаряд не взлетел. А руководство района, будь оно неладно, штаты и вооружение второго батальона уже хорошо знало и в тундре той сутки ещё поджидало артиллерийского залпа из последнего танка, потому как все взрывы от залпов остальных танков параллельно подсчитывало. И чтоб затем не войти в историю района в виде заключительной воронки, начальники потом ещё сутки и по-пластунски добирались из этого совещания до райцентра. Об осечке во

втором батальоне и уровне его боеготовности они, конечно, сразу же накатали в прокуратуру и что, дескать, родина защищается абы как, тоже настрочили. Завязалась катастрофа небывалого значения...

Прокуратура учредила мгновенно наряженное следствие, что в полк скоро прибежало и полетело генералу смастряченное на живую нитку «Дело капитана Бронькина А.П.» по признакам 126 статьи известного кодекса про людей, похищенных организованной группой лиц, причём в сговоре и с применением оружия, а также из меркантильных соображений. Словом, почти всю статью переписали они с пунктом «з» включительно, где на кону вплоть до двенадцати лет казённых харчей полагается. В то же время на продовольственном складе прокурорские ещё и обревизовали свои ощущения потерь и недостатч, что привело их точно к усохшим сапогам, тушёнке и ящику сгущёнки, скушанной военным оркестром уже в варёном виде. Но и это ещё не до конца главное! Оказалось, что прокурорские прицелились и в другой движущий процесс угол. Нацелились они по такой статье, что танкисты, мол, саданули ровно 39 раз против всей власти в целом и с определёнными планами. Потому как в Белом доме, чтоб командовать районом двое суток и секретарш не было, а без их указаний там даже ягель в горшках на подоконниках

никогда не колосится и не расцветает. Тут, правда, прокурорские на счастье тоже не доглядели и промазали, потому как сверху позволили и строго указали как надо, чтобы правильнее, а то было бы всё ещё хуже, и не только Бронькину, но и самому генштабу.

Генерал Хреновухин и здесь в стороне не остался. Комдив в минуту заменил идеал Бронькина на пол-литровый «Абсолют» для прокурорских писателей в оптовых дозах каждому. Большой ревнитель абсолютной правды прямо в парилке и под вениками сухо велел прокурорским чинам изъять себя полностью из славной летописи торжественного салюта во втором батальоне полка, что уже висела с его портретом на гвозде штаба. Понятно, что для Бронькина тогда уже лучшую гадость придумать было невозможно. Бунт его разума о справедливости столкнулся с лавой бурлящих угроз прокурорских чинов, а жажда надежд окаменела и застыла на пороге чинов, но уже практически судебных.

Вот так-то и влип в историю дивизии одинокий и добродетельный человек А.П. Бронькин! Хотя *«...пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек; потому что обратили в рабскую лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нём, по-*

нужая и кнутом и всем, чем попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нём и тени добродетели, и остались только рёбра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека». Не посылают ему справедливость небесную, награду за терпенье иль за геройское седлание умом его стихии масс воинских... Хотя честно скажем, что добродетель его всегда целилась в одну лишь сторону и сторона эта небесспорным достоинством сияла.

А в обозреваемую нами ту долгую ночь добродетельный Афанасий показал импозантному клиенту учреждения «Мудрецов» Павлу Ивановичу свой подвиг, конечно, с другими метафорами, красками и запахами, да и времени у него эта боль душевная заняла гигантское множество. Однако Павел Иванович на редкость терпеливо выслушал его сагу, а в конце только что и сделал, внимательно разжёвывая сухарь, так всплеснул руками.

– Неуж-то в сыром чулане двенадцать годов как одна копейка?!

– Пряма-таки так! Да вот им хрен! Поставили мы другую пьесу вместе с сотоварищами, – не в меру остро отозвался Бронькин. – Тут, поняв переполох и раскол у прокурорских с судебскими и с генштабом, в дело врезался наш не-

потопляемый замполит Аверкий Семёнович, гвардии подполковник. Он стороной выказал тому маршалу, что стоит над головой Хреновухина, что квартальная сводка по дисциплине и порядку из-за победного моего салюта во всей танковой армии ниже их колен колеблется, – ещё больше завёлся Бронькин. – Замполит у нас такой был горячий и требовательный, что не то что генералу или прокуратуре, а чёрту мозги легко вправит, да так, что чёрт сам по электричкам побежит бегать и милостыню собирать, если ему Семёныч прикажет. Хоть самому Семёнычу на его личные именины, а хоть даже и на борьбу с нечистой силой чёрт ему собирать будет ассигнации как миленький!

При неоднократном упоминании чёрта здесь клиент саркастически и длинно нахмурился, непривычно ослабил, затем равнодушным взором окинул висящие по углам портреты современных бородатых и лысых классиков, но жевать прекратил. Стало слышно даже тайное дыхание Зухры за ближайшей портьерой. Но капитана её дыхание не остановило.

– Замполит-то наш и запустил следствие точно по понятиям и директрисе болотных огней, – продолжил Бронькин. – Семёныч, слава богу, и сейчас среди нас. Он отец Феофан (в миру Аверкий Гармошкин), окормляет нас и открывает, правда, в тестовом режиме в приходской церкви Николы на Недотычках, что пока

ещё торжественно не для всех открыта. Хотел он было на ипотечный кредит совсем новый храм строить, да от условий и процентов банка уже и сам потерял веру. Ограничился он пока что возведением минимаркета сувениров, домашней кухни спешного питания и личных покоев сверху, где и живёт с молодой матушкой и верой в квартиру от нашей обороны.

– Так комиссар и теперь при власти? – заинтересованно прервал его клиент.

– Так, да не так, – тяжело вздохнул Афанасий Петрович. – С ним тут такая история завязалась. Гармошкина сильно заинтересовала вдруг полнота всей нашей подлунной жизни как таковой, то есть вместе со всеми её прелестями и безобразиями. Будучи только что как назначенным к нам настоятелем, теперь, как болтают за углом, в служении запрещён и направлен указом их командира за штат временно. Вроде как за самоволку с выездом на выставку ЭКСПО в Шанхай на дегустацию наших щей и кваса с боевой стрельбой. Здесь пока ни гу-гу про это, но его электорат и МИД в курсе.

– Что ж до меня касательно, – продолжил Бронькин, – то пришлось мне тогда скоропостижно подать в отставку. Хотел было эмигрировать в Германию или какую другую экзотическую страну, где со специалистами моего уровня туго, но пока что думаю. Сижу в детективном отделе и ещё в одном месте. Конечно, красота

классики – страшная сила! Но там мне для личного обогащения уже мало чего осталось. Набираюсь, так сказать, иных полезных сведений с мечтой о построении своего бизнеса во всём городе сразу.

– Вы, я вижу, тоже на пороге неких мыслей, а то и свершений, – решил наконец-то взять клиента за рога Бронькин. – Быть может, вам недостаёт соратника, в совершенстве владеющего местным колоритом и знаниями о бизнесе господина Чичикова, или толкового топ-менеджера на условиях выплаты активно прогрессирующих бонусов по факту талантливо выполненных работ? Такого человека я бы мог вам подогнать, что, конечно, тоже не вполне бескорыстно, но доступно... – Бронькин вытащил из сумки несколько чуть смятых листов и протянул их посетителю. – Здесь публичное слово в поддержку господина Чичикова и его соратников, вязь размышлений вашего покорного слуги. Ткань кружевная, ибо носит коммерческий нрав и состоит в ожидании вознаграждения центральным печатным органом непримиримой оппозиции города... Здесь же мои неподкупные суждения о городе. Сегодня материал уже опубликован, правда, самой газеты у меня пока нет. Вы могли бы насладиться его прочтением, пока я произведу предрассветные указания персоналу, – сказал он отрывисто и катего-

рично, будто с силой всучивая клиенту бумагу и время для обдумывания.

Любопытно, что в Павле Ивановиче сейчас распахнулась «...не только любознательность, но и основательность...» С решительностью, присущей лишь наиболее опытным военнослужащим по контракту, он устремил взор в машинописный текст под шапкой «Руки прочь от П.И. Чичикова и его боевых соратников» и припиской, что текст к чтению абитуриентами и школьниками не предназначен...

Спустя некоторое время, то есть к минуте возвращения Афанасия Петровича, клиент уже, видимо, постиг, что стропальщик завода малолитражных молоковозов Афон Броненосцев и Бронькин – одно лицо, а красавица Зухра успела даже пошептаться с ним, будто бы как о правильной температуре кипячения чая...

– Ну что ж, недурственные у вас блинцы и креативность мыслей вытанцовываются. Кучеряво написано. Не всё понятно настрогали, но правильно, – процедил ему гость.

Бронькин не успел даже обрадоваться этим словам, как посетитель ещё больше наддал жару – и не в бровь, а в глаз.

– Почему же наш писец для красоты слога и борьбы с вашей затхлостью не плеснул сюда гроздь былых экономических побед господина Чичикова?

Теперь Афанасий Петрович обрадовался во всю ширину: – Картина тут ясная, Палваныч. Не тот читатель сегодня пошёл, не тот! Но вы здесь точно в десятку чихнули! Кучеряво многие пишут. Вряд ли стоит сомневаться, что Гоголь гениален. Да и я, судя по отзывам оппозиционных аналитиков, не лыком шит. Впрочем, речь сейчас не о нас. Моему перу принадлежит творенье моих непокладаемых рук, пока остановленное мною от публичного провозглашения: «Опыт П.И.Чичикова – критерий истины в развитии макроэкономики района, освоения его недр, земель сельскохозяйственного и иного назначения, а также воздушного пространства и экспорта вплоть до 0000 года». Это основа пока ещё не провозглашённой мною предвыборной платформы...

Пик процветания макроэкономики города NN и всего остального района здесь был заявлен такой, что Павел Иванович непроизвольно зажмурился и впервые оторопело замолчал.

Таких цифирь и широты размаха он не встречал даже у Нострадамуса и в календаре майя...

ГЛАВА X ПОСЛЕ ПЕРВЫХ ПЕТУХОВ

Под натиском городской серости, понемногу пробирающейся в торговый зал сквозь огромные окна учреждения, бездушные светильники блекли и растворялись в предрассветном мареве. В отдельных окнах по-прежнему буднично и тускло моргали огни, а где-то, как в хрущёвке, что напротив, огни уже не моргали. Двум буквам рекламного щита учреждения, видимо, уже наскучило ковать славу Петру Октябрьновичу Мудрецову. Они прекратили корчить из себя бесправный светофор и в трубках дрожащего голубого неона принялись выдавать себя за надменные полицейские мигалки. Остальные литеры пока ещё свою лямку тянули исправно. Они заискивающе подмигивали городу, площади, развидняющемуся над ней небу и разновеликим, но аккуратным лужам на свежеуложенном работающими гастарбайтерами затейливо-волнистом асфальте: *цeрдyM*, *цeрдyM* – красным, жёлтым, зелёным... Тронутая поздней осенью и ранними заморозками листва кое-где плоско и обречённо, но всё ещё держалась на чахлах прутьях кустар-

ника. Седые от пыли и слякоти листья тучных и равнодушных ко всему фикусов на холодрыгу внешне пока ещё не реагировали и над ядовито-изумрудными кубами вместилиц висели вполне непоколебимо. Впрочем, изумруд на их боках давно уже переродился в более привычный глазу цвет армейского камуфляжа группы «Джунгли». Фигусные кубы даже выстроились по-военному: слегка неровным пунктиром, напоминающим очередь новобранцев на военно-врачебную комиссию. Пунктиром длинным, но малообразованным и порядочно напуганным скорым и неизбежным погружением во все ужасы неуставщины от матёрых казарменных авторитетов. Тем не менее казалось, что всем этим фикусным призывникам, как и их обидчикам, было глубоко наплевать: придётся ли им коротать время с лопатами в забытом генералами стройбате или же после ВВК наступит их звёздный час и станут они танкистами, лётчиками или водолазами.

Разгорающийся рассвет, вытесняющий темень и серость, теперь уже ползуче завоёвывал и внутренние объёмы торгового зала учреждения. А когда Эшонкул принялся за смежные обязанности, картина дерзко изменилась. Надо заметить, что акт отключения светильников всегда исполнял Афанасий Петрович. Но сегодня на этом верблюде славы возвышался болигард Эшонкул. Не обременяя себя вниманием к

устрашающим надписям на щитках и костям в крест под портретами недружелюбных черепов, он с безудержной удалью душил рубильники и давил кнопки, не выпуская при этом из поля своего зрения ни входную в учреждение дверь, ни кассиршу, ни сам кассовый аппарат.

Безобразно-лохматые, косые, хвостатые и рябые тени жадно бросались на полки с избранными сочинениями местных кудесников пера последних лет, пока ещё не признанных легкомысленными земляками районных классиков современности, нападали на стены учреждения, на пол и даже на одежды трудящихся. Трудящийся персонал учреждения казался таким же косым, лохматым и непрочным, как и всё его окружающее. Сейчас так выглядели размашисто рекламируемые в краевой газете «Правда в последней инстанции» и районной – «Чистой правде» и повсеместно предлагаемые всякому прохожему в киосках «Край печати», наряду с контрацептивами и чипсами, новинки даже краевых литературных мэтров с жирно пропечатанными на обложках их фамилиями и титулами. Все эти творенья проповедников краевого реализма и нестигаемых борцов с врагами регионального патриотизма размашисто писаны были пожизненными лауреатами и дипломантами всевозможных премий имени самого губернатора, но из-за пляски теней и они сейчас казались конопатыми и

недоделанными. Недоделанными и кривыми, хоть и занимали они здесь полку ничуть не более двух аршин с четвертью, выглядели даже произведения самого Степана Ильича Пробки – губернатора Краснотупиковского края, поэта, прозаика, драматурга и бессменного лауреата премий имени С.И. Пробки.

И, конечно, во всей этой неприглядной картине виноват был лишь истреблявший по принуждению электрическое освещение Эшонкул. Да он и сам это видел, но так получалось.

Одуревшие от ранее откушанной водки, друг от друга, игры в Чапаева, в поддавки и от надзора за бездушным банкоматом, его крепко выпившие обереги – раскрасневшиеся красавцы в устаревшей милицейской форме – дружно подтянулись к кассе и принялись возбуждённо фамильярничать и клеиться к кассирше Зульфий. На их потных физиономиях застыла и легко читалась омерзительно-материализованная мысль в отношении этой непорочной девушки. Но та, не будь душой, сунула им в нос подарок от Селифаноффа в виде флакона московских духов с его автографом на этикетке и что-то ехидно им пообещала...

Красавцы тут же от неё отклеились и принялись обмозговывать, чем бы ещё заняться, ибо перспектива встречи с Гаврилой их никогда не радовала даже на трезвую голову. В городе NN из поколения в поколение передавались под-

линные истории о том, что зачинателя рода Селифаноффов даже сам помещик Манилов называл на «вы». Что этот зачинатель своей бричкой легко и безнаказанно сносил с автострады коляску с шестериком коней, принадлежавшую даже губернаторской семье, и выходил из воды совершенно сухим. Уже только за это Селифаноффа в городе продолжали бояться. И похоже, что сейчас в подуставшие головы красавцев-оберегов после упоминания девушкой известной фамилии больше так ничего порядочного и не поступило, а потому они уселись прямо на пол, уставились на банкомат и принялись чесать свои котелки с таким остервенением, будто бы все блохи учреждения обрушились на них одновременно.

Петухи пели недолго, но вразнобой, вроде как переключаясь и о чём-то возражая друг другу. Разрозненный собачий лай за окном, напротив, построинел и теперь уже вызывал мысли, связанные лишь только с силой песнопения хора районного ДК непорочных работников прилавка. Затем и этот хор отчего-то, может, усталости, придушил ноты, зато в сторону полигона твёрдых бытовых отходов центрального подчинения дружно потянулись стаи ворон и галок, оживлённо перекидывающихся на лету последними новостями и сплетнями.

Тягучий рассвет неизменно будоражил воображение Афанасия Петровича мечтами о

том, что бы ему ещё вырвать от угасающей ночи и учреждения. В такие минуты он по обыкновению набивал ранец сухарями или скрепками, туалетной бумагой или салфетками, карандашами, а то и электрическими лампочками, если у него на то загоралась нужда по месту временной прописки. После того он любил выходить на зелёный пластиковый ковёр перед парадным входом, приятно ёжась от отступающей ночной свежести, ловить невидимые прикосновения к лицу проникающего сквозь облака солнечного тепла и глубоко вдыхать постепенно тающую прохладу. Затем он, как правило, начинал подстергать созерцаниями дефиле олигархов, что, выпендриваясь друг перед другом расписными спорткостюмами от национальных сборных по несказанным видам соперничеств под видом физкультурной разминки, и, правда, брели в ту сторону, где находился стадион. Но плелись они, конечно, на самом деле в закусную, чтоб принять на грудь утреннюю кружку свежего пива. Из «Бешеных ершей», что у них считалось бизнес-клубом, олигархи обычно вылезали далеко за полночь. Ершей здесь острословы называли «Голубой луной» или «Зелёным змием», и к тому времени они уже состояли в закрытии. Но даже и не поэтому олигархи поутрянке к ершам никак не стремились. Просто впереди у каждого из них стоял рабочий день.

Затем на твердь исторической части райцентра обычно выплывали жены бизнесобщества или не состоящие в родстве его приживалки: всевозможные клуши и марфуши, что начинали выпендриваться своими утренними нарядами ещё больше, чем их спонсоры и благодетели. Они нещадно таскали за собой по дорожкам и клумбам разнокалиберных кобелей и сучек неведомых пород с топорщащимися от бантиков, шляпок и другой ерунды ушами, хвостами, лапами и другими частями тел. Те так смахивали на своих владельниц, что Бронькин всякий раз даже отгадывал, кто в этот раз выйдет из подъезда, а кто выползет из-за угла чебуречной. Кто будет заливаться хохотом во время орошения его питомцем плиты и какой именно из плит «Аллеи звёзд города NN».

Сегодня Афанасий Петрович на крыльцо не выходил, от прохлады не ёжился, лучи солнца и тепла щёками не ловил, воздух не втягивал, на писающих собачек не засматривался, а о здешнем бомонде даже не вспоминал. Его мысли были направлены только в полезную для его планов сторону. Именно поэтому взгляд Бронькина упал точно на Павла Ивановича, а уже затем и на стену учреждения, что и вызвало у него немалую оторопь. Его глаза застыли так, будто бы они на что-то натолкнулись, хотя наталкиваться там, в частности на стенке, было совершенно не на что. Перекидной настенный

календарь с губернатором, продвигающим из семейного круга какой-то чудотворный заморский чай. Часы с тремя циферблатами и стрелками по Санкт-Петербургу, Душанбе и Лондону. Витражи, что переплелись причудливыми призраками, а кое-где даже совместились с привычными для глаз утренними отблесками, тенями и размытыми силуэтами, начиная от очертания тени самого Бронькина и заканчивая хмурыми очертаниями стеллажей... Природа его смутного беспокойства проявилась чуть позднее, когда Бронькин осознал её настоящую причину. Не было ни малейшего сомнения в том, что на стене не было ни малейших признаков тени покупателя его товаров и услуг Павла Ивановича?! Быть может, да и наверняка, кто-то слово «ерунда» употребит здесь и по новому кругу. Можно было бы и так, но Афанасий Петрович сейчас воздержался. Вначале он украдкой перекрестился, потом подумал ещё и решил, что не лишним будет сегодня навестить отца Феофана, то есть Аверкия Семёновича, и он исподволь скрестил два пальца под полкой пиджака.

Конечно, для Бронькина узреть чёрта без маски и в рабочее время было удачей неслыханной, но с чем тот мог к нему сегодня пожаловать? А потом, чёрт он не чёрт или даже чёрт его знает кто? Если он просто нездешний стилига-негоциант, удачно толкнувший свою душу

чёрту – при деньгах, значит! – в очередной раз подумал Бронькин. – По-любому моим оглушающим разум идеям в городе даже и без чёрта пределов нет. И каким бы уставшим ни был Афанасий Петрович сейчас, он принялся зорко всматриваться именно в то место, где могла бы присутствовать тень от его странного клиента. Всматриваться, чтоб-таки понять, в чём он наименее опасен, а в чём наиболее полезен по тому делу, что, без всякого сомнения, замыслил в практически родном Бронькину городе NN. Хотелось ему понять только это. А то, что после первых петухов даже чёрт не так опасен, как себе воображает, Афанасий Петрович твёрдо помнил всегда, почему и комплектовал свою командирскую сумку уже после их утреннего песнопения. – Ну что ж, другой раз и чёрт плачет, а два чёрта в одном болоте не живут, – удачно вспомнил Бронькин чью-то мудрость, ещё раз перекрестился и мысленно плюнул через левое плечо... Глянул на Эшонкула. Тот показался похожим на писателя Гоголя, только с кобурой и в другой причёске. Глянул на милиционеров – те усиленно чесались и скрытно пялились на лодыжки Зульфийи. Глянул на Зульфию: та умело и радостно красила и без того уже сияющую краской и красотой мордашку. Глянул на клиента. Тот не чесался и никуда не смотрел, однако глядел себе рукою голову так, будто бы пытаясь схоронить в отступающей от пролысины рас-

тельности короткие рога или ещё какую-то секретную необычность. В конце концов, Афанасий Петрович решил ещё раз подвергнуть рассмотрению себя, чтобы вернее вступить в предстоящее ему дело. Теперь Бронькин с удивлением обнаружил, что и его тени на этой проклятой стенке с губернаторской роднёй не присутствует?! *«Чёрт знает что, какая дрянь!»* – произнёс он, плюнувши...» Тьфу, на всех ещё раз! – сказал уже мысленно и подошёл к посетителю...

– Талантливые люди мне нужны, хоть я и не привык подбирать их на улице, – с неожиданным дружелюбием взглянул на Бронькина клиент и тем вернул его к продолжению разговора. – Ясно теперь, где вы этих историй про Го голя набрались, – здесь он высморкался так, что его нос снова зазвучал трубой, и в который уже раз вновь воткнулся в табакерку. – Признаться прямо, думаю сейчас, что предо мною, скорее всего, человек умный...

Обнажённая оценка от клиента, как и другие, прозвучавшие сейчас слова, Бронькина вдохновили, хотя и показалось ему, что на этот раз из табакерки потянуло палёной шерстью. Тени клиента, как и его собственной тени, на стене по-прежнему не существовало, но и рас свет по полумраку уже колотил наотмашь. Бронькин произвольно провёл рукой по голове, где, правда, ничего предосудительного у себя пока что не выявил. Скопил очки в сталь-

ной оправе вниз, но ни у себя, ни у собеседника даже копыт не обнаружил. Полицейские служители в милицейской форме чего-то вдруг одновременно прекратили чесаться и уставились мутными глазами в одну точку, но уже не в Зульфию, что было бы для крепко выпивших мужчин целесообразным, а точно в ту же стенку учреждения, где недоставало внятности. И так сильно они уставились туда, будто бы детвора нацарапала там самые обидные слова об их начальнике или того хуже – о них самих. И надо заметить, что на этот раз часовые банкомата поступили очень нетипично и даже необыкновенно умно для допившихся до чертей приятелей. Весьма предусмотрительно поступили они и в отношении изумительной кассирши Зули, ибо Бронькину показалось, что сейчас и на стенке, и на всех стёклах кассы одновременно слабо отражается сильная тень господина Селифановфа, хотя самого Гаврилы в зале вроде бы, как нигде в эту секунду, и не стояло.

– Я существую делами, но в силу врождённой скромности перед крутыми виражами иной раз внутренне колеблюсь, – наконец привычно плавно заговорил Павел Иванович... – Обнаружилось мною, что с вами в концессию вступать можно. Видится, вы опытный малый, и помыслы наши на короткой дистанции могут быть взаимовыгодны, – пространно повёл он речь дальше, как бы обнимая своими

рассуждениями не только город NN, но и прилегающую к нему страну в целом, поскольку, как показалось Бронькину, он толком пока ещё ничего и не сообщил. Клиент снова замолк, а потом вымолвил такое, что Афанасий Петрович даже взмок для приличия, будто от неожиданности, хотя давно уже понял, чего ожидать в этом неожиданном, но по ощущениям полезном ему посетителе.

– Открываюсь сразу, – резко возобновил речь оратор, продолжая для вида в чём-то как бы сомневаться, – я прямой наследник Чичикова I. То есть дальний правнук известного даже вам Павла Ивановича Чичикова – Первопроходца...

?..

– Да, это именно так... Теперь о деле, и обратного пути уже нет. Понятно?

– Понятно, – жадно сглотнул Бронькин и почесал затылок.

– Батенька мой Иван Павлович – сейчас уже старик бездельный и доживает своё время в глухой деревне под Марселем, – как ни в чём не бывало спокойно продолжил речь Чичиков. – За ним, кроме недвижимости и прочих благ изменчивого мира, нетленных триста га косограда с виноградом, винзаводом и другой всячиной, а кроме меня, наследников ни-ко-го, – сделал он многозначительную паузу. – Именьем по дряхлости он управлять уже не способен,

но и мне его пока не передаёт. И такой странный приводит резон: – Я, говорит, тебя в крупном деле ещё не испытал. Может быть, ты даже и совсем реальный мот в натуре? Докажи мне, что ты надёжный человек. Купить людей сейчас – дело плёвое. А ты прибери-ка себе землицы в собственность фантазиями подвигов великого Чичикова Первопроходца, дай мне осознать твою силу и получишь наследство... Да и мне не хочется связываться с этими Луврами и Монпарнасами... А потому бери земель нашего отечества сразу этак десятин двести, к примеру, чтоб было потом, где бы и мой прах мемориально увековечить.

Горько всё это мне говорить, – внимательно обследовал Чичиков взглядом Бронькина. – Тем более что за плечами у меня немало и таких дней, когда градоначальники и президенты корпораций плакали, как дети малые, и шнурки на моих ботинках вязали бантиками...

– Видно, батенька ваш уж чуток совсем, несколько того?.. – деликатно и до чрезвычайного невероятия съёжился от его речей Афанасий Петрович, продолжая просчитывать, как бы чего не упустить. Он внимательно всматривался в Чичикова-младшего, но глаза наталкивались лишь на *«благоприличие изумительное»*. Не верилось, что перед таким приятным мужем лились слёзы, хотя шнурки с его ботинок и, правда, свисали.

– Не без того, чтобы и «того»! Но не ума это твоего, – тут Чичиков врезал даже стихом. – Есть ещё у папашки в эквиваленте и фамильные ценности, а с ними, так сказать, мой сыновний долг перед зачинателем сохранять их и в веках, и в потомствах... Представь же... приятель, положеньице. – Тут П.И. Чичиков-младший, понизивши голос, стал объяснять как бы по секрету: – У Ивана Павловича референткой разгуливает Люлька, а у неё детки разные... Того и гляди всё пойдёт прахом и перейдёт им. Была когда-то Люлька, теперь секретарь-референт мадам, Эвелина, я блиц извиняюсь, Спиридоновна... Лучше б она, конечно, коров доила, как в молодости, или занималась чем публичным, что ею тоже разнообразно проштудировано, но... Меня пятилетку как барку среди свирепых волн мотало по Сыктывкарам да Мордовии. И упустил я мадамшу... упустил, так сказать, по вине нашего правительства. Даже загранпаспорт торжественно получал потом, не без греха тоже. После командировки – к батяне в эту глушь марсельскую добираюсь и гляжу конкретно! Люлька всплывает точно ведьма и всё у неё уже схвачено. Чёрная кошка там у них породистая есть, на Меджи отзывается, так даже она при встрече с ведьмою, чтоб уйти от неприятностей, всегда трижды плюёт себе через левое плечо и дорогу ей уступает неизменно...

Теперь и у Бронькина зачесалась голова ото лба и до макушки, ибо из-за возвышающейся над стеллажами пальмы высунулась, а потом и промяукала чёрная морда кошки. Затем показала вся остальная кошка заведения, снова мяукнула, сиганула на свежeweымытый пол, приблизилась к Чичикову, будто бы подтверждая им сказанное. Затем она обозначила хвост трубой и неспешно побрела в сторону кассы за первым завтраком.

– Такие вот... брат, дела наши, – зло завершил Чичиков. – Гениев, конечно, мало не бывает, но не каждому яблоку дано падать к чужим ногам, – под конец ясно глянул он на Бронькина, но тот про яблоки в этот раз ничего не разгадал. – Нам надлежит «...привести в исполнение мысль» зачинателя моего Ивана Павловича. Зарплата будет. Потребуется танк – будет и он. Был бы результат. Сейчас я на вольных хлебах временно, но талантливых людей подбираю, будете теперь увлекаться моим контрактом, – завершил он и порядочно отхлебнул остывшего чая. – Хватит вам в детской песочнице забавляться. Время, вперёд!

Земельный вопрос Бронькин разгадал, а потому услужливо вытянулся и пронзительный взгляд Чичикова выдержал. Каких начальников он видал, каких перевидал, каких терпел и перетерпел!.. Теперь командиром его станет творец полёта и мысли, да ещё и с фамилией

Чичиков и «...с его обворожительными качествами и приёмами, знавший в самом деле верную тайну нравиться»... Бронькину уже давно вместо Елизаветы каждую ночь снились только выборы мэра, снилось, как «...сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику». И фамилия у градоначальника была Бронькин, и звали его Афанасий Петрович. Нет, глубокоуважаемый Афанасий Петрович!.. Нет, отец наш и благодетель достопочтенный господин Бронькин!..

– Да пускай меня теперь наш шеф Петрушка Мудрецов не наградит самой почётной грамотой заведения, если я вру, – запальчиво очнулся Бронькин. – Невооружённым взглядом вижу, что скромность ваша, Павел Иванович, непревзойдённа! Я и сам-таки обладаю этими качествами, а потому родство наших душ обнаружил немедленно! Честью сочту работу с вами в контракте, в «ВКонтакте» и в «Фейсбуке», хоть машинки такой пока что и не имею!

Чичиков удовлетворённо склонил голову влево, а Бронькин мягко добавил: – Однако ж хотелось бы думать, Павел Иванович, что прежде чем уйти на хлеба, вам удалось-таки запасть хоть бы сухарями?..

«Да, подумал Чичиков, – у этого губа не дура».

– Вы, я вижу, и правда, Стрелец? – наконец спросил Чичиков.

– Стрелец я, и я неплохо владею всеми ви...

– Это недурно, – хмуро оборвал его Чичиков. – А то я с Козерогами, а в особенности с Водолеями принципиально не работаю, но вас, любезный, знаю больше, чем вы думаете. Так зарубите себе на носу: *«Если уже выбрана цель, уж нужно идти напролом»*. И если я открылся, то для вас теперь обратная дорога завалена, – сообщил он с нескрываемой угрозой в голосе, нехорошо улыбнулся и подытожил: – Я уже отвык от нефилтрованного базара и в молоко не стреляю. Для меня если козыри те же, то и дураки те же. В итоге только полный ажур! Я не выдумал вам про танки. Здесь может быть и последняя модель «Калины», и путёвка на двоих в тот же, например, Кисловодский нефтегазовый санаторий. Сухари есть. Земля мне! Земля! По либеральным ценам равным исключениям из правил!..

Афанасию Петровичу сделалось несколько не по себе. Показалось, что Чичиков некоторые слова произнёс, будучи уже абсолютно не в себе, а в совершенно другом человеке. Правда, затем Чичиков снова в себя вернулся и стал таким же спокойным, вежливым, элегантным и внимательным господином, каким представлялся ему ранее...

ГЛАВА XI

КАЛАНЧА ПОРУЧИКА РЖЕВСКОГО

Накопившаяся в годы вынужденного бездействия энергия потребовала от Бронькина немедленного выхода, и он заговорил так, что остановить его уже было никак невозможно: – Ну тогда, Павел Иванович, как говорится, как говорится, Наполеона вспомним, – неожиданно смело встрепенулся Бронькин, пренебрегая холодящими душу угрозами Чичикова. – Наполеон всегда жил грядущим, чтоб не отвлекаться на кусачих блох в дне нынешнем. Светом душа моя возгорелась после слов ваших, господин Чичиков. Аки ангелы, ухватив ваше фио на слух, над «Хайкомбанком» братьев Хайгуллиных в небе пропели, хотя дело мыслится здесь такое, что и сам бес лишним не будет. Озвучу вам главные мысли, от души исходящие, а там и другие идеи приложатся.

– Давайте, давайте, – покровительственно кивнул полночный книголюб.

– Так вот! Если бы к вашему взгляду, господин Чичиков, и повадкам замечательным прибавить ещё и власти исполнительной, – тут Бронькин закрыл глаза и сделал такую физио-

номию, будто бы у него перед носом появился вяленый лещ, а в рот уже устремилось жигулёвское пиво. – Это я вам для преамбулы так заметил, – продолжил он теперь уже с открытыми глазами. – По Гоголю точно знаю, что хождение во власть Чичикову I всегда было по большому барабану, и не удивлюсь, если такие же привычки и вы в себе содержите. В общем, в ответ на ваше благородное доверие поделиться последней рубашкою я могу. Выстраданным мною планом могу интегрироваться с вами! – вытянулся в струну и без того стройный Афанасий Петрович. И он замер в том положении, в каком рапортуют искушённые в рисовании на штабных картах стрел атак и ресниц оборонительных окопов лейтенанты презираемым ими генералам за их неумение так красиво изображать побеждающие всех врагов красные стрелочки и реснички с синевою.

– Доносите, мой друг, доносите. Слушая вас безо всякой тени недоверия, – не вставая, распрямил плечи Чичиков и «...с обворожительной приятностью подшаркнул...» под столом ногой, в то время как Бронькин взял продолжительную театральную паузу, заполняя её мелким, но убедительным покашливанием.

– Да, уж точно сказано, что «безо всякой тени», хотя, правда, и без копыт тоже, – поду-

мал Бронькин, но коротко заявил: – Мы могли бы нырнуть в пучину планов вместе, Павел Иванович, причём крепко взявшись за руки, а вынырнуть из неё с обоюдными успехами. Директриса стрельбы у меня имеется...

– Так, так, продолжайте, коллега, продолжайте, но без всяких пучин и мокрухи.

– Да, здесь можно и без воды. Во-первых, ваш сыновний долг, что мне святым кажется! – снова зажмурился точно в предвкушении чего-то приятного Бронькин.

– С тем, что первый вопрос именно мой, решительно согласен, коллега, – внешне без восторга и всякого доверия криво кивнул Чичиков, и Бронькину показалось, что к святости Чичикова не предрасположен.

– Позвольте же для постижения всеобщей диспозиции заговорить с вами практически братским и непостижимо мягким образом... – уже твёрдо заявил Бронькин. – Мысль моя на том скроена, что всякому специалисту, посещающему наш город по выдающимся коммерческим проектам, случается истекать из него в ещё более глухие волчьи углы даже в сравнении с нашей районной столицей. И отходить – в сумасшедшей торопливости и в не афишируемом даже для полиции направлении. Внимание, мой вопрос! Зачем вы чаеете заняться делом здесь, а не в каком-то там таком элитном ауле торфяного Подмосковья, например, где

всё постановляется в один присест? и не в тени херсонских платанов, где ещё никем недомеренные уголья устремляются за недостижимые горизонты?..

– А вы, Бронькин, я вижу, отпетый дебатёр... *«Право, у вас душа человеческая, всё равно, что пареная репа»*. То, что в вашем NN все места гений пока что вакантны и мне по нраву, – нахмурился принуждённой откровенности Чичиков. – И хотя я чужим ушам не потакаю, скажу только вам, что есть тут в ваших сумерках и серости и у меня дела, созвучные эпохе. Сегодня о них говорить рано, а послезавтра поздно. Если доверия к вам не испытаю, то и завтра говорить ни к чему будет, а может, и к чему, – пригвоздил он тугоплавкими буквами сверху и резко замолчал.

– Что ж, думайте до завтра... Так вот предупредю вас сразу, – перешёл на шёпот Афанасий Петрович, – звону у нас однозначно будет немало. Учтите, что в нашем любимом городе *«мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы»*. Но я откликаюсь откровенностью на ваше завтрашнее чистосердечие уже сегодня, хотя мог бы покамест и помолчать. А теперь сообщаю вам, что на задворках нашего гиганта книжных мыслей и эксклюзивного производителя подакцизных изделий в виде пьянящих жидкостей и супспензий возвышается пожарная каланча XIX века. И

по слухам, она создана во исполнение указа Александра I от 1804 года о создании пожарных команд.

– А что мне из той каланчи, если нужна земля, – скривил брезгливым полумесяцем губы Чичиков и отхлебнул чаю.

– Ха! Так это ж моя каланча! Только не завидуйте мне, господин Чичиков, я вас умоляю! И если вы уже решили мне довериться, то уберите с лица свою более чем скептическую улыбку. И дослушайте меня! – с весёлым негодованием будто бы обиженно поджал губы Бронькин, затем отпустил их и продолжил уже без показного раздражения: – Каланча приобретена мною в собственность по известной лишь мне одному баснословной цене. Одновременно оторвал я себе документы и на всю пожарную часть, где по сей день числятся даже водовозка и кони, хотя этих коней и съели наши благодарные граждане ещё в честь 10-летия Великого Октября. Бумаги на пожарку, кстати, оторваны мною из архива ровно за такую же точно, как и каланча, порядочную на вид покупную кизлярскую бутылку сами знаете чего, с кучей дагестанских неподдельных звёзд и градусов...

Так вот, теперь ловите слово! Пожарная часть стояла на месте этого, – он обвёл глазами торговый зал и закончил по слогам, – по-меще-ни-я... То есть пожарной, как видите, части здесь уже не стоит. Водовозки тоже нет! Кони с

удовольствием скушаны революцией, но ничего не списано. А в хитро приобретённых мною подлинных архивных документах, подписанных царскими министрами, она, пожарная часть, или депо, совершенно здесь располагается даже сейчас, – снова зажмурился подобно коту перед сметаной Бронькин. – Оптово-розничное учреждение господина Мудрецова, как видите, здесь и-ме-ет-ся... А по бумагам оно не существует!? Почему? А потому как главный архитектор города господин Мамагонов отчаянно увлёкся нашей продукцией, предназначенной для народа и щедрых приёмов в администрации нашего города. Архитектор вот уж который месяц как не может собраться и передислоцировать свои градостроительные мысли со склада нашего ликероводочного производства, где я исполняю роль переднего плана, на чертежи и проекты, а затем в БТИ и в регистрационную палату города. Мудрецов, как видите, творил быстрее, чем думал. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Нет, – ответил и на этот раз не соврал Чичиков.

– А мультка в том, господин Чичиков, что теперь самым чудесным образом и в запланированную мною минуту это помещение – Бронькин обвёл взглядом торговый зал – через моё владение верными бумагами способно возродиться, извините за правду, моим собственным

в составе комплекса «Историческая каланча поручика Ржевского». Всецело моим подворьем. Ведь здание оптово-розничного учреждения господина Мудрецова в моих верных бумагах числится всего лишь обветшалым до безобразия пристанищем огнеборцев с фантастическим процентом износа, небывалой по никчемности остаточной стоимостью, но и в то же время – неотторжимой частью единого архитектурного ансамбля начала XIX века нашей эры!.. – наконец победоносно завершил речь Бронькин.

– *«Экой чёрт!» – думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: «Загребастая какая лапа!»*

– Вы хотите мне сказать, милейший, что это забавное трёхэтажное зданьице с кассой, банкоматом, мебелью и человечками этими в нашем деле способно возродиться, извините, всецело помещением нашим? И что нам оно практически ничего больше стоить не будет? – Чичиков мечтательно и откровенно окинул взором торговый зал и остановил глаз на броско вырядившейся Зухре. Именно в эту минуту девушка на каблуках запредельной высоты и с подносом в руках устремлённо близилась к их столику. Здесь Чичиков позволил себе даже мелкую, но простительную для любого мужчины средних лет слабость, ибо вцепился бесстыдным взглядом в её фигурку, ножки особенно и легкомысленные завитки волос, что

нежно укрывали притаившиеся под её блузкой приятные формы.

– Да, именно забавное четырёхэтажное зданьице... И возродиться оно может полностью именно моим холдингом, – буднично кивнул Бронькин в сторону приятных форм и сухарей, выглядывающих из-под колыхающегося на груди девушки бейджика. – За этой каланчей, господин Чичиков, таится мой каторжный труд на галерах косной современности и небезвредная для здоровья битва на арене отрицания трезвости. Кроме того, до ратификации в моё достояние безродная каланча устойчиво наводнялась возобновляемыми похабными надписями, что неустанно, но недолговечно нивелировалось привлечённым мною к её побелке персоналом в виде ветерана горторга пенсионерки бабы Оли...

Так продолжалось до тех пор, пока я не распространил по городу свои обильные знания. Пока не сфабриковал серьёзно обоснованную историю о том, что на каланчу всходила для сердечных встреч и любовных утех правнучатая троюродная племянница фаворитки Людовика XIV графини и фрейлины Луизы де Лавальер. Племянница Жужу всходила. Причём всходила она туда синхронно с поручиком Мариупольского полка его императорского величества господином Ржевским вместе. Но если с поручиком Ржевским вам всё и так по-

нятно, он мог с какой попало бабой встречаться и не в таких местах, то о графине послушайте. Один из томов романа С.-Ф. Жанлис «Графиня Лавальер», отыскавшийся в чемодане Чичикова в период оформления списков закупленных им душ, читал даже он, то есть ваш предок Чичиков I. А в библиотеке полковника запаса Кошкарёва Павел Иванович I однажды даже сокрушался, что творенье о графине этой постиг не до конца. Так что можете смело причислять свой род к фанатам французского двора и бизнеса, требовать от них крупных инвестиций и даже стать почётным гражданином нашего города или хотя бы того же Парижа. Сведения эти могут быть оформлены мною и документально, что, разумеется, имеет свою цену...

«Плут, однако ж, ужасный», – подумал Чичиков: – Об этом пока думать рано, – аккуратно остановил он оратора. – А ему палец в рот не клади, – снова подумал.

– Павел Иванович, так вы ж обо мне скорее простецки думаете, – будто прочёл его мысли Бронькин. – Это шутка юмора у меня такая, а вершить дела я намерен системно. Мы ж ведь не для того собрались, чтобы заняться благотворительной вышивкой гладью? – подпёр его новыми доводами Бронькин. – Моя каланча наделала много суматохи даже в Красногупиловске. Поговаривают, что на неё чуть ли даже

не ЮНЕСКО зарится, и глаз уже свой на неё оно положило, и зубы острит. Её цена уже сегодня взлетела до небес. На почве моего открытия рассудком подвинулся даже наш мэр. Он уже ухватил себе трёхмесячную командировку в департамент Буш-дю-Рон Французской Республики и устроил там охоту на небедного города-побратима. Забыл даже, что полномочия его уже на краю и со дня на день понесётся гонка по выборам нового мэра. Правда, не забыл кума своего. На радостях и спьяну объявил его президентом общества нашей неугасаемой дружбы с французами. А кум, хотя дружбы пока и никакой, уже принялся рубить себе капусту на контрактах для поставок за бугры болотных лягушек и жаб.

– Всё это только для вашего кума недурно, а мне лишь для учёта в работе, – задумчиво нахмурился Павел Иванович, будто утратив интерес к тому, чем ещё секундой ранее озарялся. – Мне что с каланчи нашей или с побратимов ваших может выпасть? – Вижу, коллега, вы тоже на каланче чуток головой подвинулись, – как бы снова закипал Чичиков. – Нужна земля! Причём методом Чичикова I, то есть с либеральными исключениями из установленных правил и без публично осязаемого известными органами греха.

Здесь стороннему свидетелю этого разговора могло бы даже показаться, что мозги Чичи-

кова тоже не гуляли, но стороннего свидетеля там не наблюдалось.

– Павел Иванович, – примирительно притронулся Бронькин к сверкающему металлу и камнями хронометру на руке Чичикова и долил ему чая. – Дорогой Павел Иванович. Я ведь ждал вас полжизни. Я практически уже спалил все мосты и заборы, пренебрегая сейчас даже тем, что вокруг нас вот уже битый час как вертится первейшая доносчица нашего генерального директора Фелиция Ляминавич. Вы понимаете это? Я ведь о вас забочусь и потому лишь и рекомендую вам приобрести эти документальные сведения во славу вашего славного рода человеческого. Для короткого друга я отдаю свои несгораемые строки, ибо будут они нотариально заверенные, практически за бесценок. Могу даже за вот эти бэушные часики легко согласиться. Подумайте об этом, – на секунду смолк Бронькин, в то время как из-за портъеры, где ещё совсем недавно томилась в засаде Зухра, действительно послышались сдавленные басистые вздохи Феньки-Фелиции Ляминавич, что всегда носом чуяла, что где взять и почём затолкать его в уши директора. – В том-то и фокус, – пренебрегая опасностью, однако, уже шифруясь, продолжил речь Бронькин, – что при обсуждении перспективы покупки крупного рогатого скота, – кивнул он на портъеру, – следует учитывать кормовую базу. А

за господином Мудрецовым как раз и числятся болотные уголья бывшего колхоза-миллионера «Ни свет ни заря», огульно и не пойми зачем выкупленные им у крестьян паями. Там наш любимый шеф со своими собутыльниками и уличными девками обычно диспуты проводит, да и нас туда как-то привозил на такую же попойку в день неутомимых тружеников торговли.

Петрушке те места заодно сообщаю и вижу, теперь будут ни к чему. А нам перво-наперво потребуетса методом полковника Кошкарёва *«...оросить жажду истины...»* сквозь бумажное производство. Вот мы и оросим её. Мне и без ваших стараний передастся этот притороченный к каланче и смешной архитектурный комплекс вместе с двором, этим книжным сельмагом и пьяным цехом в подвале. А вам всё, что для выпаса крупного рогатого скота: за смешные деньги из ваших накоплений и по чрезмерно либеральным ценам, что я обеспечу. А можно это дело для вас обтяпать и за банковский кредит под залог теперь уже моей недвижимости, но только с улаждающими мою душу вашими процентами поверх банка. По такому делу, конечно, нужны хлебосольные переговоры. Но главное: я берусь за ваши гектары! Берусь.

«Экой кулак!» – сказал про себя Чичиков...» –
Всё в одну сторону.

– Только для вашей Феньки, что за портьерой, скажу, что меня интересует лишь кормовая база для крупного рогатого скота! – продолжил он уже вслух. – Владельцу пастбища у меня и без вас есть что сказать, – теперь уже многозначительно бросил Чичиков. – Смотрите, Бронькин, как бы вам без рогов и копыт не остаться в этой партии. И часы мои вам не по руке будут. А проценты? Это да, да и зданьице это обсосать и обкашлять нам следовало бы...

Бронькин несколько напрягся, задумался, да в конце концов и махнул рукой: – Мы это обсосём, Павел Иванович, всенепременно. А вокруг зданьица этого вам уже не кашлять, если кашель – лечитесь... Бумаги из архива мною уже обсосаны. Но есть и второй вопрос, где можно было бы смягчить кашель, крепко взявшись за руки? Это часть такой моей планиды, что важнее денег будет...

– Какой такой планиды? Что ж у вас больше денег может взяться? Золото?! – с удивлением оживился Чичиков.

– У меня, Павел Иванович, как вы понимаете, в городе есть вес, публичная репутация и немало рвущихся в бой сателлитов. У меня, извините за выражение, как у прозаика, имеется даже несколько специально обученных почитателей моего яркого таланта. Есть даже человек в... Впрочем, это пока неважно... Но есть и враги. Да и у кого из мыслителей моего уровня

сегодня нет врагов!? До выборов на пост благодетеля и любимого мэра нашего города время ещё есть, к чему и нужна харизма ваша в обоснованных мною пределах, что обеспечит и вам эпохальные скидки по кормовой базе. Авторитет вашего родословия и ваше умение держать себя!.. Вот что нам надо! На выборах мэра мы заклеим нашими портретами все хлебные места города и впишем ещё более героические обещания в его летопись.

– Вашими, вашими портретами город заклеим, так будет лучше, – прервал его Чичиков, ничуть не удивившись такому повороту грядущих дел.

– Хорошо, пусть будет моими портретами, – ещё больше приободрился Бронькин. – Портретами, где вы лично и сильно пожимаете мне руку на фоне Дома краевого правительства, а другой рукой – дружески похлопываете меня по плечу и оптимистично улыбаетесь. Мы разведём такую демагогию, что души избирателей охватит полная эйфория очарования и недоумения нами. Живых возьмём крупными, вином и другими синонимическими жидкостями, мёртвых – через процедурные бумаги. Обнулим долги, провозгласим счастье и незамедлительный расцвет города, а тарифы модифицируем уже потом. Писателям и бизнесу мы учредим Чичиковские премии за такие дела, по которым даже наука ещё не в курсе дела.

– А вот этого как раз мне и не надо...
– Хорошо, не будем вам и премий. Я вас понимаю, ваша скромность беспримерна... Будут стипендии идущим с нами вместе избирателям. Не в обиду будет вам сказано, но в этой части планиды я всё-таки назначу себе в поддержку, наряду с опытом великого Чичикова I, практику Ивана Александровича Хлестакова, что однажды обвёл вокруг пальца известного городского голову Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского. И, конечно, систему работы самого головы, и его работы над ошибками тоже возьму. – Здесь Бронькин отхлебнул уже с чайника, перевёл дух и продолжил: – Открываю в последний раз том, который вы, кстати, так и не купили. «Ревизор». Цитирую Антона Антоновича. Впрочем, наизусть помню: *«Тридцать лет живу на службе: ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трёх губернаторов обманул.. что губернаторов! (махнув рукой) нечего и говорить про губернаторов...»*

Вдумайтесь, шеф! Душа вибрирует! Для городского головы губернаторы – пустяки! Он разводил мошенников и плутов ещё более высокого уровня! А выше лишь министры!.. Сколько стихотворчества в этих чудных словах, сколько вылитых пуль! Сердце замирает от

такого диапазона размаха. А смотрите, как он ранжирует строй? Поначалу специалисты – мошенники над мошенниками, выше них – всесветные пройдохи и плуты, ещё выше профи – губернаторы, как представляется, сверхсветные мошенники, подразумеваемые и умалчиваемые, а в конце грандиозные по первостатейности мошенники – чуть ли не правительство! Язык деревенеет даже назвать их! Вот вакантное место для меня в нашем городе! Такие у меня штабных умов шальные мысли, – наконец-то умолк так разволновавшийся Бронькин, что залпом допил не свой чай, но сплюнул как раз в свою чашку.

– Ну что ж... Вашего Хлестакова пока не читал, но в целом одобряю. Недурственно, – задумчиво произнёс Чичиков, – надо бы мне ещё как-то познакомиться и с народом нашим. Договороспособен ли он без излишеств, духоподъёмна ли местная элита?

Здесь Павел Иванович *«... с чрезвычайною точностью расспросил, кто в городе...»* главный начальник, а кто основной? Мягко ли и в чём сам себе не строг прокурор будет, чем теперь новая полиция промышленяет и чему в последние дни и ночи не по-детски радуются судейские? Какие депутаты и почём себя сами уважают? Чего достигла перетряска административной реформы и большая ли очередь перед телевизором для выступления стоит на

сей день? Задавал такие вопросы, будто бы и сам всегда жил где-то по-соседству. Выслушивал всё чрезвычайно внимательно, допросил Бронькина и по другим чиновникам. Коснулся даже банкротства библиотек и порядка перетекания хуторов и деревень в объятия городского муниципального округа.

– Впрочем, ещё успеем во всем разобраться, – наконец успокоился Чичиков. – А скажите мне в конце: – Почём ваши мёртвые в прошлых избраниях по билетам и спискам здесь ходили?

– Платеж не крупный, щепетильности всего ничего: паспортный стол, ЖЭКи и управляющие компании кое-где. С вашим обозрением практики ерунда полная... Но именно в градоначалии и есть моя планида! – снова понесло Бронькина: – Земля, деньги под залог, выборы и обретение административного ресурса – одного неба звёзды. Время во власти никогда не проходит бесследно, а потому – деньги ваши вернутся на рубиновом блюде с нашими вензелями. Требуется лишь ваш натиск в избрании толкового мэра в виде вашего покорного компаньона! Сильные личности по месту жительства у меня уже есть. Есть юрисконсульт, испытанный сроками условного неодобрения – теперь уже подлинный нотариус! Непубличный экономист с успешной кредитной историей по «Вторцветмету» есть! В регистрационной палате человек, ранее проверенный в

одной успешно обанкротившейся градообразующей кампании имеется. Вам нужно только и в первую голову обеспечить денежное довольствие нашего объединённого земельно-выборного штаба, руками которого мы и будем гнуть любую линию вплоть до очертания нужной нам конфигурации.

О БТИ я совсем молчу! У нас ведь циклопические масштабы глубоко эшелонированной коррупции. Вы можете себе представить, чтобы БТИ упустило случай поучаствовать хоть в чём-то, связанном с недвижимостью или чтоб без чернухи с их стороны независимый трибун проскочил, куда ему надо? Вот и я тоже. Куда не клюнь, нужны свои люди. Дурошлёпов у нас уже давно сменили способные негодяи с чужими дипломами и поддельными диссертациями, для кого зашторить огни истины, что поле перейти. Мелкие человечки потребуются нам для подстраховки избиркомовских, но там учителя и пенсионеры, а это уже копейки. Как видите, я заявляю вам комплексно и без излишеств. Я вижу вашу роль, уважаемый Павел Иванович, в ссуде некоторого стартового капитала, – повторно вернул свою идею о деньгах Бронькин, – и в личном участии в представительской работе в высших эшелонах элиты города. Мне нужен ваш бренд! Относительно стартового капитала в нашем выгодном деле, дорогой Павел Иванович, – снова завернул в

свой угол прозаик, – можете даже не отвечать, я и так знаю, что вы мне скажете. А я вам отвечу: – Даю гарантию возврата в 99 процентов с прибылью!

– Почему не в сто?.. – с улыбкой удивления и ехидства поинтересовался Чичиков. – Я не привык разговор разговаривать с такой мглой на конце. Это ж вам не вещественная каланча, а неосязаемый глас народа и его всяческие чаяния?..

– Стопроцентную гарантию и прибыль могут дать лишь похороны прокурора, как это устроено у Гоголя в «Мёртвых душах» и у вашего замечательного прародителя господина Чичикова I – Первопроходца. Мозгов у нашего прокурора, конечно, немного, упорства тоже, особой цели в жизни нет, но вот беда! Здоровье у него хорошее, а сейфы от подлых материалов так и трещат. Но вы особенно не тревожьтесь за проценты, они будут! Мы обречены на то, чтобы объединить труды и с широкой подкупающей улыбкой побеждать, – завершил свою речь Афанасий Петрович с широкой подкупающей улыбкой.

– В каком таком месте вы предлагаете продолжить наш разговор так, чтобы без излишеств? – поинтересовался собеседник.

– Тихих мест у нас хватает. Осмелюсь предложить вам, глубокоуважаемый коллега, тотчас после моей смены перебазироваться к дяде Лы-

сому Пимену в ресторан «Акулька» или же в залу спецобслуживания его казино «Рок». Поутру эти места немногочисленные и затемнённые, недурственная дворянская кухня. Не без проституток, конечно, но всё по-домашнему. *«Пивной погреб тоже большое общество привлекает...»*, и там всё без излишеств. Но, знаете ли, народ у нас безответственный и боюсь, что с утра в погребе том будет немало публики. Она нам, конечно, потребуется, но уже после моей регистрации в образе кандидата номер один.. Фамилия моя, как видите, на «б» – буду номером первым, потому что на «а» у нас в городе порядочных людей нет, впрочем, как и на другие буквы тоже. Можно было бы, конечно, и вздремнуть часок, а затем уже взяться за дела как следует, – вопросительно запустил под конец Бронькин и добавочную идею.

– На том свете выпейся, отвечала на подобные предложения моя покойная бабушка, – с кривой усмешкой отозвался Чичиков.

– Как бы он ещё и с ведьмою не повенчался, – вместо ответа промолчал Бронькин. Ему показалось, что пролетевшая мимо них Зухра оставила за собой отпечатки кошачьих лап. И хотя про чёрта он уже давно забыл и думать, но в душе через плечо сплюнул снова. – Только прошу вас, Павел Иванович, – он цепко ухватил клиента за пуговицу: очевидно, чтоб тот уже не смог вывернуться. – Конкуренция нам теперь,

ведь как чёрту холера, а на полках ещё шестнадцать экземпляров двухтомных гоголей скопилось. Забрали бы вы их все, чтоб меня временно от доноса защитить и оправдать прошедшую ночь пред Мудрецовым. Да и врагов наших наедине с этими печатными планами действий оставлять нельзя. Уж столько там рекомендаций для нашего брата изложено!.. Нам-то с вами ничего и выдумывать против мошенников в правительстве нашего города не придётся! Всё это Гоголь сам для нас давно сфотографировал и описал доходчиво. Если что не так будет, то во всём виноват Гоголь!

– О, как это всё правильно! Лишние экземпляры наводящих на след документов вашего Гоголя на стороне оставлять ни к чему. Верная тема, господин Бронькин, – размашисто подержал его вдруг заметно повеселевший Чичиков. – Моих умов штабные мысли подсказывают, что наша дисконтная карта чудесным образом здесь подоспеет нам на выручку. Так ведь, Петрович? – Он улыбнулся Афанасию широко-широко, будто бы они уже многие годы были сердечными приятелями.

Зульфия радостно засияла в умирающих сполохах светофорного многоцветия цердУм и нежно обняла приятного покупателя чистым и непорочным взглядом. Тот приласкал Зульфию задушевным ответным взглядом, а потом по-дружески приобнял Бронькина за плечи,

подтолкнул его к кассе и что-то сообщил ему на ухо.

А пока Бронькин расплачивался своей дисконтной картой, а Эшонкул тащил к выходу кривую тележку со связкой книг, Чичиков не преминул окинуть плотоядным взором вычурную и притягательную Зухру. Та без стеснения неотрывно и жадно поедала взглядом смутный и пока ещё недоступный объект своих девичьих желаний.

– Придёт время и с тобою *«мы удалимся под сень струй»*, не скрывая от себя клоквенность намерений, подумал Чичиков. Его *«...сердце забилось сильнее, чем у наипервейшего любовника»*...

Часы по-змеиному зашипели длинно, как бы задумывая бить долго...

*СЛУЧАЙНО ЦЕЛЕВЩИЕ
ГЛАВЫ И ОТРЫВКИ
ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
РЕДАКЦИИ
ВТОРОЙ ЧАСТИ¹*

¹ Беловая рукопись второй части романа трагически погибла в результате досадной халатности автора при подготовке мангала к работе в неблагоприятных метеорологических условиях ближнего Подмосковья. Мастерски заточенные главы и фрагменты окончательной редакции, где талантливо показаны исключительно позитивные персонажи современного общества и их дела во благо населения города NN, — утрачены безвозвратно. Читателям предлагаются лишь местами уцелевшие и отчасти восстановленные по памяти отрывки и сохранившиеся черновые наброски, которые целостного характера не имеют

**ГЛАВА I.
НИЗКИЕ СЛУХИ
И ВЫСОКИЕ МОТИВЫ**

Трое суток Афанасий Петрович Бронькин не встречался ни с восходом, ни с закатом. Ссылаясь на анонимные источники различной степени достоверности, знающая публика из нервного арьергарда очереди за пособиями по безработице стоусто твердила, что всё это время Бронькин с сотоварищами базировался в ресторане «Акулька» у дяди Лысого Пимена. Одни говорили, что Бронькин там пил, другие — что он там думал. А вот что он там пил, о чём он там думал и кто с ним состязался в собутыльниках или мыслителях, поначалу не ведала даже сама полиция. Хотя действовала полиция в те дни пока ещё по привычке так клиновышибательно, что ей удивлялись и завидовали даже в знаменитых своей сомнительной славой органах. Позднее развела полиция то, что уже к тому времени разнюхали и известные своей небесспорной славой органы и что в целом уже знал и город NN. Выяснили они всё доподлинно от своих тай-

ных агентов из той же скандальной очереди, что «Акулька» закрылась на спецобслуживание. И что с той секунды, когда «Акулька» решительно отвернулась от людей не бог весть как, но знакомый нам Пётр Октябрьевич Мудрецов злорадно потирал руки, а в ведомости учёта рабочего времени напротив фамилии Бронькина лично ратифицировал его беспочвенные прогулы круглыми нулями. Поговаривали даже, что самодовольная улыбка Мудрецова в те дни излучала затаившееся в его мозгах счастье. Кое-кто толковал даже, что в известный уже вам красный подвал на совещания в те дни Петька Мудрец не спускался, чему немало споспешествовали также и завязавшиеся в чебуречных города пока ещё не совсем ясные по своим мишениям, но небезосновательные беспокойства.

Сначала по улочкам города проползли крайне низкие слухи. Вроде бы вблизи домашнего зоопарка со страусами или в районе болотно-малахитовой ландшафтной лужайки заднего двора, что сразу же за охотничьей лачугой господина Мудрецова, а именно между теннисными кортами, дальней гостевой банькой и бунгало службы его личной безопасности в составе виртуоза шашлыков Ибрагим-бека, вероятно и не случайно совершилось циничное и расчётливое убийство. Именно там пытливые и безбашенные гриб-

ники-галлюциногены глазасто узрели хорошо сохранившийся в болотной грязи контрастный отпечаток тела толстого начальника в полный рост с галстуком и в форменной фуражке, сильно напоминающий прокурора города господина Тугрикова. И хотя Динар Франкович после вполне удачной гусарской рыбалки в прокуратуре потом и появился непривычно целым и чрезвычайно рано, до выяснения подлинных обстоятельств его вчерашнего отсутствия там, въедливая охрана прокурорского офиса на службу Тугрикова уже никак не пустила. Не помогло Тугрикову даже то, что на даче была обнаружена потом именно та форменная фуражка с его автографом, которую он, как было задокументировано ранее сексотами тайной полиции, когда-то лично проиграл Петрушке Мудрецову сначала в карты, а потом и в домино. Не спасли Тугрикова даже свидетельские показания Ибрагим-бека, что эту фуражку, будучи, как правило, всегда здесь под мухой одевал обычно на голову Мудрецов Петька, который как раз накануне якобы и был здесь трезв минимально.

Оказалось, что всё это оказалось тоже неспроста. Оказалось, что господин начальник другого жизненно важного правоохранительного органа города в фуражке начальника полиции Дергоусова по факту возможной безвременной кончины господина прокурора

Тугрикова успел-таки и не без радостного удовольствия завести своё дело по имеющимся в наличии признакам злодеяния и молнией донести об этом долгожданном для него явлении в красной центр. Да в этом, собственно, ничего предосудительного обывателями и не усматривалось, так как Дергоусов и ранее славился здесь своей откровенной дремучестью, непредсказуемостью и сволочизмом. А люди и так видели, что главы полицейского околотка и прокуратуры давно уже меж собой не ладят на почве своих рейтингов главности и банальной ревности. А вот к кому та ревность завязалась? и кто побеждает в деле главности? – по городу NN и сёлам бродили одни лишь догадки...

Впрочем, вскоре оказалось, что всё-таки побеждает непредсказуемый и могучий, как надгробный постамент, полицеймейстер Дергоусов. Выяснилось, что победу ему родил один достаточно пышный, что под стать самому полицеймейстеру, господин омоновец. При осуществлении своего долга по сохранению доказательств отсутствия господина прокурора в кабинете господина прокурора омоновец хоть и несильно, а, видимо, только от старательности и уважения к господину начальнику полиции на чёрном входе в прокуратуру хватил господина прокурора по макушке казённой резиновой дубинкой, причём

дважды. И всё только потому, что господин прокурор до выяснения истины о своей возможной гибели и пропажи в болоте вроде бы господином прокурором пока и не являлся. Вроде обнаружился он у заднего входа в прокуратуру всего лишь под видом простого гражданина, за что теперь и поплатился законным бюллетенем, вроде гражданина, неосмотрительно забредшего на аномальный митинг.. А второй раз омоновец треснул прокурора, правда, уже по шее и потому только, что теперь-то он был твёрдо убежден, что их подлинный прокурор находится строго на бюллетене ещё после первого удара по макушке. Что в прокуратуру пытается ворваться хитро отпечатавшийся в грязи лжепрокурор в галстук и в арендованной у Мудрецова форменной фуражке истинного прокурора, а не натурально пока ещё тёплый, но уже состоящий на бюллетене реальный прокурор. Или что мыслимо тоже, совсем уж сторонний мужик, слегка напоминающий прокурора, мог туда стремиться с преступным и далеко идущим умыслом. Кроме того, господин омоновец продолжал тогда ещё сомневаться и в том, что его смелость, отправившая невнятного прокурора на бюллетень ещё с первого взмаха, вполне впечатлила его начальство, которому он верноподданно прислуживал. Сомневался он, что всех остальных господ омоновец

цев его отвага обрадовала, а стихийно собравшихся здесь на всякий случай простых зевак и бездельников славного города NN – отрезвила. Впрочем, вскоре оказалось, что его героизм впечатлил практически всех и розовощёкий и пышный в животе господин омовец вокруг пустого прокурорского кабинета теперь уже ходил гоголем. Остальные господа омовцы ужасно завидовали своему собрату и его дубинке и на почве этой пугали горожан ошарашенными до полного безумия завистью лицами. Потому как теперь из их косяка и стаи никчемный дотоле карась, а ныне уже гоголь жадно дожидался значительную денежную награду в связи со своим бесстрашием при сохранении служебной и лечебной дисциплины. *«Полицеймейстер был некоторым образом отец и благодетель в городе»*, а потому так, чтобы не наградить своего человека за наезд, тем более, на прокурора – быть такому даже и не допускалось. Но и это не всё: говаривали, что поощрение для гоголя требует одно влиятельное лицо, прибывшее в город инкогнито, и такое, какому отказать никак невозможно...

Неверно полагать, будто не случалось в эти дни и других досадных инцидентов. Во-первых, поверх волнистого асфальта улиц города NN поползла тревожная молва о том, что прямо в Москве не пользующимися широкой

известностью лицами титульной национальности ограблена самая охраняемая в мире центральная публичная библиотека, причём государственная. А во-вторых, и в главных, промелькнули кой-какие идеи о букинистическом отделе учреждения господина Мудрецова. Вроде бы как там немедленно и сразу выросло до великого множества число толстых книжек, где страница номер семнадцать со штемпелем якобы этой самой центральной публичной государственной библиотеки Москвы в каждом томе варварски отсутствует. Полиция и социально активные граждане бросились в гигант книготорга закупать себе по дешёвке дефицитные книги, где и, правда, обнаружили каких-то томов без семнадцатой страницы немалую кучу. Зато именно этих скорбных семнадцатых страниц так они нигде и не нашли, хотя удачные приобретения себе сделали...

Мудрецов в тот день был в клетчатом пиджаке и в таких же коричневых брюках. Он ещё вполне трезво перемещался по залу, достаточно приветливо махал людям руками, хотя и улыбался им уже не вполне цензурно. И он оказался абсолютно прав. Тут как раз Мудрецову и позвонили из администрации города и спросили его требовательно о причинах отсутствия ободряющей продукции у них на столах во время торжественных приёмов, о

рентабельности его предприятия, а также и о каком-то там кассовом разрыве в зарплатах всяческой высокородной их родни. Так строго спросили у него об этом, что Пётр Октябрьнович Мудрецов о Бронькине даже думать бросил и злорадно потирать руки прекратил. А проставлять прогулы в ведомости напротив его фамилии, будучи в сумрачно-пепельном настроении, поручил бухгалтерше Елизавете. В ответ ему на это Елизавета в той ведомости рабочего времени тут же одни нули превратила в восьмёрки, другие – уничтожила ластиком и таким образом все ранее проставленные прогулы, касающиеся Бронькина, переиначила в неоспоримые доказательства нужды в награждении его грамотой. Затем Елизавета немедленно отправилась в органы, куда сама и вызвалась давать свидетельские показания, выученные ей назубок с бумажки, что с нездешним почерком. И оказалось, что к тому времени она уже состояла основным свидетелем по факту устного заявления главного архитектора города Мамагонова о его насильном удержании в ликёроводочных застенках Мудрецова, причём Петром Октябрьновичем лично, причём с Ахдамовой Айгуль в паре. От участия в программе защиты свидетелей Елизавета радикально отказалась, но деньги за особый себе риск потребовала и получила сразу.

Надо сказать, что и другие сплетни над городом парили и шныряли, как стаи ворон и галок, даже в коридорах горадминистрации. Даже дела шились. Поднял свою натруженную голову ранее затаившийся в заброшенных гаражах криминал. С незащищённых замками балконов граждан принялись пропадать книжки, гречка, ложки и велосипеды. И если гречка пропадала безвозвратно, а велосипеды иной раз ещё и всплывали в перекрашенном виде или на той же базе «Вторчермета», то утраченные тома и подшивки журналов в переплётё самым чудесным образом оказывались в учреждении Мудрецова. Причем, вместе с семнадцатой страницей, хотя их туда на комиссию никто вроде бы как и не приносил. Горожане цепью потянулись в полицию с заявлениями на Мудрецова и требованиями вернуть им ложки, гречку и деньги за нескончаемые моральные страдания, а стены и заборы города запестрели неодобрительными надписями в его собственный адрес...

– Кто им позволил так меня оскорблять! – горланил Мудрецов, не пойми кому и всем сразу, производя сильный акцент на вторую часть последнего слова.

С огнедышащей яростью бросился он в органы. Не приняли они Мудрецова!? И даже на очередь для приёма не поставили его органы, что было неслыханным, если не сказать, даже

сказочным их свинством после баньки с верным лицом из этих органов и практикантками из «1000 мелочей»... В последний раз стерпел он обиду, удержал себя в руках и чтобы лишний раз не козырять своим чрезмерно значительным положением, бросился на площадь под дуб и напрямиком к телефону-автомату, где выстоял, конечно, всю очередь.

– Алло, товарищи! Это анонимный телефон доверия уважаемых всеми нами органов?

– Да, Пётр Октябрьнович, это нашего органа анонимный телефон доверия, – неприветливо ответили ему те. – Если вы чего хотели, то вам это уже не поможет. Нам уже известна даже ваша натуральная фамилия, гражданин Потняцов...

– Но ведь я же не предполагал, что...

– А мы располагаем оперативными сведениями о том, что вы активно занялись сбытом краденого, – прервали его грубо. – Об этом мы уже даже нашему неугомонному и, не к ночи будет сказано, мэру города в сам Париж факсонули. Знаем даже, что вы раритетный семейный архив одного весьма уважаемого в стране человека по фамилии с очень большой буквы «Ч» под крышкой шкатулки из красного дерева со вставками из карельской берёзы схоронили под огромной кучей украденных вами из московской библиотеки книг! Предупреждаем заранее, что плевать мы хотели на

все ваши будущие крики о демократии в отблесках костров оппозиционных амбиций, и на всех ваших адвокатов тоже плюём, они у нас на полставки. Наши сиятельные службы уже устремили на вас свой стальной взор и вскоре совершенно чистыми руками прижмут вас к нашему горячему сердцу так, что тебе мало не покажется... Собирай вещи! Пока-пока! Чао, Петрушка!

Лишь только повесил Мудрецов трубку и бросился в заслуженный потрясением, но внеплановый запой, как в городе уже заговорили, что ему осталось две дороги – в психушку или в Сретенский Кокуй близ Читаго, что в глубине известных руд и мест боевой славы декабристов. Потом зашумели ещё громче. Дескать, у Петра есть и третий путь к свободе, следуя по проторённым колеям наших традиций избавления от высоколиквидных активов. Пошли даже толки, что он отправился по третьему пути и уже сбывает и предприятие, и землю, а вот кому он это втюхивает, за сколько и как зовут приобретателя – слухов не родилось. Говорили, правда, что приобретатель не тутошний, а сбоку. Зато в учреждении Мудрецова нежданно проросли выносливые парняги авторитетного вида, нарёкшие себя приставами, неясно кем, но тоже сбоку приставленными. Они объявили себя совместителями также и бдительной охраны немедленного

реагирования Петрушкиного учреждения, хотя неприятностей по сути небдительности азиатских джигитов из прежней охранной команды учреждения не существовало. Зато они выбили себе и зарплату, и аванс за два месяца наперёд и организовали, чего ещё никогда не было, широкий телесный досмотр персонала и людей на входе, а наиболее приглянувшихся им дам даже и на выходе из учреждения.

В общем, сплошная засада образовалась вокруг совсем уже осатанелого Мудрецова, и так она образовалась, что куда не кинь, всюду клин. Тут уже Петрушка не на шутку задумался. То ли над вопросом сотрудничества со следствием в инициативно-приходском порядке, то ли над необходимостью воспользоваться ресурсом и позвонить кому надо в крайцентр, хотя тот ему из крайцентра в ответ на звонки только глубоко и молча дышал в трубку...

До того дня Петрушка Мудрецов нередко любил пускать «...*тыль в глаза своей бывалостью в разных местах...*», но в такой [нрзб] ему бывать ещё не доводилось... Наконец он, чтоб разогнать под диким натиском Ахдамовой своё отчаянье абсурда, решил посудиться сразу со всеми своими врагами по поводу всей

² В отдельных случаях неразобранные слова автора (т.е. Г.Д.) в тексте отмечены в прямых скобках курсивом, причём, если там имеется и цифра, то она обозначает количество неразобранных слов. Как, например, [2нрзб].

своей напрасно запятнанной чести, достоинства и деловой репутации, объявивши всему этому цену в сто миллионов. Но по дороге к непогрешимому правосудию и неожиданно для себя на пороге Дома правосудия Мудрецов жёстко натолкнулся на Афанасия Бронькина, с которым вначале не захотел даже здороваться. Зато потом узнал он от Бронькина, теперь уже сквозь зубы и через губу, что пока Мудрецов туда плёлся, его честь, достоинство и деловая репутация сильно упали в цене, хотя точную их цену выяснить так и не удалось. А потому он на какое-то время испуганно и глухо замолчал и беспричинно снова напился. Наверное, Мудрецов мог бы поступить и по-другому или хотя бы выискать какую-то более рациональную причину для внепланового запоя, но окружающие его обстоятельства ложились явно не в его миску. При встрече той Бронькин прямо так ему по секрету сразу и заявил, что человек по фамилии на большую букву «Ч», которого он и сам уже вполне опасается, в городе и довольно-таки близко от него. А для такого сатаны, как для того, что с большой чёртовой буквы в начале фамилии, закопать Мудрецова в болото или пустить по миру, всё равно что чхнуть в расписанную под Хохлому табакерку с лавровым листом или маком.

Город тоже с интересом задумался, но совсем по другому поводу... Кто же попадёт под

каток правосудия после Мудрецова, задумался город, и за что?.. Дело в том, что в районном городе NN все вопросы с провинившимися дураками решались с помощью кумовства и судебного асфальтоукладчика, хотя другой известной в стране бедой, а именно – дорогами, занималась лишь малюсенькая бригада армянского автобанщика Ары. Здесь давно считали, что счастье тормозят лишь две беды: менеджеры-недоучки из вельможных семей и инфраструктура. Такие менеджеры и теперь дали повод громко заявить о тончайшей части инфраструктуры города. Оказалось, что многие жители NN в эти дни воспламенились вдруг идеей покрутить диски своих телефонных аппаратов, чтобы взять трубки и посоветоваться с администрацией или с полицией о гречке. Тут будто бы назло им теперь оказалось, что единоличный оператор NNTC и её владелец через топ-менеджера сетей и их совладелец, а именно приёмную дочь от прежнего брака Гаврилы Лифановича Селифановфа, как проговорилась по секрети кассирша Зульфия, принялся запланированно переходить на более удобные и привлекательные для горожан номера и тарифы. Так что вскоре все телефоны замолкли насмерть, а народонаселение стало единоличным должником компании Селифановфа и его дочери за ранее отпущенные в розницу услуги связи. Гаврилу

сразу возненавидели, но ненадолго. Оказалось, что правда не в Гавриле и что магнатом по телефонным проводам, как и по водопроводу с девственно чувствительной ключевой водой, на самом деле является совершенно не дочь Селифановфа. Магнатом здесь, как оказалось, старший сын большого любителя рассказывать по телевизору байки про жизнь в Болгарии, куда он однажды ездил, артезианского спикера всех депутатов района Маковев – картёжник Гриша.

Тем не менее, у антимонопольщика Ковбасенко и всех участковых правоохранителей закипел радиатор дознания. Вшестером все они – участковые полицаи города и Ковбасенко с ними – седьмым, сбиваясь с ног, серым облаком моли понесли по городским улицам. Рассчитывали они скоро разобраться и с монополией, и с задолжавшим населением, а заодно и выполнить срочное решение первого зама мэра, чтоб собрать остальных депутатов городского округа для введения ЧС и корректировки бюджета путём вымогательства у олигархов инвестиционных средств наличными на ликвидацию этой невероятной ситуации в инфраструктурной блокаде. Но никого из депутатов по месту жительства они, конечно же, не обнаружили, да и среди собственников олигархов повисла необычайно подозрительная и конфузливая апатия к этим тре-

бованиям. А Маковой совсем обнаглел и снова по телевизору лично выступил. Он заявил всем, что в Болгарии такого не бывает и что вершит своё телефонное право он по праву депутата, избранного от сусально-сахарной партии деревенщиков. А у деревенщиков телефонов вовсе нет и никогда не было, а потому ему, как и его избирателям, тарифы эти до одного места, которого в экране, правда, он не показал, но скабресничал на эту тему он потом ещё достаточно долго.

Руководитель, начальник и *«...некоторым образом отец...»* полицейского воинства города Иван Антонович Дергоусов *«...имел уже далеко за сорок лет; волос на нём был чёрный, густой; вся середина лица выступала у него вперёд и пошла в нос, словом, это было то лицо, которое называют в общезнатьи кувшинным рылом»*. Поначалу Дергоусов чувствовал себя хорошо, а после удачной установки прокурора на колени отлично теперь кушал и забывался лёгким сном после стерляжьей ухи в особенности в превосходных фантазиях. *«Вообще он сидел, как говорится, на своём месте и должность свою постигнул в совершенстве. Трудно было даже и решить, он ли был создан для места, или место для него»*. Однако вскоре и его продолжающиеся в городе несурязицы завели в тоску. А тут ещё и аналитики из краевого УВД подсурили и

дали ему знать, что его личная кривая по гречке и велосипедам, применительно ко всей местности и в сопоставлении с кем-то, взлетела ввысь, как утка над картечью. Что кривая уже воткнулась своим клювом в обоснованную ими аксиому об организованной сущности кем-то умело и эффективно учрежденной в городе преступности... Иван Антонович сильно удивился этому, а потом даже крепко поругался с ними, так как организованную преступность выпестовал лично, знает её наперечёт и настаивает, что велосипеды и гречка – дело рук абсолютно неорганизованной преступности.

В ситуации досадного недоразумения о личности подлинного организатора сущности творящихся в городе и районе неясностей начальник полиции хотел было запустить в производство обидчивый на всех рапорт о собственном покое. Но затем передумал, потому как у него три дочери и ни одного стабильного зятя рядом, и подводить его дачу под ключ путём подключения к ней СМУ-14 тогда уже будет некому. В то же время, если чего-то и страшился Дергоусов в тот день, так одной только строгой переаттестации полицейских нравов. А она могла как закопать его, так и вознести его чуть ли не до неба, а могла она произойти даже без его личного участия, правда, если только с личным подвигом. Интересно,

что ему прямо в масть тут-то сверху и порекомендовали, как сберечь себя, сделавши подвиг на высоких мотивах. То есть путём объявления всем, что сумма его честности и неподкупности превышает любые попытки усилившегося на него давления городской прокуратуры и Тутрикова лично подвинуть его на сделку со своей полицейской совестью, чтоб закопать «Дело гражданина Тутрикова» о его прогуле.

Так борец с неорганизованными лиходеями полицеймейстер Дергоусов, дабы не поступаться своими негибкими принципами и вроде как в пику на будто бы изуверское давление прокуратуры, сочинил прошение о своей незамедлительной отставке. И таким вот хитрым образом возбуждённое им дело по факту признаков возможного несуществования на земле господина Тутрикова в качестве прокурора без Дергоусова теперь уже никто не мог прекратить, хотя тот и продолжал свои болезненные устремления закрыть бюллетень. Зато во взглядах полиции на прокуратуру наступила стабильность, а о смелости господина Ивана Антоновича Дергоусова, конечно, написали обе краевые газеты сразу, что в сумме принесло ему доселе невиданные в полицейских кругах очки и баллы, сопоставимые со звонким подвигом для успешной переемтестации и сохранения отполированного до полного комфорта места.

Но поскольку полиция в данном городском муниципальном округе обычно берегла не простых людей, а людей совершенно непростых, то все эти непростые люди ещё сильнее насторожились, так как остались без полномочного лица при полном исполнении, но с привычным кувшинным профилем. Наибольшую опасность почуяли чиновники. Их чёрт здесь постоянно дёргал за руку и неизменно требовал принять у кого-либо подношения за рассмотрения, разрешения, выделения, согласования, подписания, а то и совсем за косоглазие, близорукость или тупоумие для преодоления юридически обоснованных преград, загвоздок или воспрещений для необходимых нужным людям разрешений, выделений, согласований и подписаний.

Станным показалось людям, что изо всех злоключений городской жизни торчали волосатые и длинные уши Афанасия Бронькина, хотя ума палаты за ним никогда не числилось, а последнего чёрта из района долгожители прогнали ещё тогда, когда меняли ваучеры на «Волги» и нерафинированное подсолнечное масло. При всём при этом в городе, как это ни казалось странным, предприятия бытового обслуживания населения и магазины функционировали. В школах и детсадах учились жизни, баловались и стреляли из рогаток дети. Весь рынок по обыкновению радовал горожан

апельсинами, ананасами, киви и польской картошкой нового урожая. А когда загорелась огромная свалка, что происходило здесь с завидной регулярностью, то городские брандмейстеры прибыли туда кристально трезвыми, со значительным опережением нормативов и даже с водой в баке. Это мы сообщаем вам к тому, чтобы вы не переживали. В целом в городе NN сохранялась совершенно управляемая демократия, дисциплина и порядок...

ГЛАВА II ПОД СУМРАЧНОЙ КРОНОЙ ДРЕВА ВЛАСТИ

Оставалось неясным, чего же им, людям-то, ещё не хватает? А им казалось, что в городе NN что-то обязательно стрясётся. Но в городе никакой неожиданности не случилось, в чём и состояла главная неожиданность, хотя в очередях к терапевтам, стоматологам и в других местах массовых интересов людей возникали пересуды. Толковали о популярном даже в Москве, в Италии и в херсонских степях, циничном и хватком политтехнологе Чичикове. Что он якобы уже прибыл в город NN инкогнито и будет продвигать самых полюбившихся ему неизвестно где и за что кандидатов в мэры города. То, что Чичиков большой мудрец, мастер нагнетать всяческий ужас и что за ним, ясный перец, стоит одна из столиц, было всем и без него понятно. Да и действующий мэр города это подчеркнул отчётливо. Вместе со своим административным ресурсом он высунулся вдруг, как гром среди ясного неба, однако из непривычного пока ещё для бюрократов па-

рижского «Скайпа» в форме непредвиденной видеоконференции и сделал это не так как обычно, то есть ни с того и ни с сего, а вполне умышленно и трезво.

И чудными трелями ответили ему на это соловьи из сумрачной кроны дерева городской власти! Золотые голоса из кущей этого дерева на увещевания мэра орудовать решительно против непопулярного в городе Чичикова, а землю рыть в его пользу, как действующей личности, поначалу как на него, так и на Чичикова лично, даже плевать не захотели. Сообщили мэру в мутный экран лишь то мнение, что у них всё и так путём и поклялись победить. По их представлению, все они абсолютно неустанно занимались делом замещения своего мэра тем же и давно уже полюбившимся им мэром. Вместе с маститыми политтехнологами, прибывшими в город за длинным рублём из госбюджетного учреждения при госдепе одной из наименее южных и наиболее демократических республик, они уверенно высекали будущее. Да и могли ли здесь быть какие-то опасения, твердили они, если электорат из этой республики в городе NN существовал, что называется, под каждым кустом и даже ландшафтным дизайном с мётлами он занимался практически в каждом дворе и подъезде? То есть всё складывалось чудненько.

Но отдельные прочие депутаты, внезапно кинувшиеся в оппозицию, в день той видеоконференции мэра чего-то вдруг решили «отличиться» и, как вы видите, сделали это в кавычках. Они повылазили вдруг изо всех щелей, хотя на служение к избирателям ходили не часто, а затем на свою же и особенно на мэрскую голову невероятную бучу устроили и подкузьмили всем. Заявили они, что они, то есть, извините, депутаты, всегда точно знают итоги любых, так сказать, наползающих, и простите за такое слово, выборов. И знают они их независимо от того, какой бы буйной ни была из себя системная оппозиция и что бы она там в штабах себе ни проповедовала. Депутаты вдруг постановили, что при такой власти, как сейчас, городскому округу уже даже и бессистемная оппозиция не нужна, а при таком, как теперь, состоянии дел в городе мэр и вообще не нужен и вреден и потребовали заменить его пока что хотя бы сити-менеджером. А граждане давно уже и так знали, что от мэра одна лишь головная боль происходит и что скоро тот их вместе с дружески настраиваемыми к ним французами до добра не доведёт. Поэтому они легко подписали своё приветствие грядущему сити-менеджеру города от каждого двора, и дома, и города, и района в газету «Чистая правда», чем и выразили своё согласие со всей революцией депутатов сразу.

Но газета неожиданно для многих отказалась печатать извещение про это. Тогда ошеломлённые депутаты все вместе написали всем сразу свой недоумённый депутатский запрос, а первый экземпляр прямо в телевизоре огласили. Но и это им не помогло, потому что было уже поздно. Наутро из этой же газеты всем стало предельно ясным, что кандидатом в мэры города под номером один ещё вчера уже утвердился Афанасий Петрович Бронькин. И что сто сорок шесть его доверенных лиц уже мечутся по городу с биографией его славы, а остальная регистрация кандидатов с большими проволочками, словно аптечная резина, неуклюже тянется дальше. Затем промелькнуло предание, что в пользу сына Афанасия высказался сам батюшка, благословив свой актив на сбор нотариально заверенных подписей в поддержку его мирских забот и трудов, и что все нотариусы закипевшей у них работе обрадовались неимоверно. Что Бронькин уже успел таки где-то повстречаться с партийно-хозяйственным активом и рассказать ему о том, какое удивительно светлое и сытое будущее ожидает его как гражданина и город тоже. И что после его вступления в права вместо дождя не только на него, но и на них хлынут неостановимые инвестиции. Правда, о том, кто входил в компанию партийно-хозяйственного актива при встрече с Бронькиным, в газете ниче-

го не сообщали, но написали, что «Чистая правда» теперь уже не является городским органом печати. Она уже битый час как принадлежит чёрт знает какому ООО, но по делам бензина и моторных масел, и печатать теперь будет только то, что ей самой вздумается или на что её Бронькин незримо нацелит.

В этом деле, точно подумали горожане, и думать не стоит, что Бронькин мог бы обойтись без чужого ума из центра, если не внутри, то хотя бы сбоку их просветляющегося общества. А кто-то из людей даже выявил в одном магазинчике человека с типичными для самого Чичикова повадками. Это был весьма вежливый с виду человек. Не то чтобы высокий человек, но и не низкий. Мужчина – в длинном кашемировом пальто нараспашку цвета увядающей астильбы. Кремовой астильбы. И подписывал этот дядя у Афони на прилавке ворох гарантийных писем с печатями на оплату утреннего кофею, вечернего чаю и сухарей для тружеников Бронькиного штаба. И подсовывал он эти бумаги к подписи, как показалось людям, уже крепко держа на себе всё производство штаба и тыла, потому что уверенно указывал, где и сколько раз Бронькину поставить свою подпись, а где – сумму.

«Город был решительно взбунтован; всё пришло в брожение, и хоть бы кто-нибудь мог что-либо понять». Первое, что никому спатъ

не давало, так если это и есть Чичиков, то почему это он спутался с Бронькиным, хотя здесь и без Бронькина полно таких высокочтимых особ, что даже и кандидату №1 не чета будут? Что Бронькин, хоть и начитанный малый, но в клубе олигархов не состоит. Что дружбу он водит лишь с отставным попом Гармошкиным и до ненависти любит одну Елизавету, хотя цапается с ней как собака с кошкой так, что и по чужим бабам некогда волочиться. Что Елизавета давно на ножах с Мудрецовым. Что Мудрецов на почве своего сивушного цеха давно на дружеской ноге с городской администрацией. Что там теперь у него не всё гладко, зато временно. Но в случае чего не так и станет постоянно, то интересно: что же они тогда будут делать дальше? И последнее: почему же это Бронькин так долго сидел у Лысого Пимена? Ведь дядя Пимен, по слухам, когда-то и сам сидел? Но ни разу не сидел Пимен, ни в одном почётном президиуме? Он вообще из своего ресторана ни разу не вылезал даже за нефилыгрованным пивом или какой-нибудь воблой?

Вероятность появления Чичикова в городе больше всего привела в возбуждение, пожалуй, райгорздрав. Райгорздрав привык к тому, что у него по линии курирования знахарей и прочих бабок-шепталонок больше, чем врачей, а на них всегда удобно свалить любую медицинскую неурядицу. На этом приятном основании

глава райгорздрави уже давно не изводил себя врачебными реакциями. Любил учинять инспекции, к себе визитов не допускал, зато даже в театр и на именины приходил исключительно в белом халате и даже кичился всегда тем, что у него самый белый халат в городе. Но сейчас он как-то невзначай вспомнил, что ещё в школе слышал о том, как Чичикова осаждали болезненные и неживые души. Тут райгорздрав побелел белее своего халата, потому что «...ему представилось бог знает что; что под словом мёртвые души не разумеются ли больные; умершие в значительном количестве...» в его лечебнице или в морге. По дряхлости умершие? от известного национального баловства при общении со стаканом погибшие? Или же сделавшиеся усопшими в период эксперимента, когда он передел всю свою родню в белые халаты, чтобы спасти деньги, свалившиеся на него с неба для большого национального плана по закупке термометров, каталок и перегородки паркетов и лепнин в своих апартаментах собственной его врачебной управы... А родня, не будучи уж совсем дурой и не без его указанья, конечно, подхватила себе заодно и аптеки города, а санитарные машины отослала ещё и в лизинг для доставки полезной и здоровой пищи из мест оптовых продаж...

Так уж не приехал ли Чичиков из крайздрави с секретным поручением для тайного след-

ствия?.. – задумался райгорздрав и принялся про всяк случай собирать со своих сродственников Чичикову доклад.

Один пасмурный и безбедный начальник ИТК с неисправимо-журльнической репутацией, увлекавшийся теперь только сбытом разделочных досок, ножей и черпаков, сделанных руками вверенного ему контингента, вспомнил вдруг, как на Ивана Купала в его элитной одиночной камере выявилась досадная неприятность. Однажды там метким выстрелом в грудь, а затем ещё и контрольным – себе прямо в лоб и от стыда за доказанный факт кражи шапок – покончил жизнь самоубийством матёрый городской карманник и барыга Свирид Конопатый, традиционно державший в страхе пятьдесят один процент площадей городского рынка. Дело даже и не в том, что он совершил свой суицид со связанными руками. Сделал он это днём! причём демонстративно! в присутствии двух свидетелей, а именно тюремных надзирателей, что за его действиями зорко исподволь следили? Застенчивого начальника исправительно-воспитательных дел вдруг осенило: – Уж не зарыт ли в этом досадном факте вызов всей его системе бизнеса, не одним днём строенной? Так уж не является ли Чичиков руководителем бесстрашной братвы из Опощьянского рынка краевой столицы? Уж не прибил ли он сюда для проведения личного дозна-

ния с пристрастием? Уж не надумал ли он себе пройтись по чужим следам? Поискать, например, потерянные корявым Свиридом в его личном кабинете нутриевые зимние шапки в форме пирожка, задумался застенчивый тюремщик.. А не устремить ли ему на Чичикова свои превентивные меры в виде инкрустированного кухонного набора для разделки мяса и рыбы с бонусом на весь гарнитур из карельской берёзы в приложение?

Открыли свои кибитки проездом гастролирующие в городе цыгане и принялись разыскивать Чичикова суверенно, чтоб настучать ему на всех сразу. Случилось так, что их шефа чуть ранее без суда и следствия продержали в полицейском обезьяннике не меньше недели без вина, табака, гитары, адвоката, ясных требований и ни за что? Именно тогда во всех киосках «Край печати» кто-то затеял бесстыдные игрища. Он, почитай, за бесценнок сбывал расфасованную под видом алтайского чая с неприличным в их разумении брендом «Вещдок барона», но не алтайскую, а натуральную амурскую коноплю. Цыган трогало только имя злодея, устроившего в городе демпинг, и что ему теперь за это злодеяние будет?

В районе зашевелились раскольники и выступили практически против всей власти сразу. И это не случайно. Дело в том, что к бывшей центральной усадьбе колхоза Буянова Бала-

боль рейсовый автобус из города NN продолжал оставаться в расписании. Он и пробирался туда по бездорожью и, как обычно, по вторникам каждого нечётного месяца. А вот в отношении их заклятых сподвижников по сбыту несертифицированной самогонки из селпо Бузиновой Баламути, находящегося тремя с половиной километрами севернее, началась полнейшая дискриминация, и ежеквартальную регулярность пассажироперевозок из расписания изъяли полностью, о чём даже по радио сказали. Это расколело деревенских специалистов на два непримиримых лагеря, консолидированно решивших за столом переговоров: в поля и огороды местного кулачества для рытья репы – не ходить и точка!

В дело ввязались даже независимые городские бандерлоги. Они объявили, что легко организуют выезд к месту транспортных неувязок и осенне-полевых работ господина Чичикова, а тот с народами разберётся лично. Взамен бандерлоги продиктовали даже телефонограмму, где озарили персональный райдер Чичикова для гримёрки, бильярдной и бани по-чёрному. В райдер Чичикова они включили копии заверенных списков жителей обеих деревень по положению на первое июня 1913 года, виски «Джек Дэниелс» в литровой таре, воду «Vittel» без газа, зелёные яблоки, ромашковый горячий чай с натуральным молоком,

«...тонкие голландские рубашки...» и недешёвое *«...мыло для сообщения гладкости коже»*, импортное тоже. Что касается райдера самих бандерлогов, то здесь они оказались непривычно скромны. Обозначили лишь ящик водки «Белуга», жареного поросёнка, сметану домашнюю, горячие пирожки со шкварками, луком и картошкой и огурцы солёные в рассоле охлаждённые, а взамен трёхразового питания – суточные.

Один видный экономист из Краснотупиковска, а именно Иван Иванович Хитрогрызов, исполняющий тайную ревизию районного исполкома по мелкому рогатому скоту, много чего интересного про скот рассказал по телевизору, а на конце поделился с аудиторией даже свежим анекдотом про местную экономику. После его телеэфира сделалась такая неразбериха, что началась тотальная распродажа слежавшейся на складах соли. Правда, потом люди справились с этим делом полностью, потому как нашлась ещё и нейодированная соль с тёмными наценками, зато во всех киосках «Край печати» кандидата в мэры № 3, младшего совладельца «Хайкомбанка» Эдика Хайгуллина.

«Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами...», ранее торговавший слегка забродившим свежевывятым яблочным соком, перевёл свой бизнес на пивные дрожжи и крышки для сезонной консервации. И в этом

он ничуть не прогадал, потому что теперь разъезжал только на такси и с охраной, что перешла к нему от Мудрецова после появления там неясных приставов. Кто его надоумил к смене ассортимента товаров потребления, неизвестно, но бытовые мысли о Чичикове явились, ибо спекулятор теперь уже козырял моднейшим кашемировым пальто цвета утреннего кормового люпина последней декады мая.

Отличился даже отставной прапорщик, что ранее был известен лишь тем, что неделимыми вечерами корпел над пивом и нардами в пельменной и бесконечно болтал об итогах эпидемии местного воровства и её влияния на дармовую приватизацию. Как-то утром он широко распахнул ранее заложенные кирпичом резервные двери собственной квартиры на первом этаже и объявил об образовании магазина непромокаемых юфтевых сапог, всепогодных солдатских шапок и общевойсковой фурнитуры на блесны, чему сильно обрадовались все рыболовы и скотники района. Так уж не Чичиков ли его на это надоумил, заподозрили любознательные люди? Ведь прародитель Чичикова когда-то немало дел имел с провинциальной скотиной, да и рыбалку у помещика Петуха видел собственными глазами? О них точно не могли бы в городе позаботиться без команды сверху! Кто-то ведь понял, где лежит ключик к их голосам и душам?

«Одна знатная, почтенная дама просила особенным письмом...», чтобы в мэрии срочно озаботились ею, ибо она на Первомай понесла, а сейчас вспомнила и думает, что отцом её будущего ребёнка вполне как мог бы оказаться и Чичиков. (Здесь фамилия Чичикова впервые употребилась в официальных документах новейшей истории города NN). Сообщила дама, что наиболее вероятный отец её будущего ребёнка ей не пишет, на её запросы ничего об алиментах не сообщает в ответ и от неё куда-то скрылся. Не была бы эта озабоченная дама – даже перо наше не поворачивается царапнуть и тем сообщать вам – «членом» одной весьма влиятельной партии, обращение хода бы, конечно, и не получило. А так пришлось умным головам читать и этот документ, а затем ещё проводить пленум и утверждать безотлагательное партийное расследование о моральном облике Чичикова в случае его неосторожного вступления в их ряды.

Всем потребовалось всё выяснить предельно точно, но выяснять оказалось не у кого. Но и это ещё не всё. Один тщеславный зодчий, что давно уже метил в главные архитекторы города вместо загулявшего архитектора Мамагонова, через свою тещу разогрел своё завистливое окружение до опасного кипения. Из её слов узнали все, что по заказу одного неотёсанного грубияна при деньгах, одиозного и опасного

для всего городского общества коммерсанта жёстких понятий зодчий, её зять, спроектировал выдающуюся по альтернативе всей остальной архитектуре города пристройку к его уже и без того неотёсанному дому. Этот его дом-2 на бумаге выделялся уникальным высотным сооружением и в проектной декларации именовался как Биг Ден. А поскольку он много в чём превосходил аналог свой со стороны Англии, а именно Биг Бен с часами, то прояснилось, что вскоре все остальные часы города будут идти ровно по Гринвичу, а не так, как этого кому-то хотелось бы. Появились сведения, что по поводу этому уже всерьёз занервничал официальный Лондон. Что посредником в урегулировании скандала между островитянами и генеральным заказчиком проекта, калифорнийским серым китом районного бизнеса Деней Гробороем, согласился выступать сам господин Чичиков. Что делает он это по отчаянной мольбе, страшно даже сказать об этом, с самого дипломатического верху. Трудится он для спасения города от неминуемых европейских санкций, хотя Франция присоединяться к ним сразу отказалась. А вот секретная служба красной столицы жёстко выступила на стороне англичан, поскольку губернаторский вертолёт с их хозяином при заходе на кабана или лося обычно снижается до дистанции убойного выстрела именно со стороны Денёкиного огоро-

да. Но службу аргументированно успокоили эксперты и стройнадзор, заявив, что половину строительных материалов всё равно растащат по дворам, а потому каланча Денёки выйдет многим слабее проектных вершин и вертолёт уверенно вырулит на рубеж открытия губернаторского огня. В общем, полный караул, и ещё выше в городе NN поднялся кипеш неопределённости в том, какие стройматериалы здесь можно будет зашибить бесплатно, а также об основных видах на дальнейший расцвет города NN с этими стройматериалами.

Зодчий, по словам всё той же его тёщи, и на этом не остановился, но другие тонкости и без жениной мамы уже через её дочку узнали. Оказалось, что набросал он жилой монолит с нарядными бассейнами, энергосберегающими фонарями и люстрами, антивандальными подъездами и подвесными садами, где непрерывно растут пальмы и колосятся дармовые бананы, сушёные финики и свежие помидоры черри. Зрелище получилось изумительной красоты, на что клюнули как обманутые, так и пока ещё не до конца обманутые дольщики и принялись переводить деньги на опубликованный в «Чистой правде» крупным шрифтом счет якобы владельца этого пятна застройки, а именно Чичикова Павла Ивановича из Херсона до востребования. В этом проекте господин Чичиков город уже не защищал, а, как многим

показалось, навалился на вопросы социальной поддержки и надёжной защиты населения. *«Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видно, но даже не слышано»*. Людьями до Чичикова здесь раньше никогда же и никто не занимался! А строителями, что вот уже лет пять как морочили головы по вопросу возведения жилья для обманутых дольщиков, *«... были даже подкуплены люди, чтобы под вечерок в тёмном переулке поизбить нашего героя»*. И они, несомненно, сделали бы это! Но здесь у них завязалась неувязка. Избить ли им зодчего зятя и тем самым попасть в бетономешалку его тётчи – главной бухгалтерши их стройуправления? А затем ещё и под стволы правосудия бешеного Дениса Викторовича Гробороя угодить, которому зодчий зять до монолита каланчу проектировал? Или же применить меры физического воздействия персонально к Чичикову? Но его ведь в городе пока ещё никто убедительно не видел? А потом, кто стоит за Чичиковым, если он, как говорят, даже охраны и пистолета не имеет? Здесь уже даже бандиты со строителями разделились на две непримиримые партии... Словом, заказчики злодеяния с его воплотителями заспорили, но так к единому мнению и не пришли.

Но публике от этого стало только лучше. Потому что сбылись предсказания одного про-

рока, который *«...пришёл неизвестно откуда...»* в красном китайском пуховике и мексиканской шляпе и каждодневно сидел перед ЦУМом на армейской табуретке с инвентарным номером в/ч, где с гибкими скидками продавал намагниченные здоровьем перья и щебёнку от натоptyшей и сглаза. Пророк мастеровито рассказывал хлёсткие политические анекдоты, вербовал горожан в партию Огромного и Бесконечного Счастья и умело щёлкал мыльницей. Здесь мы чуть было не сообщили читателям ещё одну правду, что к партии ОБС одновременно причесалась и Партия Единого Порыва, впоследствии аппетитно поглотившая ОБС, но вовремя остановились. Застопорились здесь мы только потому, что такая откровенность была бы хороша до поры до времени, а в ту секунду она могла бы сильно навредить всем остальным партиям города и невыгодно для них аукнуться во всех итогах избирательной суеты.

Так вот о людях, что на фотографа повелись! Тем гражданам, у которых на снимках пророка из мыльницы глаза получались красными, что могло случаться только на похмелье или в фотошопе, а перед ЦУМом фотосессия происходила без всяких ухищрений, пророк предрекал недалёкие деньги, что сбывалось тоже. Вскоре и точно все и без проволочек получили свои пенсии и зарплаты. Понятное

дело, что осенние дни резво подлетали к выборам, и с деньгами в администрации города бесчинствовать уже не полагалось, да и партия, образованная пророком, крепла прямо на глазах. Так что пророка зауважали ещё больше, чем всех кандидатов в мэры, и даже хотели было уже собирать подписи и в его личную пользу для избрания, но потом чего-то подумали-подумали и передумали.

Кандидаты в градоначальники обильно поливали друг друга грязью и сходили с дистанции, завещая свои голоса то в пользу Бронькина, то в пользу действующего, но пока ещё бездействующего мэра, потому как тот из Франции пока ещё никак не явился. А то и в пользу депутата и воротилы всех девяти киосков «Край печати» и банкира тоже – Эдика Хайгуллина-младшего, у которого старший брат банкир ещё и в администрации города числится. В банке в эти дни было тоже всё спокойно, но в киосках, кроме пива, чипсов и гламура, теперь уже сбывались предвыборные листовки Бронькина и его фотографии с избирателями. Сбывались своим людям и так, чтоб даже Хайгуллин-мл. как кандидат № 3 был не в курсе этой смелой акции на его объектах, что нам весьма сомнительным кажется.

Любопытнее других выглядела фотокарточка, где руку Бронькина крепко жал нездешний интеллигентный мужчина, а другой своей

рукою он дружески похлопывал Афанасия по плечу. Что интересно, что на фото от него броско виднелось одно лишь правое ухо. Случилось такое, потому что на постановочных съёмках, как говорили свидетели, этот Аполлон так сострадательно вглядывался в физиономию отчаянно бесперспективного кандидата в мэры № 3 и аутсайдера этой гонки Эдуарда Хайгуллина, будто бы намекал ему: *«...пойдём, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу»*. Скажу, что твоё время ещё не пришло, но оно наступит. Поэтому и бесперспективный Хайгуллин, и довольный Бронькин в парадном мундире капитана на фотографии получились очень контрастно, а вот тот человек никак не вышел. Правда, потом, чтобы избежать недоразумений, фотку снайперов объектива на обороте и снизу подписали: «П.И. Чичиков сделал свой выбор в пользу народного кандидата №1 гвардии капитана запаса бронетанковых войск А.П. Бронькина». А Бронькин, в тридцатый уже раз, при очередном выступлении перед избирателями взбеленился на армию за то, что так и не получил майора, и пообещал в перспективе её компетентно реформировать к чёртовой матери, а воинское звание «майор» – упразднить.

Изрядно всколыхнул думающую общественность случай, происшедший во время выступления Бронькина перед торгашами-суб-

арендаторами из бывшего заводоуправления исполина нестандартного машиностроения. Там Бронькин уже успел рассказать избирателям, как отца мировой демократии Прометея за политические амбиции приковали цепями к скале, а в ходе его страданий господин Геракл, по согласованию с товарищем Зевсом, принялся за его освобождение. И он уже начал было плести аналогии о себе и господине Гармошкине, так в зале появился человек в кашемире нараспашку, отутюженном костюме брусничного цвета с искоркой и в модном галстуке наваринского пламени с дымкой. Человек прямо с порога и приятным голосом немедленно потребовал от Бронькина сейчас же подписать гарантийные письма на оплату ужина всему штабу, потому что продукты уже следует закладывать в котлы и этим он, конечно, смазал публичный эффект по ранее заготовленным Афанасием греческим аналогиям.

А затем стало ещё сквернее. Сунулся лишь Бронькин разъяснять учителям гимназии обо всём просвещении в дистиллированном виде, как досадный случай опять-таки системно повторился. Бронькин уже осветил было всю ширину злокачественности современного образования, преимущества его недостатков и принялся было за методику преподавания ОБЖ и теории физической закалки по Сухомлинскому. Тут его речь и прервал стук копытообраз-

ных каблуков по линолеуму учительской, а на каблуках снова оказался тот же человек, но уже в другом искрящемся костюме, хотя и в прежнем кашемировом пальто цвета увядающей астильбы. Кремовой. Человек этот и якобы действительно Чичиков опять-таки оборвал Бронькина прямо на самом главном полуслове умело напечатанного текста и вновь приказал ему с удивительной вежливостью, но тотчас подписать гарантийные бумаги на вечерний коктейль для доверенных лиц и активистов пятой колонны, недружественных ему партий и коалиций.

– Доколе это будет продолжаться? – вскипел прямо в учительской гимназии Бронькин и даже не вполне цензурно ругнулся. – Письма и счета копеечные, а вы мне этими бумажками никчемными не даёте размахнуться для продолжения эффективного функционирования! К чему вы стремитесь, господин креативный директор?

– *«Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали?»*, гражданин начальник, с сердцем, но будто бы слегка виноватым змеем прошипел человек в кашемире с застывшей на губах обворожительной улыбкой и сообщил кандидату № 1 на ухо свой выход из заострившегося положения.

Афанасий Петрович сильно не любил забивать себе в план ранее незапланированные

дела, потому он в этой же учительской и подписал себе с особой важностью полнейший килограмм предварительно припасённых чистых бланков гарантийных писем и требований. А человек в кашемире тут же и ответил ему жадной служения. *«Как он ни был степенен и рассудителен, но чуть не произвёл даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости»*, да и постучал себе дальше своими высокими каблуками-копытами с берлоги знаний и ЕГЭ куда-то прочь в своё логово.

После удачного разрешения столь досадного недоразумения в учительской гимназии Бронькин перед избирателями тренькал языком теперь уже безостановочно. Зато письма и требования его, словно участковые полицейские, вихрем носились по городу, штаб его взял ещё более высокую ноту в работе, а человека в кашемире уже больше никто и ни разу в городе не встречал и не видел. Но городское общество постепенно охватывал, причём со всех сторон сразу, беспрецедентный уровень консолидированного консенсуса в отношении будущего мэра, человека яркого и разговорчивого...

Впрочем, кандидат в мэры города Эдик был тоже сам себе на уме, да и тем ещё фруктом, что называется, совладельцем «Хайком-

банка». Хотя многим показалось, что младший банкир Эдик на всю эту историю с выборами забил [гвоздь]¹, поскольку перед избирателями, как и человек в кашемире, как и действующий, но пока ещё бездействующий мэр, совсем пока ещё не показывался.

А старший брат Эдика – Марсел – в том их банке был совсем головой, а к тому же ещё и состоял начальником управления высокой культуры администрации города. Эту повинность он исполнял уже не первый год с редкостными идеями окультурить банк, обанкротить культуру, приватизировать доходы, национализировать убытки и успокоить свою совесть мыслями о банковском будущем своего младшенького братишки.

²

¹ Отсутствующие в рукописи второй части слова, вероятно и чаще всего второпях недописанные автором, но необходимые по смыслу, введены в прямых скобках

² В рукописи далее недостаёт одного листа

СОХРАНИВШИЕСЯ ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К ПОСЛЕДУЮЩИМ ГЛАВАМ

«А между тем завязалось дело размера беспредельного...» Доброхоты походя дали знать первому заместителю градоначальника, временно, но вечно исполняющему долг самого головы города, что доносы на него строчит главный федеральный чиновник по налогам и сборам. А тому нашептали, что его кум из полицейского околотка, что ныне отзывается лишь на званье «врио шерифа», давно уже принохивается к его хлебному налогоотбирающему креслу. Что, кроме того, полицейский его кум неритмично дышит в сторону своей налоговой кумы, хотя та линейной полиции не даёт даже чайный. Что вопреки устремлениям полицейских и кума налоговая благоверная для отвода чужих глаз направила свои амурные касательства в гибкого ловеласа парикмахерш райцентра Ивана Никифоровича, а сама хитро спекулирует мужниными щекотливыми секретами в пользу отдела борьбы с наиболее организованной преступностью. С этим запасом достовер-

ных знаний крепко сплочённые соратники борцов, но уже из бригады умело организованного криминала, во имя умножения своей прибыли за напряжённость и ненормированный рабочий день легко себе выбивают зависающие недоимки. А упомянутый выше отдел борьбы изо дня в день получает себе премии размером в оклад каждому, хотя и оптимизируется вниз вплоть до окончательного сокращения в штате.

Затем *«...пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало»*. У кого именно и какая имеется полубовница, сколько она стоит в сравнении с другими содержанками и из каких огурцов производит себе увлажняющую маску. И чья дочка в самом деле от кого именно происходит. А чьему дитю и за что в школе натягивают пятёрки... Всё сводилось к тому, что без руки Чичикова здесь никак не обошлось, и чтоб не лишиться весу и положения в обществе, *«...к нему должны все были обратиться за советом»*. Народ притих, понимая, что доберутся и до него, но небывалая паника всё же воцарилась. Большая часть народа засела в чайхане «Вечерний Душанбе», а остальные разбрелись кто куда. Одни уткнулись в мамалыгу в «Молдове», другие затаились в «Самарканде» за бараниной, а в «Пекине», например, китайские гастарбайтеры из числа авангардных дизайнеров по лаптям и матрёшкам съели сразу всех

уток, что привезены были туда наперёд на весь календарный месяц. В «Огнях Клондайка», что на Базарной, дом 1«Г», пирожки с яйцами и рисом ещё до обеда кончились, и стало совсем тошно, но не всем, а тем только, кто ими причащался. На тридцать три санитарных дня захлопнулись «Бешеные ерши», но «Акулька» по-прежнему оставалась на спецобслуживании. И все олигархи города, чтоб не полаяться с дисспорами из-за столов, что перед эстрадой, понуждены были перенестись в пельменную-закусочную «Стопарь плюс».

Доносы о дестабилизации дел в городском общепите NN докатились даже до Краснотупиковска. И вдумчивый читатель мог бы тут удивиться: чего это они туда не докатились ранее? Да нечему тут и удивляться! Санитарные врачи здесь всегда зоркостью отличались и причину тошноты от перенасыщения излишне качественными пирогами сразу записали. Да и другие городские власти рапортовали наверх обычно скупно, поскольку в городе NN дружили или плевались меж собой не люди, а должности. А у них, как известно, кухня всегда без чёрного дыма. Наверх благородные чины радостно доносили лишь о том, как нехорошо завязались кабачки и дурно взошла свекла в соседских огородах, а что до своих репейных грядок, то в сторону олимпиа они, как правило, лишь продолжительно и непроницаемо помалкивали. Впро-

чем, и крайцентр верховную столицу просвещал тоже не богаче.

Принялись и в Краснотупиковске все недоумевать и копать сверху вниз: кто он, Чичиков, да откуда? Что он за птица и какие у неё перья, если по заслуживающим доверия слухам якобы уже скупает весь город и район и не делает снисхождения даже организациям и учреждениям всевозможных форм собственности? Вначале дорога повела их сыщиков прямо к Гоголю, и науськанные губернией службы бросились в учреждение Мудрецова. Глядь! А там про Чичикова нет ни одного слова?! Сведений о его подложном завещании от имени покойницы Александры Ивановны Ханасаровой из второго тома «Мёртвых душ» – нет!?! Ни платёжек о покупке душ, ни выписки из таможенного приказа о его приёме на работу или увольнении? Дела о контрабанде – сданы в архив, а в какой – не ясно! Дело о работе повытчиком – мыши съели! Документы о службе в комиссии для построения какого-то весьма капитального строения – утеряны так безнадежно, словно бы Гоголь и первого тома о Чичикове не написал вовсе? Даже про самого Гоголя, что родился (не пойми как, но узнали) под фамилией Яновского, ни одной книжки на полках им не встретилось. Последнее, как потом все догадались, произошло для страховки перспективной неясности: поместится ли в сто лучших книг учебного ми-

нистерства всей страны для прочтения школьниками Гоголь или туда проберётся Яновский? Или попадёт в этот реестрик на оба освободившиеся места кто-либо из значительных краевых классиков, которых развелось уже числом немереным?..

Кассиршу Зульфию, правда, всё же уложили конфетами на лопатки. Выманили у неё сыщички «Райскими трюфелями» твёрдые сведения, что Гоголя по дисконту брал себе оптом Бронькин, а подзуживал его к этому, скорее всего, Чичиков. И чтоб ему, этому Бронькину, вместе с Чичиковым ни дна ни покрывки! И чтоб ему, этому Гоголю, больше ведра жжёнки и макитры галушек в день не выдывать! И повезло ещё, что подвернулась сыщикам на углу велеречивая тётя, существовавшая библиотекаршей ещё в те годы, когда на месте теперешнего Дома европейской моды «Ню» догорала библиотека. Она-то и показала, что один очень умный первый секретарь крупнейшего генерала {таких и сейчас немало}¹ однажды и небескорыстно, конечно, и по велению самого господина Чичикова произвёл «...уничтожение запачканного его послужного списка».

Тут все следователи развели руками и хором вскричали: «*Этот человек точно гений!*»! А пер-

¹ В нескольких случаях зачёркнутые автором, но важные для смысла слова включены редакторами в текст в фигурных скобках

вый заместитель мэра и и.о. мэра районной столицы в том же лице единственном бросился теперь уже конкретно {даже людей} расспрашивать. Весь город переспросил: «Откуда у нас взялся Чичиков? Почему я не знаю?» Молчит город, не даёт ответа. Решил допросить Селифановфа: «Кто Чичикова привёз?» Тому, известное дело, чтоб объясниться «в чём дело?», даже с эмоциями, обычно трёх-пяти букв всегда за глаза хватало. Но в этот раз Селифановф на все вопросы о явлении Чичикова народу с циничной грубоватостью молчал, невыразительно икал ртом и мотал головою. (Гаврила так делал всегда, когда был в чём-то виноват или пьян.) Так что и его ответы результата не принесли. Его таксомоторная пехота на все вопросы лукаво лыбилась физиями и презрительно безмолвствовала, поскольку расстёгивать рты ей без разрешения своего бригадира не полагалось.

И.о. мэра – мухой в гостиницу. Там пусто, если не считать тараканов и дерущихся меж собой за картами командированных офицеров, а из ясных постояльцев – один, лишь макроэкономист Хитрогрызов, да и тот сейчас в номерах не один. В соцжилнайме сказали, что человек по фамилии Чичиков квартиру нигде не получал, не снимал и не сдавал. На бирже труда – ни Чичикова, ни труда, а у остальных обед. Он – в райгорздрав. Там и правда нашёл-ся мужик с фамилией на «Ч», но Чижиков, а к

тому же и умер он ещё позавчера, и как заявили, от усердия докторов и на основании чрезмерно интенсивной терапии. С довольствия в столовой больной этот пока ещё не снят, а потому, мол, имеет право состоять и в списках. В Главапу тотчас изрекли, что работа у них щепетильная, нервная, что кругом враги, земля и люди и что без санкции действующего мэра они информацией ни с кем за просто так дробиться не собираются. Мэр в Париже, чтоб он оттуда пожизненно и не вернулся, вот туда вы, дескать, и обращайтесь. И.о. в райгоробраз – не учился, потом в райгоркомзем и даже в пролеткульт – в районный ДК, где к его двери в тот час именно такое слово манило. Никто Чичикова не видел, не слышал, но знают все, что зовут его Павел Иванович, что умеет он «...хорошо держать себя», что есть у него мобильный телефон, костюм редкостного цвета и пальто из чистого кашемира. Что будто бы прямо сейчас берёт он себе в аренду под японскую чайхану здание РОВД на 49 лет за один рубль в год с перечислением средств всегда 1 апреля и гарантирует повышение по службе на одну ступень каждому полицаяу без исключения на финише этих арендных сношений. А вот кто Чичикову сдаёт этот дом – загадка, так как полицеймейстер города Иван Антонович Дергусов числится в отставке и сейчас, кроме дочерей, никого к себе в кабинет не пускает, или

сидит на даче, а у его заместителя никакого права подписи совсем нет.

Задумался город. Это ж как надо власть довести, чтоб она безрезультатно по городу своими ногами лично бегала? – Правильно думают, – согласился первый заместитель мэра, закусил в пельменной с олигархами всухомятку, чем бог порадовал, и ринулся впрягать в работу всю мэрию, подумав ещё раз о Чичикове, как он никогда не думал о нём до этого. Чичиков такой человек, подумал он, «...которого нужно задержать и схватить как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех как неблагонамеренных»? Но Мудрецов давеча свои поставки к круглому юбилею, чего-то сдуру выдуманного мэрской культурой, опять сорвал, а на сухую голову ему давно уже ничего полезного головой не думалось, и беспросветная темень сгустилась над всей поисковой операцией. Впрочем, такое же состояние подняло внутричерепное давление и у среднего звена исполнительного аппарата мэрии.

Честно заметим, что была и такая минута, когда и.о. и он же первый зам мэра даже люто и бешено радовался, что не нашёл Чичикова. Тогда он даже согласился со своими мыслями, что Чичикова в городе, значит, нет! Но давление сверху принесло новую волну отчаяния, и послал наконец-то и.о. врио полицейского шерифа

фа арабским скакуном ловить Чичикова своими силами дальше.

Побежал врио шерифа полиции туда, сюда, потом к попу Феофану, авось тот про Чичикова что знает? Аверкий Семёнович в ту минуту был сильно занят. Он ломал рассудок над свежим прейскурантом житейских ритуальных услуг, копался в котировке цен по норковой шубейке для матушки и расследовал вопросы: – Уж не она ли это без всякого ведома запустила свою ручонку в дубликатную церковную кружку? и откуда это у неё взялись серёжки из жёлтого металла с фионитами? И хотя его в тот миг совсем уж засосало мещанское болото отставного служителя, вспомнил Гармошкин про долг, и пробудился в нём патриотизм необыкновенный. Отодвинул Гармошкин на секундочку свои дела в сторону, раз такое дело у силовиков закипело. Поднял голову, призадумался, затем пожал плечами в ответ на вопрос врио шерифа, но ухмыльнулся как-то уж необыкновенно вдохновительно, а на словах только одно и произнёс: – К Пиявкину ходите, к Безахиллесу Сергеевичу. Если Чичиков и правда дислоцируется в боевых порядках нашего прихода, то ИНН и всякие другие мирские прибаамбасы в налоговой службе уж точно зафиксированы. У них там всегда порядок такой, чтоб знать, из кого и сколько содрать вовремя.

– А ко мне не ходите больше, – несладко вздохнул Гармошкин, – сейчас я лицо уже не юридическое, а физическое и даже в некотором роде коммерческое, то есть за штатом и не при делах. Могу я, конечно, всё, но через контракт и предоплату являющихся ко мне сторон. Больше ничего в кредит не отпускаю.

Побежал и прибежал туда к налоговикам врио шерифа весь в мыле. Выяснилось, что поп даже из отставки точно в воду глядел.

– Здорово, кум, – говорит врио шерифа, – справка на Чичикова есть?!

– Может, и есть, а может, и нет!

– Гони её мне сюда, и немедленно, это выемка документов!

– Выемка, гы-гы-гы! Бери на хрен всё, что хочешь. А может, пока что накатим?

– Можно и так, но коли одно дельце подтвердится – и куме твоей, и тебе крышка!

– Удивил ты меня! Я семь лет как без крыши ни шагу и у неё под колпаком.

Накатали беленькой потом ещё дважды, а под хурму и четвёртая пошла. Принялись они читать вместе с кумом Безахиллесом документы и тут же чуть не померли оба. Написано всё про Чичикова точно, но не Гоголем, а Булгаковым М.А.: про имя и отчество; про то, что Чичиков именно Гоголь своим в доску считает; про скупку душ до революции; про «ни то, ни сё, ни чёрт знает что», про сочувствие никому неведо-

мой партии, про волнистые зигзаги в графах о судимостях и даже один длинный прочерк нашли жирно отпечатанный на машинке в графе «порядочность». Кое-что от руки дописано, как и то, что круг друзей Чичикова предельно узок и бесконечно далёк от народа. Так что, мол, больше уже не ищите!

Ухватились они за эту ниточку и принялись самого Булгакова М.А. вынюхивать. А тот не лыком шит: в ЖЭКе про коммуналку от него ни слова, в паспортном столе не числится, в загсе не только не женился, но даже и не разводился, ни одного раза. В одном-таки им, и правда, повезло, что нашли они ненароком ООО «БиСН и ВР ltd», уже на самого Чичикова записанное, но лишь в стадии регистрации и с юридическим адресом, указывающим на поросшую лопухами клумбу у грузовых ворот завода ЖБИ. Это когда Булгакова искали, такое нашли, а если бы его не искали, то за Чичикова бы уж точно и не зацепились бы. Потому как они чуть было не ухватили ложный след. (Здесь кисло информированные подхалимы, алча стремительно продвинуться вверх, ляпнули им, что Булгаков по батюшке Афанасьевич.) Следопыты чуть было не кинулись на Бронькина, надеясь, что Булгаков мог оказаться неавтономным его сыном, а танкист ООО в бумагах о собственности утаил и объегорил весь избирком города полностью. Устояли...

Но ещё темней стало в очах следопытов и в чернильных душах мэрских служащих после пятого наката: ООО «БиСН и ВР ltd» никак не поддавалось разуму. Привычным виделось лишь ООО. У каждого в мэрии имелись свои простительные шалости в откатах, обсчётах, обманах в виде ООО по тротуарам и объявлениям на заборах, по уличным лампам и столбам для каждого сечения проводов на них в отдельности, по очередям в детсады и школьным обедам, по... Да разных ООО. О бичах со свалки тоже все всё и так знали, а вот ВР ltd? в чём тут фокус?

Школьная англичанка за перевод текста взяла шампунями и заключила, что общество, ограниченное в ответственности дважды, как в нашем, так и в английском прочтении «ltd», и народ снова о будущей каланче Биг Дена заговорил:

– Правильно Деня за Лондон взялся! Это ж что такое, если ответственность двойная? Платить откаты и в рублях и в фунтах их стерлингов или евро?! Не будет этого!.. – буреломной тайгой зашумел народ.

Что же касается ясности в определении в точности, какие ещё буквы в названии считать английскими, а какие, наоборот, британскими уже не считать, то постичь этого, как указала учительница в заключении, никому непостижимо. На ВР она, правда, уверенно указала, что

это «Бритиш Петролеум», и в городе начались перебои с бензином, а на автобусников набросились со своими канистрами таксисты, и пассажироперевозки временно застопорились, хотя и ненадолго.

Когда показалось, что жизнь в городе NN совсем остановилась, выяснилось, что всё это не более чем нетрезвое преувеличение. Свежие показания прилетели от бизнесмена, что всегда на углу проспекта под большим хмелем ровнял перекошенные каблучки и заливал импортным клеем подошвы дамской обуви. Негоциант якобы своими глазами видел, о чём поклялся даже собственной будкой, заваленной товарами двойного назначения, как в компании двух братьев Хайгуллиных из «мерседеса» с незнакомыми номерами вылез господин – по приметам точная копия Чичикова. И как эта копия тремя шагами позднее мягко, но торопливо скрылась за первой линией обороны банка Хайгуллиных. При этом охранники человека этого встретили радостно, хлебосольно и по ковровой дорожке, под руки придерживая, проводили прямо в банк, зато долго и придирчиво проверяли документы у самих братьев-банкиров. Позднее в пельменной кто-то из экспертов под текилу с селёдкой задумчиво обмолвился, что ООО «БиСН и ВР ltd» – на самом деле «Бронькин и Чичиков и их Вторая Рота», под кофтору Афанасием остроумно закодирован его

избирательный штаб. Из-за таких ребусов, что немислимы даже для включения в техническое задание на перевод текста, в мэрии решили шампуни у англичанки обратно уже не отбирать и считать задачку распутанной окончательно.

На том же пельменном собрании олигархов города Мудрецов поначалу сидел тихо, как мышь под веником, и в этом коллеги зафиксировали приметы его незакоренелости на преступном пути как с захватом в плен архитектора, так и с похищением редкостных книг. Потом Мудрецов, конечно, всё равно напился и, старательно заменяя такие непечатные слова как [8 нрзб] другими, объявил всем о том, что теперь он взгромождает на себя сомнительную честь первым среди равных вломиться в непроторённую колею битвы с коррупцией. За такие речи Петрушку недовольные его декларацией олигархии живо заплевали. Он напился ещё крепче, принялся всем угрожать голой правдой, и решением коллектива пельменной «Стопарь плюс» был депортирован вон. Для этой операции Айгуль себе в помощь привлекла даже полицию. Уж чего-чего, а полиции в городе NN всегда было завались сколько. Немного позднее в учреждении господина Петьки Мудреца, который в этот вечер с какими-то сокровенными мыслями на лице и в компании двух депортирующих его полицейских бесцельно шатался

по городу в ушанке, валенках и с балалайкой в руках, явочным порядком, но торжественно и громко открылся торгово-ярмарочный комплекс «Легенда».

В городе заработали все телефоны, а в телевизорах в ту же секунду показался помпезный и наодеколоненный Афанасий Петрович Бронькин. Он бесконечно размышлял о грядущем, ссылаясь на большой опыт и ум своего креативного директора по фамилии Чичиков, и беспрестанно цитировал его наизусть по тексту господина Гоголя Николая. Самого директора и Гоголя по телевизору не показывали, а почему директор кривой, понять не смогли. Затем решили, что поскольку Чичиков *«раскланивался с ловкостью невероятной...»*, *«...сохраняя почти-тельное положение головы, несколько набок»*, то в этом и кроется его кривизна, что по новым правилам есть креативность. А Бронькин объявил, что порядок в городе принят утверждать с восстановления телефонных линий. И поклялся, что за перебой в телефонной связи; за то, что не запомнил дорогу к Собакевичу, а завёз Чичикова I Первопроходца к Коробочке; за то, что набрался до чёртиков в доме Маниловых; за то, что без разрешения выпил чапоруху водки у помещика Петуха – вскоре объявит Селифаноффу Гавриле выговор лично. О главном депутате Макоее он в этой «Пяти минутке истины» за весь час так и не заикнулся,

а Селифанофф молча крутил головой, хотя на его непроницаемом лице неожиданно образовалась удивлённая улыбка. Фамилии Манилова, Коробочки и Первопроходца он услышал впервые в жизни. А такого, чтоб пить водку с петухом, да ещё и получать на это разрешение, с ним сроду и не случалось.

Строгости к Селифаноффу крупно запутали всё народонаселение города, что мигом сообразило: Бронькин и в самом деле чего-то знает.

.....²

...³ отсверках бело-молочных колонн мэрии нежданно даже для её стражников блеснул и замер арендованный Селифаноффым у коротких приятелей «кадиллак». А когда из автомобиля, приукрашенного кольцами на капоте и печальными лентами по бортам, метелью вылетел Бронькин, охранники онемели. А опомнились, когда тот вместе с бухгалтершей Елизаветой Пронькиной и красным дипломом об окончании курсов сити-менеджеров заочно оказался уже в режимной зоне второго этажа.

Прямо с порога кандидат №1 заявил протест на отказ для его мероприятия в выделении актового зала клуба 3-да «Точэлектровинтаж» по

² Дальше в рукописи большой пропуск

³ Начало фразы утрачено

надуманной причине нескончаемой культурной занятости этого зала. Объявил своё жёсткое, но рискованное решение об увольнении по позорной статье за такую перегрузку зала банкира Марсела Хайгуллина-старшего, управляющего управлением культуры города. Затем разъяснил руководству города, что культура – это не «кадиллак», не телега, не рессорная бричка и даже не танк, для которых требуется управление в виде людей. Что ему как мэру города, чтобы управлять ею, управления не требуется, а живые деньги для этого он знает и без управления, у кого взять и сколько. Завершил он встречу с начальством тем, что потребовал в порядке информации разъяснить ему реальные условия оплаты труда мэра с учётом инфляции и собрать перед собой весь персонал, что собирали, конечно, с неохотою, но быстро.

В трибунной речи Бронькин снова вернулся к вопросу перегрузки заводского клуба и известил чиновников, что собрание своего актива вынужденно проводил на базе дяди Лысого Пимена в кредит, так что с премиями им придётся затянуть пояса туже, но не навечно, а лишь до конца его полномочий. Потом он кратко осветил истиной содрогательную биографию господина А.П. Бронькина, однажды уже реорганизованного в пух и прах администрацию одного районного центра с помощью бронетехники. И сказал, что новых чиновников он быстро ро-

дить не сможет и с его прибытием в мэрию прежние бюрократы в основном останутся на своих табуретках. Что по ходу дела выгонит он с работы лишь глав кадров и финансов, а также армию бездарных помощников и советников [что никого не удивило], заменив их ордой умелых главных советников и помощников, а также непорочных финансистов и неподкупных кадровиков [о чём все и без него мечтали]. Потом Бронькин по именам одиозных фигур и неразумных олигархов прошёл уже так, словно по двору крематория, давая всем разумение, для кого из этих нежилецов он теперь точно не пожалеет двух цветочков... При этом он тряс над головой газетой оппозиции и требовал глубоких знаний её абзацев наизусть.

Понабежавшие репортёры никак не могли взять себе в толк, работают ли они в «Чистой правде» или уже наоборот? Но все, как один, конспекты статьи Бронькина про Чичикова и его былую славу из противоборствующего им ещё минутой ранее оппозиционного журналистского цеха оратору показали. Затем осторожно и корректно позадавали трибуну бессмысленные, но удобные вопросы и, получив на них вычурные, но невнятные ответы, унесли всё это описывать. А по окончании потных, густых и продолжительных аплодисментов в сопровождении полицейской автомашины с мигалкой кандидат Бронькин тоже унёсся,

оставив возбуждённый зал наедине с новыми знаниями. За рулём его «кадиллака» восседал врио шерифа города со своей обычной глуповато-дерзкою физиономией, *«...которая всегда почти отличает полицейских служащих...»*

«В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване...» загородного Дворца приёмов управления культуры города NN потягивал с господином Хитрогрызовым и сухарями чай, Бронькин посетил замполита. И дело здесь в том, что когда он уже окончательно влюбился в своё собственно-мэрское отражение, то нежданно-негаданно ощутил на себе дуновение холодного ветра перемен. Увидал, что, с одной стороны, вся его неутомимая деятельность с помощью таланта Чичикова разгоняется чрезвычайно динамично и талантливо, а с другой – отчёты его штаба о проделанной работе выше креативного директора уже не взмывают. В штабе появилась тьма несанкционированных даже им отчётных бумаг олигархов, спекулянтов и недобросовестных налогоплательщиков. Отдельные тузы-бизнесмены неясно чего даже перестали здороваться с ним, а их переписка оказалась засекреченной даже от него или без пяти минут мэра Афанасия. Выяснилось, что по улицам голодными стаями бродят подписанные вроде как самим Бронькиным послания, наводящие на солидных бизнес-

менов страшный ужас. Что финансовые запросы, в письменах и от его имени изложенные, имеют такие дерзновенные суммы, что у лысого, как шаманский бубен, калифорнийского серого кита районного бизнеса Евстрата Акакиевича Мстюкина выросли полубокс и пейсы, а потом всё это встало дыбом. И чтобы не делалось от имени Бронькина в городе – ни точки сплетены были так, что для счастливого олигархического будущего и лояльности нового мэра к ним требовались политически мотивированные инвестиции и овалынные кредиты. Дошло до того, что банк Хайгуллиных перешёл на круглосуточную работу, а в казначействе даже потемнели хрустальные чешские люстры. Разом с тем штабные права Елизаветы Андреевны Пронькиной упали ниже некуда и сомкнулись на панели оплаты чайных церемоний для бюджетников и всеядных штабных секретарш.

Пробовал Бронькин вразумить своего креативного директора словами, но в результате лишь напрасно и отрывисто потратил время. Чичиков много изменился и в хамско-элегантной ответной речи напустил ему много туману ошеломительного и сразу и сказал, что заданные им стандарты качества создаваемого в электорате продукта позволяют ему надеяться на успех. И что этот яркий успех, сообщил он далее теперь уже почти с человеческой ухмылкой, ему удалось совершить по

методике И.А. Хлестакова, по которой так пылко сохнет его клиент Афанасий.

– Наполеон, выкопанный Бонапарт, – изумлялся Бронькин. – Рогатый чёрт из спальных кварталов хутора близ Диканьки, сатана с шинка, что у Гоголя по Опошнянскому шоссе бродит.

Да! Так вот о встрече с Феофаном. К нему-то и направился «кадиллак» Бронькина, чтобы вытребовать для его пассажира безгрешные советы и слова в усмирение неясной силы Чичикова как извне, так и внутри его штаба. А Аверкий Семёнович Гармошкин в тот день выглядел *«...живым и вертлявым до такой степени, что нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо»*. Казался он таким же, как и в самые космические годы своего армейского комиссарства. Однако в ответ на поступившее от Бронькина прошение он застопорил циклограмму движения, привёл лицо в философскую неподвижность, компетентно задумался и благочестиво окинул взглядом пустопорожнюю дубликатную церковную кружку, указав всем своим видом, что выходить на пиковое решение не собирается. После двух-трёх немых манипуляций он всё ж таки посулил Бронькину поразмыслить об этой услуге заново и ещё раз пораскинуть мозгами, поскольку с подлинными призраками, не отбрасывающими своей тени даже в книгохранилищах с недухоподъёмной маку-

латурой, да ещё и в формате физического лица, пока ещё не работал. Но Бронькин подготовился и к такому повороту дела, среагировал мгновенно *«...и в заманчивой перспективе изобразил необходимо последующую благодарность за добрый совет и участие»*. Гармошкин снова задумался и кивнул теперь уже умиротворяюще, что Афанасия Петровича Бронькина не вполне умиротворило. Поэтому он завернул ещё и к экстрасенсу, чтобы с его поддержкой и про запас законтачить ещё и с нечистой силой. Но в приёмной экстрасенса он натолкнулся на портрет Чичикова маслом, в золочёной багетной раме, на коне и в полный рост. Убедившись, что его креативный директор здесь уже свой в доску, он не стал рисковать, а всего лишь попросил экстрасенса сделать на выборах точный выбор и пригласил его билетами на свою инаугурацию вместе с его супругой.

Что касается последующих встреч с избирателями, то доподлинно известно, что Бронькин много изменился. Теперь каждое из своих выступлений Афанасий Петрович начинал с откровенного вопроса: [з нрзб] такая власть? – чем очень сильно располагал к себе электорат из числа наиболее низких кругов населения, а дальше уже он вёл свою партию *«...с железной неутомимостью...»*, но без особенно сильных выражений. И не бывало теперь такого, чтоб в конце его встречи не стоял стол. Открывался ли

закладной камень в честь обозначения на карте города первой станции метрополитена, поста-мента ли под танк, на котором когда-то тянул лямку мэр города А.П. Бронькин, или современ-ная платная стоянка для неугоняемых велоси-педов избирателей, это уже неважно. Да и пере-боев в поставках безакцизной «Брони власти» на разлив или энергетических напитков «Афа-насий» и «Петрович» в стеклянной таре или па-кетах – не случалось.

Вскоре наконец-то вновь открылся ресто-ран «Акулька». Этому событию горожанам можно было бы и порадоваться, но они у «Акульки» и до закрытия никогда не бывали. Впрочем, ресторатора Пимена это не остано-вило: дядя Лысый Пимен в этот день выдумал себе рекламную возможность выступить по те-левидению и оповестить об «Акульке» всех своих постоянных клиентов-казнокрадов, а также призвать их к сотрудничеству с новой властью города. Впрочем, персонально дядя Лысый Пимен ни за кого конкретно голосовать осторожно не потребовал, но политический сигнал своим клиентам всё же отправил, пока-завшись на экране в танкистском шлеме и в отутуженном шарфе болельщиков ЦСКА.

Случилась и неприятность. Как теперь вы-яснилось, «Бешеные ерши» продлили свой путь к элитным потребителям, занырнув в долгосрочную аренду под штаб кандидата №1

А.П. Бронькина с его дискотеками и прочими оргиями для спонсоров и сдувшихся политиче-ских оппонентов с нерасплесканным ресурсом. Кроме того, во взбесившихся «ершах» якобы поменялся даже собственник, поскольку оли-гархи, ранее здесь тусовавшиеся, принялись под роспись получать извещения о стоимости своей перерегистрации, размерах ежемесяч-ных взносов и цене клубных карточек на бу-мажных и магнитных носителях. Любопытно также будет узнать, что господина Хитрогрызо-ва общество засекало то в окружении Броньки-на, а то и вблизи его креативного директора Чичикова Павла Ивановича. Он давно показал себя членом той когорты, что ни куму брат, ни брату сват или *«...ни в городе Богдан, ни в селе Се-лифан»*. Оказался он и в меру жаден, и в меру хитёр, и в меру глуп, но непомерно любопыт-ным к тому, что к нему ни с одного боку не при-касалось. И потому ничто не могло укрыться от орлиного взгляда господина Хитрогрызов в го-роде NN. От него-то сорокой и принеслась вер-ная телефонограмма с надёжной ссылкой, что Чичиковым на самом деле и точно намечены к увольнению не отдельные, а все чиновники го-родской администрации. А вот кадровик, фи-нансист и вся рать глупых советников вопреки Бронькину и по халатности его писарей в тот список не попали и с приятностью в карманах продлят свою нелёгкую службу. И что сейчас,

вещалось Хитрогрызовым далее, в торгово-ярмарочном комплексе «Легенда» можно согласовать и рассмотреть, как надо, любую из уже практически свободных должностей в горадминистрации NN. Что этим делом не покладая рук занимается Павел Иванович Чичиков, креативный директор, явившийся из центра по указанию того, чью фамилию даже произнести бо-язно, и делается им это, хотя и так оно ясно, не без директив самого Центробанка и вычислительной палаты. Правда, Чичиков, как сообщал Хитрогрызов, именно по этому вопросу хранит красноречивое молчание и даже раскланивается без каких-либо изменений в характере или несколько набок, однако *«...не без приятности»*.

Чиновники города как бы и продолжали свою отчаянную борьбу с Бронькиным за сохранение кресла своему мэру господину Кучурову Арнольду Бестемьяновичу, опираясь в этом деле на слухи от имени его креативного директора об их поголовном увольнении. А порой они вроде бы уже за Арнольда Бестемьяновича и не совсем безнадежно болели, опираясь на заявление Бронькина о том, что в их стаде жертвенные бараны назначены поимённо и совсем небольшим стадом. Правду сказать, к ранее объявленному списку изгоняемых лиц от Бронькина добавился и ещё один – глава райгорздрава, ранее там упущенный, а теперь уже восстановленный к увольнению, но по ме-

дицинским показаниям. Однако как в случаях изобилия борьбы, так и в эпизодах её недоста-чи никто из элиты не считал себя опущенным на дно корзины истории и действовал, хотя ме-тодом лужёной глотки теперь уже не пользо-вался.

Многие чиновники прекрасного города NN нашли удовольствие в том, чтобы весело зло-радствовать над столпившимися в углу их бра-тии и приуготовляемыми к увольнению неудач-никами. И ехидничали они над изгоняемыми из одного с ними поля ягодами с преогромной радостью. Несчастливцы поначалу рвали на себе волосы, причем даже в самых труднодо-ступных местах, а затем вдруг стали и нервно закурили в сторонке. Потом они в ответ взялись открыто ехидничать над счастливыми, а сами секретно наносить свои визиты тому, кто на поле публичной брани уже объявился воочию. Но плели они это уже безо всякой гласности, хотя и по графику. И поплелись туда такие люди, что уже с порога оказались господину с большой буквы «Ч» в фамилии родными брать-ями и сёстрами по разуму.

– Ах, пармазанчик вы наш в шоколаде, Павел Иванович! – возглашали ему, словно модельной манекенщице, топ-менеджеры с поплавками неродных вузов.

– Ах, вот вы какой застенчивый, драгоценный вы наш Павел Иванович! – ревели будто бы от свалившихся им с неба в карманы пачек купюр депутаты, замазанные сомнительным бизнесом, однако таща при этом оттудова свои кирпичи с резинками.

– Позвольте ж вас расцеловать, мудрейший вы наш батюшка Павел Иванович! – бросались на него, словно на выгодный тендер или премию небольшие муниципальные жулики. За ними из углов, воровато озираясь, вылезали мелкие оптовики, крупные арендодатели, средние землеустроители, а потом даже и бюджетники, правда, только с килограммами характеристик и почётных грамот.

И хотя входили все они в торгово-ярмарочный комплекс с неясной опаскою и шагами медлительными, но уж вылетали оттуда ногами резвыми, с сияющими обликами торжествующими и, главное, безо всяких удручающих неудовлетворений и беспокойств на физиономиях. *«Не было лица, на котором бы не выразилось удовольствие или, по крайней мере, отражение всеобщего удовольствия». «Плачем горю не пособить, нужно дело делать...»* – раскидывали по сторонам слова из мастер-класса «любезнейшего Чичикова» одни. Другие вторили им геометрическими и философическими подкопами мыслей «душечки Чичикова», что *«жосой дорогой больше напрямик»*. Потом все они,

ясное дело, переводили эти крылатые формулы скупой мудрости совсем не кривого, а ровнёхонького и точнёхонького, как весы самой Фемиды, и сладкозвучного, как Платон под оливой, креативного директора Чичикова, что всегда точно знал цену своему слову, из уст в уста третьим. В третьих лицах, что естественно, сидели их сватья, кумовья да соратники. А те уж в баньке или за нескупым и нескучным столом под дубом или какой-то ольхой обыкновенной делились знаниями со своими покровителями, акционерами и соучредителями.

У одного лишь Петра Октябриновича Мудрецова ни на кого глаза не смотрели. Он сиротливо сидел в сквере под липой, перед портретами действующего мэра и районного бригадира депутатов, задумчиво и нетвёрдо перебирая струны арфы.

А начальник транспортного цеха из известного книготоргового учреждения и видный его поэт Лучезарий Шляппа в это же время, например, сообщил Чичикову, что очередь за литературными премиями в городе при устаревшей власти сильно перепуталась и что в неё обманом затесались те, кто там никогда не стоял. Сначала Шляппа спел Чичикову своим красивым басом давно уже позабытую народом песню «Не белы снега», чем вызвал у слушателя неподкупное восхищение. Потом он энергично продекламировал отрывки из своей наибо-

лее успешной поэмы «Мы на рассвете солнцем Кучугурии томимы», что в краевом издательстве «Пурга» уже готовилась и для второго издания в исправленной и дополненной редакции «Закат сиял – броня мерцала». Здесь он вновь заработал за своё творчество крупную похвалу на словах в том виде, что он, то есть Шляппа, вполне гениальный и современный поэт ТЯКа, имея в виду торгово-ярмарочный комплекс. Заодно Лучезарий прикупил себе чин средней руки в культуре города «*для приобретения весу в обществе*» и, конечно, звание литературного лауреата на два года вперёд.

От президентов аутсорсинговой и клининговой компаний, чьи офисы ютились где-то на периферии тихого, но стабильного оффшора, с немисливо хитроумным инвестиционным проектом в руках забегала Гулянда. Она восхитила Чичикова методами переработки рукколы и топинамбура в высокооктановые чилийские вина, а остающегося жмыха – в доступную для посевной кампании низкооктановую солярку и завоевала собой полный карт-бланш на все эти виды деятельности. Потом ещё поразмыслила, да и купила для доклада своим вождам весь конфиденциальный прайс-лист по вакантным должностям в городской малине. Павел Иванович сильно расчувствовался в переговорах с шалуницей Гуляндой. Он даже подпisał у неё на коленке широкий подряд на уборку одного

главного и двух второстепенных перекрёстков в перспективном спальном районе города, где, по слухам, и негласно состоял генеральным заказчиком, застройщиком, центральным инвестором, а также автором архитектурной идеи и проекта. В свою очередь, проказница Гулянда сильно покраснела, поправила юбку, блузку и чёлку и подарила Чичикову полный комплект подлинной бухгалтерской отчётности из казино дяди Лысого Пимена и зала игровых автоматов прокурора города вместе с истинными реестрами всех должников этих предприятий, а также их юридическими и фактическими адресами. Рассекречивание тех списков в части, касающейся казино, вызвало потом у дяди Пимена ошеломление, хотя сомнений в точности обозначенных там фамилий и сумм не вызывало. Лысый Пимен позднее, конечно, из-за утечки немало бесился, о чём сведения имеются даже в этом недоконченном и местами утраченном тексте...

Обливаясь жарким потом истории своей службы и горчичным соусом локальных неудач, прокурор Д.Ф. Тутриков на приёме честно заявил, что зал игровых автоматов содержит лишь для души и зятя. И пока его зять, а тем более и он – прокурор, живы, Павел Иванович может гарантированно рассчитывать на их ежеквартальную поддержку. Прокурор также обозначил и такую тему, чтоб Павел Иванович

пробил и порешал сверху абзац об экологическом здоровье местных народцев путём переподчинения полигона ТБО из крайцентра вниз, а ему бы заодно и отцепил бы неблагодарную обязанность смотрящего за этим мусорным Клондайком. То есть чтоб Чичиков перевёл проект этот в плоскость его перехода напрямик в природоохранную прокуратуру. Динару Франковичу теперь казалось, что в общедоступной прокуратуре в его преклонных годах, на волне инспирированных полицией дел о его кончине и однократном отсутствии на службе более четырёх часов скорее уже не удержаться. Он твёрдо обязался служить так, чтоб в глазах Павла Ивановича от меча Фемиды отражалась ежемесячная радость, а также безмерное счастье к каждому приличному празднику и по итогам календарного года.

О чём бы Чичикову люди ни говорили или что бы они ни заявляли вблизи его ушей, Чичиков всегда сыскивал нужный и приятный подход к их заботам:

– Так об чём ваш базар, Динар Франкович? Базара ж нет! И я даже дико извиняюсь перед вашей подкрашенной сединою! Считайте себе, что этот вопрос уже натурально решённый, – откликнулся в ответ прокурору Павел Иванович, даже не колеблясь, хороший человек Тутриков или так себе, а неожиданными словами, в тот миг произнесёнными, прямо показал про-

курору, что ему давно уже небезызвестны даже судейские проделки. Да и взял он с прокурора в тот день даже для себя самого неприлично мало. А тот немедля пригласил Чичикова на гусарскую рыбалку, где судаки толстые, как дела уголовные, вода чистая, как медицинский спирт, а по берегам черёмуха, ветла и, естественно, берёза, колышутся так приятно, что даже мичуринский сад московской ВДНХ имеет к ним, в сравнении, совершенно смущённый и бледный вид. Стороннему наблюдателю тут могло бы привидеться, что у Тутрикова при словах о тех благостях прервался даже тик бесконечно подмигивающего левого глаза, а подорванная службой нервная система вернулась к крепкому аппетиту.

Когда Бронькин уже венчал свою встречу с коллективом прачечной, повторно прикоснулся к греческому Диогену и перекинулся наконец на сомнительный вклад в военное искусство одного заурядного маршала бронетанковых войск, Чичиков уже принимал Мудрецова, нашедши и к его загадочной русской душе свой особый ключик. С сыгостью в голосе, однако максимально жёстко и отвязно {нетипично для него и по-хамски деланно}, Чичиков по началу даже слегка удивил теряющего на его глазах рассудок Петрушку с арфой в руках.

– Ты ведь знаешь, Декабринович, что прародитель твой по метрике Потняцов Петрушка

Варфоломеевич украл у господина Чичикова I – Первопроходца антикварный ларец красного дерева, инкрустированный карельской берёзой с архивом и несметным количеством денег, заработанных его непосильным трудом?

– У... – промямлил Мудрецов и потерял раскладок, потом вновь обрёл его и выставил перед Чичиковым картонную коробку из-под ксерокса.

– У-мест-но ска-за-но, – протянул Чичиков к коробке обе руки, хотя для него пока ещё по её содержанию и оставались неясности, а разумная праведность виделась лишь в её появлении. – *«Ах ты, чушка! чурбан!» «Подлец ты!»* – Профилактически плеснул Чичиков в пламя своей речи ещё керосину. – *«...тебя... в рог согну и узлом завяжу!»* Ты себе хоть шурупишь, Петруха Ноябрьчикович, сколько стоит мой семейный архив в наше тревожное время? я уже не говорю о цене тех рублей в современном валютном измерении!

После второго вопроса Мудрецов снова потерял голову, затем снова нашёл её и впал в полную ипохондрию. Другую коробку он с собой в тот день, видно, не брал...

– Ты ведь понимаешь, Петухов, что весь твой этот офис вслед за каланчой и правильными бумагами уйдёт танкисту, и я его могу взять? – снова огорошил он книжного магната Петьку.

– Понимаю, нихарашо мне это, – не придя в сознание, прошептал Петрушка.

– Так вот, малый! Я могу всё... Могу у Афони твой офис купить, а могу его и не купить... Что ты мне изречешь по такой диктатуре моего закона и взгляда?

– Нихарашо мне это. Не приобретайте это, отец родной! Как мне жить дальше? *«Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...»* уже с первых минут вашего приёма. Все годы, все дни и в особенности ночи я с упорством не отменявшей икры форели пробивался в люди! Батюшка, не губите! С Бронькиным я всегда сговорюсь полюбовно иль какие ещё методы использую. Размеры моей благодарности обволокут чёрной икрой все ваши чаяния... – бросился ему в ноги Петрушка.

«Чичиков взглянул и увидел точно, на нём не было ни цепочки, ни часов».

– Мн-да, – произнёс Чичиков с болезненным подозрением, – дела твои швах.

– Полный швах, – легко согласился с ним Мудрецов и жалобно замолчал.

– Так слушай теперь сюда, – произнёс ему Чичиков. – Может быть, я и соглашаюсь не брать с тебя огромную до бесконечности цену за то, чтоб не забирать себе твою недвижимость у Бронькина. А может, и не соглашусь... Но в приятном для тебя случае придётся мне тогда принять в своё обладание скупленные тобой не пойми зачем земли запрудненских крестьян.

Разумеется, что принимать твои поля и веси мне придётся как от короткого приятеля...

– Так я ж категорически «за», Павел Иванович! В лицемерных сделках липового цвета я подкован не хуже той блохи и в этом деле не одну Плюшку съел...

Одно время они молчаливо подвигали друг другу калькулятор, при этом Петрушка пересчитывал цифры и в столбик. Чичиков на бумаге ничего не считал, и видно было, что с арифметикой он состоял в исправной гармонии. А когда Чичиков будто невзначай ещё и обмолвился, что мог бы распорядиться архитектору Мамагонову, чтоб тот видоизменил своё первоначальное заявление о своих страданиях в застенках Мудрецова с указанием другой фамилии насильника, то Петрушка отчасти даже повеселел, ибо отказаться от такого предложения было ему совсем невозможно. Правда, потом он равновелико и взгрустнул, так как в столбец втиснулась ещё одна строка, и сумму на бумажке довелось выводить наново...⁴

.....
Наконец-то Чичиков получил дельное уведомление об окончании работы братьев-банкиров Хайгуллиных с наиболее крупными на-

⁴ Дальше расположен клочок изрядно обгоревшей по краям страницы. После разбора сохранившихся там слов предполагается, что П.О. Мудрецов активно ищет в местной торговой сети крысиный яд, а также устанавливает контакты с ближайшим окружением А.П. Бронькина

логоплательщиками города и Мудрецовым, и он с глубоким удовлетворением поцеловал телефонную трубку. Будто зная об этом, в ту же секунду, с подносом и ватрушками, в пёстрой блузке и легкомысленном богемном шарфике на шее, в комнату ворвалась безумной красоты Зухра. Надо заметить, что Павел Иванович давно уже подумывал найти себе приятную девушку, увлечённую короткой любовью по доступным ценам. Но в это мгновенье Чичиков, пожалуй, теперь впервые, будучи в NN, непривычно и неуместно покраснел. Вспомнил, как встретил он её позавчера случайно в неглиже и на пляже, что для глубокой осени ему показалось весьма удивительным. Тогда он одной лишь только бровью зацепил Зухру «*..мывиуюся на берегу пруда и тут же бросился её обнимать и осыпать поцелуями*». Сейчас, продолжая пребывать в напряжённом тумане никем невиданных забот и заволакивавшем его глаза мареве спешных задач, Павел Иванович отрешённо, но будто впервые снова загляделся теперь уже на одетую девушку. Затем он снова впервые и совсем уж неожиданно столкнулся теперь уже со своим личным отражением. Не в Зухре, конечно, а в пожелтевшем от времени зеркале, взгромоздившемся дубовой подставкой среди медных самоваров, утюгов и старых фотографий безвестных умельцев на стенах отдела антиквариата бывшего книготорга

Петрушки, а теперь уже ТЯКа. И он непро- извольно отшатнулся от своего отражения, на- столько страшным показалось ему то, что уви- дел теперь...

– В самом деле, дьявольщина... Нет... Сейчас не до сантиментов, – хмуро подумал он, отрях- нувшись от уродливого привидения, – пора, пора охлаждать магму кипящей души. В городе уже фронтов нет. – Вот что, голубка сизокры- лая, – принялся он строго командовать. – Купи ты нам спешненько и сейчас же машину. Я в га- зетёнке нашей видел про «карину» девяносто четвёртого года объявление. Нас это пока что устроит. Оформляй японку на себя и пускай её заправят хорошенько, да меня в страховку пус- кай впишут, да сделают, как следует. Вещи себе- ри и заложи сегодня же. Вечером Елизавете, не- значай будто и по сердечному секрету, шеп- нёшь, что решили позавтракать с губернатором вместе. Потому и едем с первыми петухами, – привычно выдумал Павел Иванович. – С первы- ми петухами туда сама и махнёшь. Что сама – молчок! Хотя, ладно, в компанию я тебе кого- нибудь дам, а ждать меня будешь на шестьдесят шестом километре в кемпинге «Уединённых размышлений». Я дела довершу, так там тебя и откопаю. Уяснила?

– Чего ж не понять-то, Павел Иванович, – расплылась в счастливой улыбке Зухра и, креп- ко сжимая в потном кулачке ворох купюр, ото-

слала ему жадный воздушный поцелуй, но, прежде чем растаять за дверью, чуть было не снесла с ног высокой грудью замаячившего здесь не ко времени дядю Лысого Пимена...

– Откуда, коза? – вместо приветствия непри- ветливо буркнул Пимен.

– Да так, по кипятку и пряникам здесь глав- ная, ничего личного...

– Ты мне лучше о своём личном помолчи, – с гримасой подосланного чёртом вурдалака скосил на зеркало оба глаза сразу Пимен. – Я на рога пока не лезу, но держать масть буду. А то, что в мой реальный список по казино ты, Паша, свой нос всунул, так сам теперь дурак. Я в твою власть и коррупцию не лезу – не трожь мою! Наводок тоже не жди больше. Знаешь ведь, что я из тебя душу вынуть могу, как из баланды муху, – повертел он перед носом Чичикова будто бы в шутку неведомо откуда взявшимся маникюр- ным ножичком. – В нашем городе люди по весу, что те мухи и «...сам сатана не разберёт...», что порой с ними делается. Хоть ты мне и кореш, кончай дела ближе. Чтоб всё по-культурному было, два дня тебя не вижу, – хлопнул дверью дядя Лысый Пимен, будто бы и не ждал чего-то в ответ.

«Как ни глупы слова дурака, а иногда бы- вают они достаточны, чтобы смутить чело- века», – задумался Чичиков. Он и без того уже всё распланировал, но чтобы в его адрес такой

парафин лили, конечно, не ожидал. Слова лысого подрезали даже его аппетит, вследствие чего он даже брезгливо отодвинул принесённое Зухрой блюдо, ощутив даже «... к нему отвращение нервическое».

— Ум даже за двором казино не гуляет, а вишь ты какой? Меня за смертного сосчитал... Сказать депутатам, чтобы позвонили им всем? Или им всем сказать, чтобы доложили сейчас всё же депутатам? Или пересчитать всё ещё раз? Хотя куда ещё больше? *«Ну, уж коли пошло на то, подумал он сам себе, так мешкать более нечего, нужно убираться поскорей»*. Делать, что задумал. Жить своим умом!

Он не глядя утвердил очередной план флэш-моба с сожжением чучела Кучугурова, рассеянно завизировал сценарный план акции городских жриц любви против Афанасия от аналитиков банка Хайгуллиных: «С танкистом Бронькиным мы будем и встречать, и провожать каждого клиента солнечной улыбкой!» Бездумно переложил многочисленные приглашения из одной кучи в другую. Лукаво ухмыльнулся и даже подмигнул цветным фотографиям небритых и страшных распухшими от пьянства рожами, но узнаваемых трудящимися городских бомжей с плакатами: «Мы с тобой, Кучугур!», «Ты наш друг, Куча!» и др.⁵

⁵ Далее текст обрывается

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

Удивительные явления иногда происходят в природе. Вот и в Непопадске-на-Нюхе так случилось. Солнце высунулось из-за свинцовых туч уже наполовину, но там, то есть в городе NN, отчего-то сгустились и воцарились политические сумерки, затем громыхнула папирусная контрреволюция, после чего, как и следовало ожидать, пал полицейский режим. И хотя местные летописцы и метеорологи о природе этих катаклизмов до сих пор к единому мнению так и не пришли, осколки случившегося полетели даже в полицеймейстера. Позволим лишь напомнить немногочисленным нашим читателям, что в ту судьбоносную минуту полицеймейстер города Иван Антонович Дергоусов не был при исполнении и монотонно маялся на своей даче. Пребывая в тщательной обмозгованной и размашисто обустроенной карьерной отставке с перспективой космического взлёта по служебной стремянке, он чего-то выжидал и, как оказалось, не напрасно.

Именно в тот час после буйного угостительного обеда в честь своего однокорытника из руководства СИЗО города полицеймейстер на-

конец-то позволил себе единожды вынужденно и коротко отвлечься. Оторвался он по малой нужде и теперь уже от создаваемых им в письменной форме собственных мемуаров откачнулся полицеймейстер, от тех нетленных строк, над которыми и пивом безвылазно кипятил свой ум вот уже с битый час. А до этого – нет! До этого он в тот час по такой надобности опрометчиво не отвлекался ни разу. И надо ж было такому случиться? Именно в эти минуты его любимая козочка Ксива в шубке цвета неотбелённого полотна и её беспутный бородастый гуляка-супруг – козёл Протокол – втихомолку пробрались в резную полицеймейстерскую беседку под каштаном, где безрассудно и предательски сжевали весь письменный компромат на прокурора города NN Динара Франковича Тутрикова. Прикасаются к пиву и мемуарам, создаваемым своим благодетелем, ни тот ни другая, правда, не рискнули. В этом только и есть их плюс, в остальном – просто караул что!

И!.. О, что здесь началось!

Иван Антонович, не раздумывая, провозгласил, что теперь его лучезарные перспективы роста рухнули, он повержен, беззащитен и принимает судьбу такой, как она есть. Что чем жить теперь дальше, лучше уж отдать богу душу. После этого нетипичного для него мужественного решения Дергоусов всю свою челядь, включая даже семью Ксивы и охрану, ре-

шитительно прогнал на скотный двор и в баню, удобно устроился в гамаке под антоновкой, укутался тёплым пледом и плотно закрыл щурящиеся от солнца глаза. Здесь мы уже вынужденно уточняем вам и только для протокола, но не для козла Протокола, конечно, а для документа, что изобретают в канцеляриях, – в тот миг солнце уже практически полностью высунулось из-за свинцовых туч, и потому только Дергоусов так щурился. Что касается прочих горожан, то они в эту минуту в небо не щурились, потому как брали в огородах картошку и укрывали на зиму кукурузными стеблями чеснок.

Весть о приближающейся к полицеймейстеру смерти охватила ужасом многих чиновников, а прежде отличившийся на посту у прокурорского кабинета тучный омоновец даже умотал в отпуск, причём в Турцию и по уходу за ребёнком, хотя как ребёнка, так и жены он до того дня ещё и не нагулял вовсе. Прокурор города, напротив, в эти одушевлённые мгновенья накинул на себя самое лучшее убранство, сверху приторочил дар от своего ближнего приятеля, а именно выходной галстук наваринского пылу с миражами и сформировал себе променад по центральному базару города. С непобедимой уверенностью во взгляде и в сопровождении своих постоянных партнёров по преферансу, бизнесу и рыбалке там он прошёл и мяс-

ные ряды, и рыбные ряды, а на овощах дал даже кому-то короткое интервью. Врио шерифа в это же озарённое хладнокровным осенним солнцем время заметался по городу с траурными повязками на обеих руках и с улыбкой до ушей. Он беспрестанно названивал то в морг, то в больницу, участливо справлялся у их персонала о текущей статистике санитарных потерь и, не поднимая на своих собеседников скорбных глаз, самодовольно принимал поздравления в связи с наиболее вероятным своим назначением вверх, твёрдо памятуя, что Чичиков пустых слов на ветер никогда не бросает. Бог душу полицеймейстера с дачи пока не принимал. Душа злилась, грубо выражалась в адрес руководителей краевого УВД, администрации города, семьи Протокола и мордовала повараху капризными заданиями по меню в кулинарных традициях народов острова Святого Лаврентия.

Ближе к вечеру с некоторым изумлением и язвительностью в городе наконец-то встрепенулись и люди, потому как в сети секунд-хенда появилось видимо-невидимо полезных товаров из Франции, включая даже одеколон в крупных бутылках и тонкое древнефранцузское вино на разлив. Впрочем, встрепенувшиеся люди вскоре об этом забыли и рассосались по делам и окраинам. А вот Бронькин мучительно задумался: бросился ли это на штурм

олимпиа возвратившийся из Франции мэр Кучугуров? или же решил себе умножить несметные прибыли французский папашка его креативного наёмника Чичикова? Но макроэкономист Хитрогрызов тут же его успокоил и привёл его мысли в стройный ряд, сообщив, что товары от лягушатников – это его личный проект в развитие дружбы с продажными таможенниками, где лишь доля Мудрецова прибилась к берегу Чичикова. Так что всё, что сейчас продаётся и покупается, принесёт в основном только ему огромную пользу в процветании, а Чичикову лишь небольшую выгоду принесёт, но и городу отпадёт неплохая занятость населения недели на две точно.

Вечер в городе NN выдался безветренным, с неба без осадков, а фонари и люстры усердствовали привычно наполовину, легко добиваясь плотных сумерек. Сумерки большого зала ресторана «Бешеные ерши» неторопливо резал Афанасий Бронькин с большим стаканом в руке. Он прохаживался вдоль столов, меж почётными и теми непочётными гостями, что сумели прокрасться к нему на приём неведомо ему другими путями. Он прогуливался меж колоритными соратниками и прилепившимися к ним мелкими попутчиками; меж людьми нужными и приятелями, пока ещё не лишними, а также меж заместителями по судьбоносным проектам и референтами по ничтожным по-

ручениям; меж помощниками по изготовлению проектов ответов на заявления граждан по узким мелочам и по большому счёту; меж старшими и тайными советниками по официальным заявлениям и формальным отзывам на необдуманные инициативы избирателей и другими, затесавшимися сюда субъектами, кому подкрадывающиеся выборы виделись не более чем пустопорожним хаосом, но не с пустыми затратами и обоснованными чаяниями. К длиннющим столам специалисты по затратам и чаяниям пока ещё не привязывались ввиду жгучей трезвости, ложной скромности и провинциальной застенчивости. Потные и румяные официантки с тяжёлыми подносами выписывали по залу такие кренделя, что отдельных гостей брала оторопь. Наиболее чуткие к их траекториям активисты повсеместно устраивали на подавальщиц порционной водки и вин хитрые засады и саранчой опустошали приглянувшимся девушкам подносы, облегчая их труд. Шустрые девицы с пустыми подносами визгливо вырывались из чужих рук, удирали на кухню, затем прибегали снова ещё более навьюченными верблюдницами. Их скачки отражали тот же ритм и смысл, но количество стаканов, фужеров и рюмок только возрастало.

Затаившиеся у стен и пальм безынициативные служащие средней руки и приходящие ак-

тивисты-договорники с ненасытным оптимизмом сверлили голодными глазами и клювами столы, будто бы принимая парад кушаний, и крутили головами, стараясь не проморгать отмашки к старту трапезы. Грубые навалы буженины по-деревенски, чудотворные пирамиды языков по-купчески и куриных рулетов в ананасовых крестах и звёздах таращились на окружающих их трудолюбцев штаба сквозь проволочные стойки и таблички с фамилиями едоков. Из-за блюд и ваз маячили таблички не только для единоверцев, но даже и для их попутчиков с поделниками. Нежные канапе с салями, зеленью и шпротами; мудрёные салаты из телятины с дайконом и золотым луком и пала ди тонно из тунца на хлебцах паннини лупились только на фамилии очень почётных гостей. Заносчивые и надменные канапе с коконом из мяса птицы и грибов в слоёном тартильясе таращились на буквы из фамилий Чичикова и сопровождающих ему лиц: счастливого прокурора и самодостаточного контрабандиста и лазутчика от самого губернатора Хитрогрызова. Шашлычки из свиной вырезки с аджикой, соленьями и маринадами обнимали и пожирали взглядами портрет самого Афанасия Петровича Бронькина, пирожки из дрожжевого теста и сдобные сухарики в безбрежном ассортименте тёрлись тоже об него только. Вазы и блюда с фруктами, пирожными и

другой дребеденью любовались сами собой и опасливо косились в сторону тоскливо стынущей на двух лавках, но уже полуготовой ко всему породистой подтанцовки из столовой местного правительства. Крупнокалиберные бутылки никого своей ровней не считали и холодным надменным блеском отражали нацелившиеся в них метко жадные взгляды, рты и глотки слоняющихся вокруг них господ-товарищей. Лишь крупные мастера искусств к столам почтения не проявляли. Вкупе с шустрыми активистами они продолжали бесстрашную охоту за официантками и стаканами.

Казалось, что в эти минуты один лишь Бронькин самозабвенно служил народу и даже продолжал копить в себе для этого пока ещё неуправляемую энергию. Время от времени Афанасий Петрович заговаривал с кем-либо из бесцельно прогуливающих по залу лиц или лицемерно замирающих прямо перед ним лиц, что нарочно высовывались у него на пути и театральнo столбенели как бы от своего безмерного счастья от их неестественной близости к вождю. Бронькин остроумно отпускал гостям шутки, а то даже и над собой острозыко подтрунивал, обильно цитируя и воспевая самого себя афоризмами из своего богатого, по его мнению, наследия околополитической публицистики и прозы. Порой Бронькин о чём-то задумывался и ненадолго, но выразительно ухо-

дил в себя. В одну из таких секунд он даже поддержал главного депутата района Маковея, рассказав, что основы законодательной деятельности для него он ещё вчера уже заложил так, что бедных депутатов будет вчетверо меньше, а богатых он и подавно разгонит, и что Маковей теперь у него будет работать ритмично. Возвращаясь из себя, Бронькин по-отечески сканировал проголодавшуюся толпу прямыми взглядами и излучал душевную улыбку искреннего сочувствия к ней. Иногда неведомо чего он задумывался, как казалось, ещё глубже, и тогда уже неприветливо и беспрестанно изпод очков в стальной оправе направлял косые взгляды в угол, но лишь на своего креативного дирижёра штаба Чичикова. Многих бронетанковых однопартийцев это немало удивляло – ещё недавно всем казалось, что их шефа и Чичикова «...сам чёрт связал верёвочкой. Куда один, туда и другой плетётся». Теперь всё было не так. А как, совсем неясно, а потому и ещё более изумительно показалось это и туманно...

Зато Павел Иванович Чичиков в общении с элитарной публикой от грядущей городской власти в уютном диванном углу зала ничуть не отставал и, казалось, что отрывался он там сейчас по полной программе. Видно было, что и в его душе удобно угнездилась и расцвела сладкоречивая креативно-гениальная «...лёгкость в

мыслях необыкновенная». С тончайшей деликатностью в выражениях на физиогномии Чичиков рассыпал удивительно уместные шутки юмора. И как оказалось, он имел и на этой ниве виртуозно высокий вкус и прочный запас сведений. Он даже в сфере исполнения амурных анекдотов и рифм, ещё не докатившихся даже до поста ГИБДД на въезде в город NN, зарекомендовал себя умелым чтецом и декламатором чистой воды. Авторство стишков он постоянно сваливал на одного поэтца из числа своих дружков и коротко называл его Сашкой или Шуриком. Один раз даже Сергеем он поэта назвал и читал его строки, абзацы и крылатые анекдоты так, что у него не возникало ни малейших затруднений дирижировать мыслями слушателей и даже такими разговорчиками, что неизменно возникают в самых теснейших мужских компаниях и подшофе.

Дико смущающимся дамочкам его дар тоже весьма понравился. С нарочитой стыдливостью в манерах и как бы нехотя они прислушивались к речам Павла Ивановича, но ржали и гоготали откровенно и громко. Вследствие таких действий дамы неестественно и плотно пунцовели, краснели и пламенели, украдкой обмакивали слёзы радостного восторга кружевами или демонстративно смешливо затыкали в свои ушки кончики цветастых ноготков, подушечки пальчиков и прочие мелочи, незамет-

но оттопыривая уши так, чтобы слышать ещё лучше. Так они ещё острее и чутче вслушивались в содержание новомодных для города NN, однако уже несколько устаревших для обеих федеральных столиц скабрёзностей. А потом они гоготали ещё громче и звонче и, оставляя уполномоченных на фиксацию безостановочных речей Чичикова наблюдательниц, попеременно убегали в дамскую комнату пудрить свои носы и выправлять сыпучими порошками, пахучими примочками или водопроводной водой излишнюю румяность.

Вскоре литературный салон в диванном углу зала кончился тем, что Бронькин даже приревновал всех сразу дам своего избирательного актива и штаба к своему креативному директору. Да и Чичиков к тому времени в окружении женского полу уже не на шутку раздурчился и почувствовал себя решительным гоголем или точно так, как когда-то ощущал себя тот задиристый и самодовольный охранник у дверей кабинета временно недееспособного прокурора, что томился теперь где-то в спальнях районах Анталии. Бронькин непримиримо разобиделся на недостаточное женское внимание к себе как к политическому деятелю и боевому офицеру так, что откомандировал в тот угол одного пронырливого и незаменимого в казуистических потасовках и предвыборных побоищах юриста, чтоб тот пе-

рековал всеобщее дамское внимание в необходимо другую сторону. Но Чичиков тут со своим славолюбивым командиром Бронькиным на эту тему и не думал препираться. Напротив, он непривычно громко расхохотался над топорно-деликатными потугами пронырливого юриста, а затем, видимо, уже произвольно, даже показал, но теперь уже Бронькину лично, *«...на лице своём ту равнодушную и дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву»*. Но и юрист оказался не из робкого десятка. Он, хотя и не без стакана водки для смелости и не без опасных оглядок в сторону креативщика и не без хитроумных ссылок на необходимо нужные параграфы и статьи своих кодексов, но содеял свою историческую миссию с похвальным усердием и насильной отвагою. И рассеял-таки он всех бомондовских дев города по другим закоулкам ресторанный зала. Правда, потом оказалось всё ж таки, что не один стакан вылакал он для смелости, потому что потом в изнеможении и опустился на паркет.

Но Чичиков и тут ничуть не растерялся. К лежащему посреди зала пронырливому юристу он тут же приставил часового от прокуратуры с китайским веером и стаканом свежей водки. А сам переключился персональным своим интересом на сильно приободрившегося в послед-

ние дни прокурора Тутрикова, краснознамённого командира гарнизона с багряными от хронических удовольствий щеками и не издавшим порохового дыма носом и удивительно радостного от проделок юриста ресторатора дядю Лысого Пимена. Правда с последним Павел Иванович общался несколько холодно-вато и называл его «академиком» или «закадыкой». А вот Пимен на дамское дело среагировал чувствительно и на словах. По бабьей теме он тут же сунул Чичикову под нос свой ехидный комментарий в виде слов: «Ты ж теперь понял, Паша, нас всех с танкистом вместе, что в Невпопадске-на-Нюхе тебе уже не жить и поздненько метаться?» Но на слова эти Чичиков Павел Иванович только неакцентированно хмыкнул, хотя видно было, что для него Пимен давно уже стал несносней самого отца Феофана и городского экстрасенса вместе со всеми их проповедями и назиданиями.

К слову заметить, Пимен тоже оказался страшно занимательным собеседником, особенно для прокурора, а ещё больше для гарнизонного полководца. Ресторатор, как и полководец, не говоря уже о прокуроре, давно уже зашли в сверхлимитный разогрев. Будучи под высоким градусом, он жутко и несмолкаемо юморил о природе Мордовии и временах, прожитых им под Сыктывкарком, где его бытие, как и жизнь самого Чичикова, оказалось, *«...была не*

раз в опасности со стороны врагов». По вульгарным воспоминаниям Пимена, они там с «Чичей» немало восьмерили, но испытания «прошли на раз». И так хитро выползали они из опасностей, что краснощёкий полковник, не смотря на приличный хмель и большой опыт службы, поначалу даже онемел от их хитрости. И хотя внешне он не склонил своей завидной стати и даже сейчас на его «...лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать», без советов Пимена всё равно никак обойтись не смог. Он стал слегка ненормативным басом и такими же аргументами грубо хлопотать перед Лысым Пименом об орошении жажды его необразованностей «...вразумленьем истины» для своей последующей службы. Оказалось, что после номинирования в чемпионы года его лучших табуреток, производимых в мебельном цеху его же войсковой части, в столярно-мебельных кругах региона завелись у него жестокие экономические оппоненты, что не хуже врагов форменных. – И что теперь делать?– спрашивал.

Здесь Павел Иванович Чичиков от советов сразу отошёл в полный отказ, хотя полковник просил включить и его мысли. А вот Пимен и тоже сразу подчеркнул ровно, что это чепуха уровня детсада при подготовке к утреннику. Объяснил полковнику, что тот уже и так

вошёл в новейшую историю тем, что пил сегодня с ним, с ресторатором, вместе. Затем, медленно ворочая непослушным языком, предположил, что в полковничьем табуреточном цехе где-то сидит и точит его экономику какая-то подлая цель в смысле мишени. Что мишень эту нужно найти и расстрелять показательно. Затем изрёк, что и в столь ничтожном деле главная «...сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным образом...» вопрос перепроизводства табуреток. Найти нужно, например, у одного из конкурирующих краснодеревщиков кривую табуретку, а у другого – порядочно жуком изъеденную. От лица третьего, но с его же лейблом подsunуть нужным людишкам недокрашенную табуретку. А на четвёртой табуретке, тоже в секрете замахоренной, порвать колготки мэрской теще, жене или хотя бы дочке антимонополецника да и свалить эти убытки на остальных конкурентов. Хорошенько науськать на эти вопиющие факты хренового качества прогрессивную общественность города и печать, включить телевидение, а призывы к СМИ насчёт соперников, у которых руки чёрт знает откуда растут, подобрать в самых неприличных выражениях, так как других слов бизнес и динамический покупатель всё равно никогда не поймёт.

– Короче, пацан, ты полковник. Раз надумал своих мародёров запустить за пустыми бутылками, нечего им лезть за шишками на берёзу. А то будешь потом таскать из огня горячие каштаны для дяди. Но если этот дядя – дядя Лысый Пимен, то каштаны будут лучше, чем все твои перекошенные табуретки, – расхохотался над своим выводом после такого удачного каламбура ресторатор, и все дружно поддержали его весёлым смехом.

– Господин Чичиков! – не ко времени сунулся к Павлу Ивановичу со своей творческой честоткой души самый существенный кандидат в кресло главного редактора «Чистой правды». – *«Это всему свету известно, что вы человек учёный, знаете науки и прочие разные предметы»*, – начал он. – А правда ли, что все деньги, собранные вашим благотворительным фондом «Привидение», что в красном уголке ТЯКа «Легенда», фондом по всяческой и всенепременной помощи, действительно пойдут детям? Скажите с десяток слов... Только для затравки к передовице нового мэра, просим вас убедительно...

– Ну да. Деньги эти у моего филантропического фонда «Провидение» все. Они у нас. Детям и пойдут деньги. Мы ж все чьи-то дети... И отстаньте, мой хороший, сегодня ж праздник, а не конференция межрайонной налоговой инспекции...

– Спасибо! Спасибо вам за высокую оценку моего неутомимого труда, дорогой Павел Иванович! Гонорар за это восхитительное блици-интервью по теперь уже твёрдому нашему обычаю мы перечислим на счёт вашего прекрасного «Призрака». Извините, «Привидения»...

Хитрогрызову тоже не хотелось как-то оставаться в сторонке от духовной жизни, а потому он заново принялся клянчить у Чичикова «телефончик» поэта, что написал такие симпатичные «стишата» про дамский род человечества для компаний и смеху. Несмотря на такую свою фамилию, он даже и не думал укрывать, что замыслил себе блеснуть свежими познаниями перед самим Степаном Ильичом Пробкой, губернатором и большущим мастаком анекдотов в масть и скабрёзностей в кряжистую высокую рифму.

– Павел Иванович! Ах, Павел Иванович, – наконец-то всунулся деловой речью Хитрогрызов. – Те стихи, что вы так неугомонно декламировали нам по памяти, я ж не успел усвоить? Лишь два стишка-то для себя и пометил! Ну, если телефончик этого вашего Саши мне не даёте, если он у вас вдруг такой вот друг, хоть куда, так хоть надиктуйте их или скажите, как списаться с вашим стихотворцем? А лучше спидумайте лично, а Сашка выпросил их себе и что по молодости вы всё ему сбагрили, говорили...

– Брось ты мне, Ваня, чепуху городить. С тобой хоть стой, хоть падай. Шуток не постигаешь. Я ж тебя умней видел! Это ж Пушкин стихи написал. А его взяли потом и безотлагательно убили из пистолета, – отмахнулся от Хитрогрызова, словно от надоедливой мухи, Чичиков и принялся с ничуть не извинительным раздражением что-то объяснять «академику», а потом ещё и поучать Лысого.

– Что вы такое говорите? Сашку убили? Надо же? Из пистолета! Как же так? – глубоко задумался над судьбой поэта Хитрогрызов и надолго ушёл в себя. – *«Нет, тут не на шутку сатана вмешался, – думал он, сильно почёсывая свою макушку»*. Гарнизонный полковник тоже зачесался, потрогал кобурку и озадаченно затихнул.

Прелестница Зухра давно себе знала, что *«...женщине легче поцеловаться с чёртом, чем назвать другую красавицей...»* Потому она прямо от прилавка ресторанный гардероба и принялась злокозненно сводить свои счёты с Айгуль за давнюю, но живую обиду или скоропостижную отставку с ночной декламаторской должности у Мудрецова безо всякого творческого конкурса. И в этом она, конечно, преуспела. Зухра не только шепотком, но и публично принялась топтать пэтэушницу Ахдамову язвительными рекомендациями оставить в покое Петрушкины достоинства и взяться на-

конец-то за себя. Насоветовала Айгуль сделать себе у ветеринаров штук семь операций, сдать в прокат панельным девочкам свои сумасбродные наряды и бантики и сесть на полнейшую диету, ибо с таким контрабасом, как у неё фигура, дешевле и разумнее всего утопиться, причём сегодня. С её слов вырисовывалось, что «для степной коровы Айгуль», ободранной [нрзб и нрзб] Айгуль и [5 нрзб] Ахдамовой, других путей снова подняться до уровня востребованной вокзальной шлюхи у неё уже не осталось. И хороших бабок ей теперь на своей конфорке не наварить. Не о достойных старых женщинах здесь она, понятное дело, заявляла, а о денежных купюрах в сопоставимых количествах. А когда Зухра перечислила Ахдамовой проблемные места, где бы ей в первую очередь потребовались лапы опытных гинекологов, психиатров и таксидермистов, у девушек завязалась нешуточная силовая толкотня и даже потасовка за прямой доступ к микрофону. Однако кто-то из присутствующих здесь болельщиц Ахдамовой, что по очкам уже продувала единоборство, спас положение и вовремя подал сигнал в службу безопасности ресторана об угрозах серьёзной опасности для остальных дам города, поскольку в эфире уже полились невыгодные для некоторых из наличествующих здесь дамочек пронзительные аналогии и сопоставления.

Впрочем, их диспут вскоре увял практически и сам по себе, так как Зухра уже перекинулась на первую леди города Елизавету, выложив ей центнер изумлений тем, что она терпит, хоть и не каждый день, но под одним одеялом с собой такого солдафона, каким является хоть и будущий мэр, но танкист и Афоня. Тут же она взяла в руки разрисовала, какой у неё бой-френд Павел Иванович Чичиков на деле и в быту. Насколько он крепкий, но мягкий, стремительный, но нежный и до того ласковый в своих всепоглощающих фантазиях, что перевернул всю её внутреннюю суть вверх ногами. Что именно «Паша» широко распахнул для неё мир искушений и безудержного сладострастия. Что «Павлик» закружил её любовью до смерти, и сообщил её эластичному стану гамму незримых рассудком чувств. Потом Зухра и о своём завтраке с губернатором поведала, и о том, что «берёт с собой и Пауля», о первых петухах особенно не забыла и о чём-то рассказала ещё. Может быть, даже и косметическую тему об Айгуль кратко возобновила и затронула. Пошептаться с Елизаветой Пронькиной ещё и бог знает куда испарилась с таким же победоносным видом, как и появилась в ресторанной раздевалке. Да и первая леди Елизавета убежала за нею вслед куда-то, хотя и в другую сторону. Одна лишь Айгуль так и осталась сидеть на регистрации почётных и непочётных гостей,

злобно озираясь вокруг и размышляя, на ком бы ей отыграться, хотя Петрушка и сказал сегодня, что дела у них налаживаются.

Интересно заметить, что Афанасий Петрович во время шумного единоборства визгливыми девичьими скандалами ничуть не проникся. Зато он оживленно отреагировал на восшествие на паркет с невозмутимо непристойным опозданием в прошлом отца, а теперь уже временно отставленного, но не в меру беззаботного гвардии подполковника запаса Аверкия Семёновича Гармошкина в новом партикулярном платье и с бабочкой на шее. Впрочем, на его явление восторженно среагировали и многие другие почитатели его таланта, и даже артисты.

– Батюшка, который у вас час нынче, если у нас уже все давно дома? – лукаво поинтересовался у него Бронькин, посылая косою взгляд в сторону Чичикова и ссаживая для Гармошкина высокий стакан с подноса от воткнувшейся ему под руку официантки неземной стройности и красоты. – Рекомендую вам, друг: Медовый липовый коктейль по моему личному рецепту! Здесь сорок пять оборотов. Здесь всё, кроме пчёл!

– Ты это... не богохульствуй передо мной, капитан, хоть ты и мэр, – сгрёб себе бокал с медовухой Гармошкин. – Сегодня сам знаешь, Афоня, день такой, что на шейпинге моя дива по графику. Тренер у неё поменялся, ну и задер-

жался... Так что теперь? Не согрешишь, так и не покаешься...

– Ужас как разлюбил ты меня, святоподобный и неудержимый друг ты мой и командир Аверкий Семёнович. Опечален твоим поступком вызывающим. Для меня же это святой вечер. Это всё равно как День танкиста, а не просто погулять вышел. *«Право, свинтус ты за это, скотовод такой!»* Я ж без тебя, как песня без баяна. А ты со мной так, душа моя. Больше так не делай и точка.

– Печаль, то грех, капитан. Исправлюсь, не сердись. А ужас твой, Афоня, в сравнении с негодованием моей матушки Виолы ничто. Тебе, пока холостяк, не понять этого, да и мне грех на такой грех, как моя матушка, жаловаться.

– Ну, ну, ну... Со мной уж лучше не грешить, Семёнович, вот тут уж лучше запятую поставь, пожалуйста... Ты ж знаешь, чем это для всех может кончиться, – размашисто поцеловался и чокнулся Бронькин с Гармошкиным. – Не забывай, что после моей инаугурации за тобой теперь тоже полянка с заводными цыганами и концертом про танкистов до самого утра причитается. Не вздумай зажать! Да чтоб по-нашему *«...вспрыснуть покупочку...»* твою благопристойную, отец мой, по-офицерски! Кропить удачу до зари будем, как надо! С цыганами в луга и в пашни мы пойдём в полный рост, с гитарой, с медведем на цепи пойдём! Ты думаешь,

что это кривой позёр Чичиков тебе этот клуб подкинул? Ничего такого и близкого! Пижон наш Мстюкина Евстрата придушил прокурорскими архивами и клубников его на счётчике остановил намертво, тоже из-за этого Тублика Юаня хренова. Ресторанчик я тебе присмотрел! Чего ж нам чужое добро чужакам оставлять! Цени, брат...

Бронькин снова тревожно оглянулся вокруг и наконец-то засёк семафорящего ему сбоку скупыми жестами и глухим мычанием Гаврилу Селифановфа, а Гармошкину оказалось и этого хватило, чтобы неудержимо накинуться на колбасу и соленья... Гармошкину, и правда, сейчас было так радостно на душе, что его даже критические колкости Афанасия ничуть не зацепили. Захотелось ему вдруг и прям-таки сразу же ещё раз самому себе запеленговать удачу, то есть почти что уже перешедшее в его долгосрочное употребление на правах экспроприации помещение для души и тела в виде радующих его сейчас полумрачных стен ресторана «Бешеные ерши». Аверкий Семёнович украдкой оглянулся, подцепил себе со стола одну из чадающих свечек и бережно, будто бы переполненный стакан, поднял её чуть выше пупа. Затем он тайком и неакцентированно перекрестился сам себе пару раз левой рукой, вроде как продолжая скрупулёзно исследовать виртуозов районных искусств на сцене и дожё-

вывая солёный огурец. Хватанул со стола пожалованный Афоней высокий стакан с желтоватой жидкостью, опрокинул его в себя и заткнул рот другим огурцом, тоже солёным.

– Ух ты, аж глаза на лоб полезли, – крикнул давно уже не святой отец. – Политура, чистая политура! Эх, хорошо-то как. Министр городского правительства по делам всех разрешённых вер мира, – победоносно оглядел зал и широко ухмыльнулся самому себе Аверкий Семёнович Гармошкин. – Ай да Бронькин! Ай да молодец! Моя школа...

Гремевший до того полный сумбур вместо музыки нежданно стих, и благолепие звенящего безмолвия заполнило жаждущие души активистов и клерков. Похоже, что команда бросаться к столам, блюдам и табличкам по залу уже просвистела.¹

.....
– Позвольте, шеф, доложить свой рапорт сейчас при безумно приятных мне людях, – почтительно пригнулся Селифановф к уху Бронькина.

– Как сказал один забавный человечек, хоть и не мой избиратель, но даже Гоголю известный товарищ Поприщин Аксентий, «...не нужно никаких знаков подданничества!» Ты скажи, Гаврила, при людях этих так, чтоб уважаемый и

¹ Здесь край листа рукописи оторван

безумно приятный один только мэр тебя слышал, – недовольно склонил голову набок Бронькин. – Глаголь скорее, из-за тебя ж вся еда и протокол стынут!

– Так я ж докладую вам. Ну чтобы понятней был весь смысл этого. Через тех, что вы знаете, японку ту я толкнул им со всей приправой. Она себе для него купила и уже загрузилась... Два куса мыла под сиденьями и полтора кила гвоздей тридцатки там. Едут под утро вместе. Ваша Лиза всё развела точно и клянётся.

– Мне пусть клянётся, а не тебе. Чего полтора кила?! Чего, спрашиваю?

– Два куса свежего мыла там присобачены, и всё на совесть сделано. А полтора кила гвоздей тридцатки для гарантии качества тоже капитально упаковано и со всей душой приклеено.

– Будь они неладны, твои новости. Тебе ж говорили, ростепеля, саморезы сороковку вложить, и не меньше двух кэгэ?.. А?.. А может быть, Гаврила, чёрт с ним, с этим стилигой... У него ж... отец у него француз уже на ладан дышит?

– Не, гвозди хорошие, свежие. Гвозди оцинкованные, – продолжил крутить свою пластинку Гаврила. – Гвозди привычней саморезов и дешевле, и на душе покойнее будет... А если «чёрт с ним» нужно, то уже поздно. Проплачено. Вы ж тогда были и сами, когда так строго об этом сказала Эвелина Спиридоновна. Эвелина Спиридоновна взад денег не возъ-

мёт, она и на Деню ...Дениса Викторовича уже для предупреждения и острастки выделила пачку, чтоб тот со своими ЧОПами и приставами больше под ногами у неё не путался.

– Ну так и... – Бронькин, видно, готовился ещё что-то произнести на этот счёт, но передумал и замолчал, затем передумал молчать да и махнул рукой: – *«Что ты, болван, так долго копался? Видно, вчерашний хмель у тебя не весь ещё выветрило».*

– Не-е. Насчёт вчерашнего, так этого почти не было. Я же обещал, что до выборов будет практически сухо. Меньше стопки уже осталось. Тьфу, меньше сотки, меньше сотни часов уже терпеть осталось до конца той клятвой, тьфу, той клятвы... ну. До конца начала выборов ваших...

– Ну ладно... Ты смотри у меня, ² Гаврила, если что, я ж тебе не прощу и уже не остановлюсь, – пригрел его без всякой цензуры сверху Бронькин.

– Да ладно тебе, Петрович. Сам же слышал, как эта мымра просила, чтоб всё горело, как прошлогодняя солома. Там не на что и смотреть будет, царствие им небесное и прочие радости... Сгорят, как гроза в начале мая, – запустил ещё более убедительное и умное сравнение повеселевший Селифановф, чью профес-

² Здесь в рукописи ластиком стёрто три слова

сиональную честь тут не на шутку потоптали, бросил на столы завистливый взгляд и тяжело вздохнул...

В едином с официантами и музыкантами порыве кухня, эстрада и зал в один осипший голос прохрипели Афанасию Бронькину своё троекратное «Ура!» и ухватились за стаканы и вилки... Большинство свечек на столах уже закончило свою угарную жизнь и оплывшими окурками обозревало окрестности. Размытые полутьмой тени, напоминающие людей, беспорядочно качались из стороны в сторону и ползали по стенам, по физиономиям и лицам, по столам и посуде, накидываясь друг на друга и на предметы, чем-то напоминая собой ритуальные пляски туземцев у костра. Между бесформенными фигурами краснолицего гарнизонного командира и бледнолицего Лысого Пимена сидел румяный Чичиков Павел Иванович. Сидел лично, но безо всяких косматых теней и завихрений, и с заинтересованностью изучал блюдо с какими-то копчёными бантиками и кружочками заморских овощей, а то и фруктов. Чем занималась в эту минуту его тень и где теперь плясала? Неведомо. Может быть, она где-то трудилась, насылая морок на всех честных людей города NN? Действительно, как раз таких-то людей в зале этом и не гуляло. И если бы сторонний наблюдатель или человек, не принадлежащий к предвыборным наукам,

хотя бы случайно объявился бы в этом месте, то он с ужасом удивления оцепенел бы уж точно. На стенах, шторах и мебели заведения мелькали и качались из стороны в сторону лишь тени от официанток, музыкантов и прочих граждан славного города NN из числа прислуги, но теней широко известных должностных лиц всех властей и рангов здесь совершенно не существовало. Будто бы все они как люди уже не существовали.

– Уважаемые джентльмены и джентльменши! – взял себя намертво в руки и отрывистым голосом ротного командира бросился на доклад Бронькин, где галопом пронёсся над неисчисляемыми слагаемыми своих удач и будущей славы города под своим мудрым руководством. Об этом вещал долго и в таких деталях, что от напалзающей на него ответственности перед своим народом под конец речи он даже прижимисто всплакнул. Затем он промокнул галстуком одного из своих референтов скупые слёзы ответственности и потребовал ото всех немедленно выпить за своё крепкое здоровье. Потом он в двух словах, кургузо, но доступно, упомянул личных соратников, а завершил их славословие тем, что объявил свой второй тост «за Афанасия Петровича Бронькина и сбывчу всех его мечт», что и потребовало от нас заключить его слова в непререкаемые кавычки.

Здравицы и искромётные шутки в тот вечер, плавно перетекавший в ночь, носились над столами, словно уже знакомые нам дерзкие птицы над полигоном твёрдых бытовых отходов. Затем один ничтожный, однако всё же таки федеральный чиновник, сопровождаемый одной популярной в городе смазливой бабёшкой, нежданно-негаданно даже для неё самой провозгласил остроумнейший и неукоснительнейший для практического соучастия тост за Бронькина, да ещё и выпил за Афанасия Петровича чего-то крепкого длиннющий и покрученный рог до самого дна. И все гости вдруг тут же принялись отдирать от стен и углов носорожки, моржачьи, бычачьи, турьи, бараньи и козлиные рога и бивни, чтоб не ударить лицом в грязь перед этим мелкотравчатым федералом. И чтоб точно также лихо и смело за Афанасия Петровича крепко дербалызнуть, но так, чтобы было ещё больше у них по объёму в сравнении с дербалызнутым мелким федеральным щелкопёром. Такое отношение к декору теперь уже его почтенного заведения «Бешеные ерши», конечно, не прошло мимо Аверкия Семёновича Гармошкина. Он громко вскрикнул что-то о «губе до дембеля», затем рухнул рядом с пронырливым юристом в полное бесчувствие и находился там до тех пор, пока в него Бронькин не залил коктейль из чистого зверобоя со свежевъжатой валерьянкой.

Вскоре всех перебил один оружейный магазинный директор, прибывший на праздник со своим стаканом прямо с охоты. Он спел со своими распальцованными вразнос постоянными клиентами и собутыльниками, случайно оказавшимися с ним за одним столом, песню утиноного полёта на утренней зорьке в сопровождении трещоток и двустволок, а затем ещё и сплясал лично для мэра сибирский танец с турецкими саблями. И хотя во время его танца порой возникало чуть обманчивое впечатление, что ему что-то сильно мешает, все гости сразу же устремились к покинутым уже было столам и на кухню за ножами, черпаками и другой утварью. Начали они отмачивать такие свои акселя, тулупы и завороты с этим небоевым оружием ещё заковыристей и даже ещё опасней предшествующего солиста, а все непочатые к тому времени бутылки шампанского были погублены в один миг.

А одна меркантильная официантка по итогам бюджетоёмкого пари в СКВ с именитым виртуозом налоговых проделок вынесла на своих грудях в зал девятнадцать полновесных ваз сливочного мороженого с клубникой и, конечно, доллары свои захватила одновременно и всунула куда следует меж грудей сразу. Многие дамы этого стерпеть никак не смогли и вступили с ней в такой недетский поединок,

что мороженого при желании не хватило бы даже самому Бронькину.

А один майор, что в гарнизоне распознал лишь усами, превосходящими ширину его плеч, запустил гагарой свою форменную фуражку с кокардой через всю длину стола так, что фуражка эта изящно одолела не прямой маршрут всего зала. Затем она мелодично звякнула кокардой о стенку над большим оркестром районной филармонии и возвратилась обратно, правда, уже без кокарды, но именно к тому же узкоплечему майору и уже заполненная до краёв пармезаном, шинкованными ананасами, морковью по-корейски и домашними мочёными яблоками. И что тут говорить? Потом начало такое твориться со шляпами, шляпками, шапками, кепками и даже наименее аэродинамичными тюбетейками активистов и службистов, что ситуацию пришлось спасать самому шеф-повару преждевременным выносом в зал жареной в кокосовом молоке свиньи.

Одна худосочная певичка из гастролирующей по сёлам группировки Крастгупконцерта совершенно без какой-либо помощи микрофона взяла такую высокую и противную по длине ноту, что все присутствующие здесь гости поначалу одновременно даже присели. Затем те же гости, но уже для чистой девственности задуманного им опыта, переломали все

микрофоны сразу и принялись поражать своим искусством друг друга так, что половина из них тут же певичку превзошла и подняла на свист, а другая половина на какое-то время абсолютно оглохла. Один лишь отец Гармошкин Феофан не пострадал. Он нацепил, откуда-то взявшийся у него танкистский шлем и благоговел в углу пред портретом какого-то выдающегося артиста, что однажды именно в этом зале рассказал анекдот или пообедал. Затем и Феофан чего-то занедужил, но в отсутствие начальника райгорздравицы находящиеся здесь санврач и ветлекарь быстро протянули ему свои руки помощи с необходимыми средствами в стаканах.

Вряд ли после такой бездны всосанных в себя жидкостей даже наиболее благоразумные дамы и наименее хмельные джентльмены, если бы даже увидели, то смогли бы поверить в правду отражения собственных глаз. А вот Бронькин с ужасом разобрал-таки и заметил всё. Засёк он, как сквозь клубы сигаретного дыма и чада точно по линейке, местами крадучись, а местами, напротив, демонстративно, словно бы отбивая по поверхности стола железными когтями бесовскую чётку, болотным дозором продефилировала чёрная кошка с горящими жёлтыми глазами и дымящейся на спине шерстью. Кошка недобро посмотрела на Бронькина, прошла несколько вперёд и вопро-

сительно замерла у тарелки Павла Ивановича Чичикова, где лежал кусок свинины с хреном, но на хрен она даже не покосилась.

Бронькин оцепенел, и не было у него ни грамма сил, чтоб хоть бы поправить очки в стальной оправе. Зелёных чёртиков он видел не раз и не два, но такое?.. *«Два страшных глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеленье молчать»*. В эту же секунду Павел Иванович Чичиков добродушно потрепал дымящуюся кошачью спину, оскалил зубы и длинно посмотрел на Бронькина. Затем он закрыл табакерку с финифтью, пружинисто вскочил на ноги и с необыкновенной приятностью в движениях выскользнул из-за стола, оставляя за спиной ужас недоумения будущего мэра и изрядно разогретую и вспотевшую семью аборигенной элиты. Бронькину показалось, что даже затылок Чичикова продолжает злобно ухмыляться, а кошка с его плеча смотрит только на него и ни на кого более. Он тяжело опустился в кресло, вытер со лба пот, лихорадочно пошарил вокруг глазами и закрыл их, чтобы мгновеньем позднее в страхе распахнуть их вновь. В эту же секунду выломанная входная дверь ресторана с грохотом рассыпалась в щепки, затем в дверном проёме предстал и сам Гаврила Селифанов. Гармошкин так громко застонал, словно его мучила сильная зубная

боль, а ввалившийся в помещение бригадир таксистов почти трезво кивнул мэру и с ядовитой озабоченностью в глазах деловито вонзился в угол и навалился на телефон.

Вряд ли кто-либо из приятно отдыхающей городской знати мог бы себе даже представить, что минутами позднее инкассаторская машина из банка братьев Хайгуллиных с господином Чичиковым Павлом Ивановичем в уютном велюровом салоне, но задолго до первых петухов, выскользнула за городскую черту Невпопадска-на-Нюхе. Забавно, что гаишники на выезде из города у автозаправки компании «SelifanoffBenzin», широко отмечавшие в это время вместе со всем прогрессивным человечеством города праздник навалившейся демократии, инкассаторский «форд» хотели даже поставить на жёсткий счётчик. А когда они потребовали через окно от служителей банка взнос в пользу демократии города, то над рулём вырос сам Деня Гроборой, и это им, конечно, тут же аукнулось немалым взносом. «Форд» оставил за собой облако пыли, стремительно ринулся будто бы в краевую столицу, но затем свернул с большака и направился в Тьфуславль, а может, и в сам Улупаевск...

С первыми петухами мимо заправки в сторону краевой столицы пронеслась и Зухра в неприметной, как моль «карине». Зоркие наблюдатели могли бы обнаружить, что вместо

кресел в салоне автомашины стояли привинченные к полу вычурные деревянные табуретки ручной работы, а на задах салона на циновке, дисциплинированно пристёгнутый ремнями безопасности, храпел взятый для охраны «...резкого направления недоучившийся студент, набравшийся мудрости из современных брошюр и газет». Таких наблюдателей в дороге им не повстречалось, но нетерпеливые доклады о «карине» с двумя пассажирами на борту понеслись в райцентр с нетерпеливостью психически беспокойных людских душ, стремящихся неведомо куда и зачем.

В эти же часы осунувшийся и до неприличия взмыленный господин Кучугуров продолжал настойчиво склонять Эдика Хайгуллина к тому, чтоб совместно сняться с выборов в пользу чего попало и добиться при единственном кандидате Бронькине отмены выборов. Эдик вроде бы и не сильно упирался, но требовал. То есть всего на миллион он требовал больше, чем на него потратился брат, а Марселу требовал перевода с культуры на финансы, что на том же этаже администрации. Сумму затрат брата Эдик назвал такую, что финхозуправление мэрии и во сне не видывало, хотя Эдик к выборам относился с самого начала, как пёс к апельсинам. Крайизбирком брался за дело ещё дороже, но в кредит. Дружба с французами мэра всё-таки опустошила, и он сидел непри-

вычно грустным и злым. Елизавета вместе со своими подружками, счетоводами и шоферами машин «скорой помощи» ломала голову над картой маршрутов досрочного голосования. Хитрогрызов никак не мог попасть в гостиницу, так как напрочь забыл свою фамилию и твердил, что он Шурик и по фамилии Пушкин. Затем он вспоминал ещё, как тренировал Каспарова игре в домино с Карповым, а те, и это известнейший факт, стали чемпионами мира и поругались между собой на почве любви к тренеру. Вахтёрша в гостинице была в курсе дела, что Хитрогрызов не Пушкин и что Иван любит чёрный индийский чай, домашнюю украинскую колбасу, выпить не дурак, но кроме карт не признаёт никаких настольных игр, а потому проявляла принципиальность и в двери гостиницы стояла скалой.

Словом, здесь каждый занимался своим делом, и даже Бронькин после изнурительных переговоров согласился-таки принять губернатора Степана Пробку вне записи, а потому ко сну ещё не отошёл.

«Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно». Поутру всплывающее из осенней сиренево-свинцовой дымки солнце поначалу казалось не всходящим, а закатным. Потом его оранжевый, будто обгащёнными мечами и стрелами шар принял-

ся настойчиво проламывать мерклую пелену осеннего тумана. Казалось, что марево не собиралось пропускать в Невпопадск-на-Нюхе, в опасный и невыгодный для людей город NN, продирающуюся вослед за мечами и другими орудиями насилия и разбития подлинную и лучистую яркость природы. Тишину нарушал лишь щебет уже давно проснувшихся и оставшихся здесь на зимовку птиц, и едва различимое слухом жужжание последних осенних насекомых, будто бы стремящихся пропеть громче соседей: *«Скучно на этом свете, господа»*.³

³ На этом рукопись обрывается

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА АВТОРА

Позволю себе начать с любимой цитаты из «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «А у нас, ваше превосходительство, – говорит Порфирий Петрович, – случилось на прошлой неделе обстоятельство. Получили мы из Рожновской палаты бумагу-с. Читали мы, читали эту бумагу – ничего не понимаем, а бумага, видим, нужная. Вот только и говорит Иван Кузьмич: «Позовёмте, господа, архивариуса, – может быть, он поймёт». И точно-с, призываем архивариуса, прочитал он бумагу. «Понимаешь?» – спрашиваем мы. «Понимать не понимаю, а отвечать могу». Верите ли, ваше превосходительство, ведь и в самом деле написал бумагу в палец толщиной, только ещё непонятнее первой. Однако мы подписали и отправили».

Теперь объясняюсь. Слова Порфирия Петровича о написанной архивариусом бумаге вполне созвучны с ощущением той самоиронии, с чем я отношусь к своим вы-

думкам «в палец толщиной» о городе NN и «виновности» Николая Васильевича Гоголя в событиях, замешанных на аллюзиях или реминисценциях, мистике или абсурдизме. Надеюсь, вы согласитесь, что у автора нет устремления к передразниванию нашей классики или к насмешкам над её творцами. Вышучиваются лишь образы, возможно, и нескладно, образы тех героев, что созданы гением и пером Н.В. Гоголя. Заметьте, что эти герои на протяжении почти что уже двух веков находят своих примерных продолжателей и без моего скромного участия.

Хочу надеяться, что события, происходящие в городе NN, в книге изложены всё же в комедийных, а не в пародийных тонах. Хотя, наверное, здесь и не обошлось без некоторого зубоскальства. Замысел в них, как и в обильном цитировании Н.Гоголя (предвижу суждения «порезал... на цитаты»), не переименование Гоголя, а попытка следовать за ним по страницам истории человеческой пустоты, которая обыкновенно заполняется злом. Отсюда родом и устремление моё прислониться к технике повествования великого Гоголя. Николай Васильевич и сам замечал появление «насмешливых перелищенок наизнанку из-

вестнейших произведений и всякого рода пародий едких, злых», что содержат в себе «большую силу» («Выбранные места из переписки с друзьями»/«В чем существо русской поэзии и в чем её особенность»). Будучи далёким от претензий на такую «силу», я осознаю и то, что отдельные обороты речи или приёмы, адаптированные в книге к иным общественным условиям, будут идентифицированы со словами и выводами классика не сразу.

Зло, которое нередко шагает с нами рядом, как и весь абсурд его мнимого поиска, редко обнаруживают себя с первого взгляда и не всегда предстают перед нами в той сути, которую содержат в себе на самом деле. «Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. ..Но как достигнуть до этого будущего, никто не знает. ..Позабыли все, что пути и дорога к этому светлому будущему сокрыты именно в этом тёмном и закутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если выставляют его на вид всем», – писал Н.В. Гоголь. («Выбранные места из переписки с друзьями»/«Что такое губернаторши»). Тема человеческих пороков в системе обще-

ственных отношений – это, пожалуй, главное, что беспокоило великого писателя. Пороки, разбедающие систему, всегда становятся уже не частным злом, а общим, а развращённая атмосфера их функционирования создаёт условия, морально разрешающие любое мошенничество. «За что же я-то один страдаю? Я ведь не хуже других! За что же меня-то сделали козлом отпущения?» – этот вопль Чичикова характерен для чичиковых всех времён и народов, и потому он так громок.

Страна, город, все события и герои – вымышлены. Это фантазия.

С уважением к вам
Георгий Дзюба

СОДЕРЖАНИЕ

О бытописце уездного города NN
и его романе с господином Чичиковым.....3

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава I.</i> На биссектрисе красного угла.....	11
<i>Глава II.</i> Ничего подозрительного вокруг.....	24
<i>Глава III.</i> В искрах трудового порыва.....	33
<i>Глава IV.</i> Сухари.....	53
<i>Глава V.</i> Под красной выпушкой мундира.....	68
<i>Глава VI.</i> Практически живой.....	82
<i>Глава VII.</i> Ускорение в бездну торгового зала.....	115
<i>Глава VIII.</i> Бизнес под полой шинели.....	128
<i>Глава IX.</i> Легенда о капитане Бронькине.....	152
<i>Глава X.</i> После первых петухов.....	171
<i>Глава XI.</i> Каланча поручика Ржевского.....	188

СЛУЧАЙНО УЦЕЛЕВШИЕ ГЛАВЫ И ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ ВТОРОЙ ЧАСТИ

<i>Глава I.</i> Низкие слухи и высокие мотивы.....	211
<i>Глава II.</i> Под сумрачной кроной древа власти.....	231
Сохранившиеся черновые наброски к последующим главам.....	254
Глава последняя.....	293
Объяснительная записка автора.....	330

Георгий ДЗЮБА

**ВО ВСЁМ
ВИНОВАТ ГОГОЛЬ**

Дизайн и вёрстка – Александр КАШЛЕВ
Корректор – Светлана ШИШАГИНА
Обложка – Дмитрий ШВЕДОВ
Фото на обложку – Сергей ЖИВАЕВ

Подписано в печать 30 сентября 2013 г.
Формат 60х90 1/32
Печать офсетная. Бумага офс. Печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 1016

Издательский дом «СИНЕРГИЯ»
115093, Москва, ул. Большая Серпуховская, д. 44, офис 33.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

9 785942 380250 >